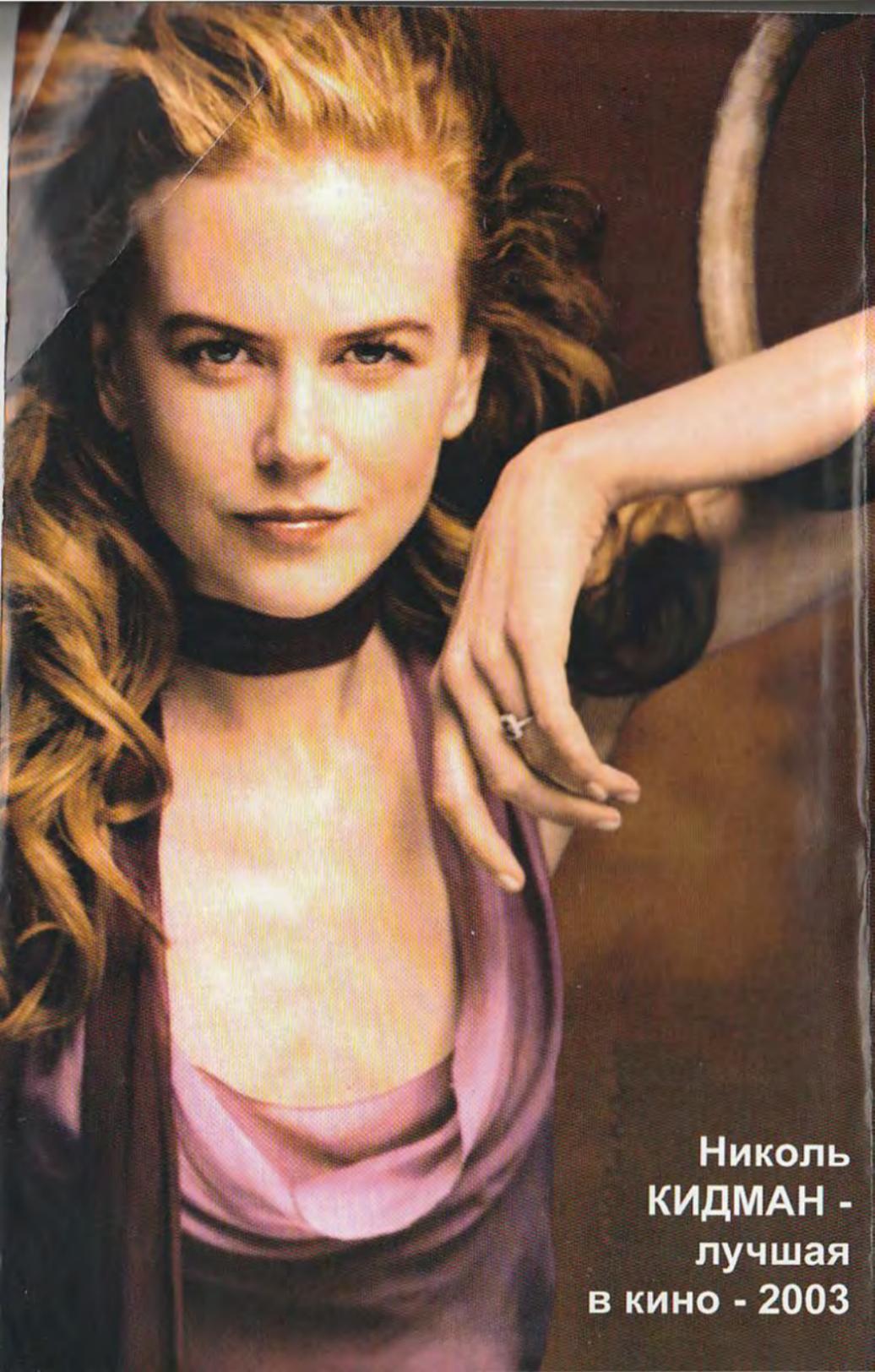

**Кейт
Бланшетт -
НОВЫЙ
КОВБОЙ**

2/2004

МЫ

Николь
КИДМАН -
лучшая
В КИНО - 2003

Мы

2/2004

Основан в 1990 году

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ
для ПОДРОСТКОВ**

Главный редактор
Геннадий БУДНИКОВ
Заместитель
главного редактора
Игорь ВАСИЛЬЕВ

Редакционный совет:
Сергей ЕСИН
Леонид ЖУХОВИЦКИЙ
Геннадий ФРОЛОВ

Журнал зарегистрирован
Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-5351.
Учредитель – ООО «Литературно-
художественный журнал «Мы»»

✉ Адрес для писем:
Абон. ящик № 1, Москва, 105005
☎ Контактные телефоны
(095) 150-11-97, 733-32-48
E-mail: magazine_we@mtu-net.ru

Сдано в набор 27.01.04 г.
Подписано в печать 16.02.04 г.
Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Тираж 8070 экз. Заказ № 3016п.

ГП Московская типография №
Денисовский пер., 30.
Москва, 105005.
E-mail: type@printshop13.ru
http://www.printshop13.ru
© «Мы», 2004

СОДЕРЖАНИЕ

■ ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Константин Ваншенкин.
Прощанье с листопадом.
Из лирики 63
Филип Рив. Смертельные гонки.
Фантастический роман.
Перевод с английского 6

■ ПРОБА ПЕРА

Наталья Бородина.
Любовник моей матери.
Рассказ 67
«Смерть и любовь – одно
острие...», или Несколько слов
о рассказе Натальи Бородиной . . . 72

■ ГОВОРЯ ОТКРОВЕННО

Проблема из конверта.
Куда девать бабушкин комод?
Письмо семнадцатилетней
Светланы читают журналист
и коллекционер 76
Письма в «Мы» 2

■ КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Харрисон Форд –
прошедший тест времени 85

■ ЗАГАДКИ ВЕКА

Сергей Чайкин.
Неуловимый Джек – чудовище
Ист-Энда 100

■ МИР ТВОИХ УВЛЕЧЕНИЙ

Новости виртуального мира,
или Во что бы нам сыграть? ... 128
Ищу друга 136

■ МУЗЫКАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

Группа «ВИА Гра»:
непристойные предложения
до нас не доходят.
С певицами беседует журналист
Ядвига Демкина

ПИСЬМА В «МЫ»

ОН ДАЖЕ ИСПУГАЛСЯ...

Прежде всего я хочу поблагодарить всех тех, кто создал и продолжает выпускать этот очень важный для подростков журнал. Спасибо, что вы затрагиваете очень важные для нас темы, может быть, читатели «Мы», прочитав письма, не сделают в жизни каких-нибудь ошибок. Ведь невольно задумаешься, прочитав о ситуации, в которую попал другой человек и испытал ее, что называется, на своей шкуре. Поэтому я решила рассказать читателям свою историю.

Прошлым летом, когда я жила на даче, к нам в поселок приехали молдаване на заработки. Их было четверо – молодые парни, все после армии, симпатичные, умненькие, всё вроде бы в них было хорошо. Я и моя подруга, которая приехала ко мне погостить, подружились с ними. Особенно мне понравился один из них, Дима. Оказалось, что наши симпатии взаимны: однажды вечером он сказал мне, что я ему совсем не безразлична. Даже больше. Я была просто счастлива и поняла, что он мне очень нужен.

Почти все лето мы были вместе, у нас были очень близкие отношения. Я сильно привязалась к нему, а то, что он говорил о нашем будущем, давало мне понять, что всё у нас серьезно и важно для обоих.

Моя подруга, та, что гостила у меня, тоже хотела завязать отношения с одним из этих парней. Но у нее ничего не получилось, и она стала гулять с Лёней, моим другом детства, соседом по даче.

В начале августа мы с ней уехали на некоторое время в Москву (забыла сказать, что обе мы москвички). А потом я случайно узнала, что она поехала в наш поселок без меня. Я отреагировала на это спокойно – я подумала, что она захотела повидаться с Лёней. Но всё оказалось не так. Она приехала не к Лёне, а к моему Диме, который, оказывается, ей сказал, что она ему нравится больше, чем я. Я была очень огорчена и решила поехать на дачу и сама поговорить с Димой.

Он даже испугался, увидев меня. Был груб со мной. Пряча глаза, стал объясняться. Сказал, что считал наши отношения несерьезными. Я расплакалась и попыталась объяснить ему, что для меня-то было всё очень серьезно – иначе я не пошла бы на близость с ним. Но он не стал со мной даже разговаривать, повернулся и ушел. И я поняла, как я в нем ошибалась: раньше он казался мне таким душевным, любящим, нежным, а теперь я увидела его настоящее лицо.

И еще я поняла, что моя подруга просто-напросто обманывала меня. Димка ей нравился, она ревновала и хотела отбить его у меня. И это у нее получилось – я узнала, что с Димой у нее было кое-что посерьезней, чем разговоры. А с Лёней ходила для того, чтобы я ничего не заподозрила.

Сейчас мне очень плохо и одиноко. Я совершенно разочаровалась в парнях, мне кажется, что я больше не смогу поверить ни одному из них, если даже он будет говорить, что любит меня. Мне кажется, что я стала каменной...

Девчонки, не надо слепо верить парням, они не такие, какими кажутся и какими хотят казаться. Особенно обращаюсь к москвичкам: присматривайтесь к парням хорошенько, особенно если они не москвичи.

А.Б.
Москва

От редакции. А нам кажется, что дело-то вовсе не в том, москвич, или молдаванин, или украинец был героем этой истории. Она, к сожалению, настолько типична, что и рассуждать о ней как-то неловко.

Жаль, конечно, нашу уважаемую читательницу, но ведь в своих огорчениях виновата прежде всего она сама. Конечно, любой девушке приятно, когда парень говорит ей о том, что она ему нравится, что он хочет серьезных с ней отношений. Но даже услышав такие слова, стоило бы подумать: правду ли парень говорит и чего на самом деле он хочет добиться.

Писем с подобным сюжетом мы получаем немало. Вот, к примеру, похожий вариант: девушка познакомилась с солдатом, который служит в воинской части, расположенной недалеко от ее дома. Он ей говорит, что полюбил ее, она верит, начинается любовь, потом срок службы заканчивается – и парень спокойно уезжает домой, иногда даже вполыхав позабыв попрощаться с подругой. Девушка в слезах, «разочаровалась в парнях», «им нужно только одно»... А скажи, пожалуйста, раньше-то этого нельзя было сообразить? Разве трудно понять, что эти парни здесь – не навсегда, на время, и любовь их тоже, как правило, временная. Да и не любовь это вообще – просто молодое мужское тело властно требует своего. Ну, бывает, понравился девушке молодой симпатичный мужчина, начался

роман... Что в этом плохого? Но вот рассчитывать на серьезность чувств, на то, что это «настоящая любовь навсегда» – честно говоря, по меньшей мере глупо и недальновидно. Раньше было даже такое понятие – «курортный роман». Приехали в отпуск двое, встретились, закрутили любовь. А потом – гуд бай, пора разлетаться: прощальный ужин, последний танец – и по домам. Дело житейское.

Пусть нас не сочтут циниками: будет гораздо лучше, если девушки начнут трезво относиться к отношениям с противоположным полом. Не стоит, раскрыв глаза и рот, слепо верить тому, что говорит тебе парень. Это ведь наука, разработанная столетиями: соблазнить девушку. Конечно, быть жертвой таких отношений – очень несладко, это мы понимаем. Но чтобы не сыграть роль жертвы, надо более дальновидно и разумно относиться к жизни. Не быть доверчивой дурочкой, которой легко запудрить мозги и добиться своего. Тогда, глядишь, ошибок и разочарований будет меньше.

КАК ВСЕ – НЕ ХОЧУ

Я давно читаю «Мы!» и особенно сочувствую девушкам или парням, которые насвершили в жизни много ошибок и потом за них расплачивались. Но мне нередко приходит в голову мысль, что многие совершают эти ошибки только потому, что хотят быть, как все, а на самом деле этого совсем не нужно. Я это поняла на собственном примере.

Сейчас мне пятнадцать лет. Год назад я впервые пошла на дискотеку. Моя старшая сестра меня не брала с собой, а позвала меня соседка. У нас вся молодежь выпивает, перед дискотеккой выпили и мы. Когда пришли в зал, я почувствовала себя веселой и раскованной, я поняла, что такая

жизнь мне нравится. С тех пор я стала выпивать, стала испытывать даже что-то вроде презрения к парням, которых считала слишком скромными.

Мои подруги убеждали меня, что все девчонки пьют, курят, многие спят с парнями, и говорили, что я тоже должна попробовать. Мол, выпьешь – и всё будет хорошо. И вот прошлым летом наша спортшкола, в которую я хожу, устроила двухдневный поход с ночевкой. Старший тренер с нами не пошел, а отправил свою помощницу, тоже тренера, молодую двадцатилетнюю женщину. Она дружила с парнями и девушками, которые учатся в школе, и не стала возражать, когда мы взяли с собой пива, водки и сигарет. Перед ночевкой все выпили. Я опьянела и пошла в палатку с одним парнем.

Сначала мы целовались, а потом он стал меня раздевать. Я, конечно, была выпивши, но разум не потеряла. Мне показалось, что это так противно – первый раз переспать с парнем в таком состоянии (он был еще пьянее меня). Я вырвалась и ушла. Потом он опять пытался затащить меня в палатку, но у него ничего не получилось. Так я и не стала в ту ночь женщиной.

Наверное, я излагаю свои мысли бессвязно, но, думаю, меня поймут. После этой истории я поняла, что для меня важно остаться девушкой до тех пор, пока я не встречу парня, в которого влюблюсь. А весь этот секс по пьянке мне совершенно не нравится, хотя мои подруги говорят, что я слишком чувствительная. Об этой истории у нас многие узнали, даже наши парни, и теперь они стали ко мне как-то по-другому относиться. А мне стало жалко тех наших девчонок, которые потеряли свою честь по пьянке с парнем, который потом и думать о них позабыл. Хотя они и говорят, что так происходит со всеми, но мне кажется,

что они страдают, когда вспоминают, как это получилось. Просто сознаться не хотят.

Наталья
Кировская область

От редакции. Да, мы согласны: быть, как все, – далеко не всегда хорошо. Если бы все брали друг у друга пример в чем-нибудь хорошем, в том, что понадобится подростку в дальнейшей жизни, – в учебе, например, в занятиях спортом, в хороших увлечениях! Но ведь народ правильно говорит, что заразителен-то чаще всего именно дурной пример. Ну вот, к примеру: зачем пятнадцатилетней девчонке отравлять свой организм водкой с пивом (от такого «ерша» и крепкий мужик на другой день болеть будет) и сигаретами? Что хорошего в том, что девушки свой первый интимный опыт нередко получают в полубессознательном от алкоголя состоянии? Помнится, одна девушка нам написала: «Я мечтала о первой близости с парнем в красивой обстановке – свечи, цветы, шампанское... А отдалась в подвале на грязном матрасе после стакана водки, от которой мне плохо стало». Не хочется верить, что такая судьба ждет всех. Наверное, Наташа права: многие девушки, пережив такое, не сохранили слишком приятных воспоминаний. И не надо другим голову морочить рассказами о том, как они «летали на облаках». Каждый, конечно, вправе сам решать, что для него важнее – сохранять девственность или нет. Но вот лишаться ее в четырнадцать лет только для того, чтобы «быть, как все», с нашей точки зрения, довольно глупо. Вот говорят, что человек – стадное животное. Подумайте, девушки и парни, о том, приятно ли вам чувствовать себя частичкой стада.

СЕЙЧАС УЖЕ НЕ БОЛЬНО

В истории, которая со мной произошла, наверное, нет ничего интересного. Но на меня она произвела неприятное впечатление, а вот почему – я до сих пор не могу разобраться.

У меня был друг-парень. Мы были хорошими друзьями – вместе смеялись, вместе переживали неудачи. Так прошел почти весь учебный год. Но вот уже весной, перед самыми каникулами, он стал проявлять ко мне какое-то особое внимание. Стал делать намеки на нечто большее, чем дружба. Я поняла его намерения и стала избегать встреч. Исчезла на два с лишним месяца – столько времени он меня не видел. И вот три недели назад я пошла на дискотеку и повстречалась с ним. Я тогда была в нетрезвом состоянии и согласилась с ним потанцевать, а потом прогуляться ночью по нашему селу. Он стал предлагать мне дружбу, сказал, что я очень ему нравлюсь. В ответ я сказала, что подумаю.

Думала я две недели, но на самом деле мне не нужно было столько времени, чтобы ответить, – ведь я его не люблю, как мой парень он мне совершенно не нужен. Однако произнести этих слов я не успела – на следующей дискотеке он подошел ко мне и сказал: «Настенька, извини, но я не могу с тобой дружить».

От такого поворота судьбы я опешила – не ожидала я такого услышать, ведь совсем недавно он говорил мне такие красивые слова! И почти до самого конца дискотеки я сидела, как в воду опущенная, почему-то было так больно, что просто хотелось плакать. Спасение от мрачных мыслей пришло неожиданно – кто-то пригласил меня на танец, и в объятиях незнакомого парня я на время забыла свою боль. А он в это время танцевал с другой девушкой и, видно, был очень рад этому.

Сейчас мне уже не больно, я смотрю на них совершенно равнодушно, хотя в глубине души всё еще таится горечь, обида. И вот теперь я часто спрашиваю себя – что это была за боль, почему видеть тогда его с другой было для меня, словно нож по сердцу?

Настя
Иркутская область

От редакции. Ответить на твой вопрос, Настя, очень просто: имя этой боли и горечи – ревность. Да и ты сама бы не задавала его, если бы тебе довелось хоть раз по-настоящему влюбиться.

Мы уже подробно писали об этом чувстве (найди в одном из старых номеров «Мы» статью «Чудовище с зелеными глазами»). Чтобы не повторяться, скажем только одно: обида твоя родилась от сознания того, что этот парень предпочел тебе другую девушку. Вроде бы и не нужен он тебе – а все равно ты переживаешь... Это очень понятно: в той извечной борьбе, с которой можно сравнить отношения мужчин и женщин, ты потерпела первое в своей жизни поражение. А любой женщине и девушке это пережить очень трудно. Помнишь слова классика: «Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей». Перечитай «Евгения Онегина» и сравни свои переживания с тем, что испытал Онегин, когда увидел Татьяну, которая была когда-то в него влюблена, принадлежащей другому человеку.

Это чувство, увы, очень свойственно человеку, особенно женщинам, которые по натуре собственницы – их очень ранит боль потерь, хотя тебе, понятно, терять ничего не пришлось. Но зато ты теперь знаешь, как это – ревновать. Страшное это чувство, и постарайся не давать ему поселиться в своем сердце.

Фантастический роман

Перевод с английского Виктора ВЕБЕРА

Иллюстрации Дмитрия Дьякова

Часть 1

Глава 1. Охотничьи земли

Во второй половине сумрачного дождливого дня мегаполис Лондон преследовал маленький горняцкий город по дну давно пересохшего Северного моря.

В лучшие времена Лондон не обратил бы внимания на столь мелкую дичь. Великий Движущийся мегаполис когда-то охотился на куда более крупные города, забираясь на север до самой Ледяной пустоши и на юг до берегов Средиземного моря. Но в последнее время любая дичь встречалась все реже, а некоторые из больших мегаполисов начали бросать голодные взгляды на Лондон. Уже десять лет он прятался от них, бродил по болотистому, гористому западному региону, который, по словам Гильдии историков, в далеком прошлом был островом Британия. Десять лет вся его добыча состояла из крошечных фермерских городков и неподвижных поселений, прилепившихся к залитым дождем холмам. Но теперь, наконец-то, лорд-мэр решил, что пришла пора вернуться через земляной мост на Великие охотничьи земли.

Где-то на полпути наблюдатели с высоких смотровых башен заметили горняцкий город, добывающий соль в двадцати милях впереди. Жители Лондона восприняли сие как знак свыше, и даже лорд-мэр (который не верил ни в знаки, ни в богов) подумал, что поход на восток начался очень даже хорошо, и отдал приказ начать преследование.

Горняцкий город заметил опасность и обратился в бегство, но громадные гусеницы под Лондоном уже крутились все быстрее и быстрее. Скоро мегаполис развил максимальную скорость – мчащаяся гора металла в семь палуб, расположившихся друг над другом, как слои свадебного торта. Нижние заволокло выхлопными газами двигателей, на верхних белели виллы богачей, а на самом верху блестел золотом крест на куполе кафедрального собора святого Павла, в двух тысячах футах над загубленной землей.

Когда все началось, Том чистил экспонаты Лондонского музея естественной истории. Почувствовал вибрацию металлического пола, а подняв голову, увидел, что чучела китов и дельфинов, подвешенные к потолку галереи, покачиваются на поскрипывающих тросах.

Не испугался, не встревожился. Все свои пятнадцать лет Том прожил в Лондоне и привык к постоянному движению. Он понял, что мегаполис меняет курс и наращивает скорость. Его охватил древний азарт охотника, свойственный всем лондонцам. Должно быть, замечена дичь! Бросив кисточки и тряпки, он приложил руку к стене, чувствуя вибрации, распространяющиеся от гигантских машинных отсеков, расположенных в Брюхе. Да, все так, включились дополнительные двигатели, и их гудение, *бум-бум-бум*, отдается в костях, как удары большого барабана.

Дверь в дальнем конце галереи распахнулась, в нее влетел Чадли Помрой. Его парик съехал набок, круглое лицо от негодования налилось кровью.

– Что, во имя Куирка?.. – вскричал он, глядя на мотающихся из стороны в сторону китов, на набивные чучела птиц, трясущихся и подрагивающих в стеклянных ячейках, словно им надоело долгое заточение и они готовились вновь обрести свободу и улететь. – Подмастерье Нэтсуорти! Что происходит?

– Погоня, сэр, – Том не мог не задаться вопросом: а как вышло, что заместитель главы Гильдии историков столько лет прожил в Лондоне, но не знает элементарных вещей? – Должно быть, ожидается неплохая добыча, – пояснил он. – Включены все дополнительные двигатели. Такого давно уже не случалось. Может, удача наконец повернулась к Лондону лицом.

– Тьфу! – Помрой поморщился, его передернуло, когда от вибрации двигателей зазвенели стеклянные панели выставочных стендов. Над его головой самое большое чучело, синего кита, который вымер тысячи лет назад, раскачивалось на тросах, как сиденье качелей. – Может, все так и есть, Нэтсуорти. Я бы лишь хотел, чтобы Гильдия инженеров снабдила это здание более качественными амортизаторами. Некоторые из экспонатов очень хрупкие. – Он выудил грязный носовой платок из складок длинного черного одеяния и вытер лицо.

– Пожалуйста, сэр, – в голосе Тома слышалась мольба, – не позволите ли вы мне сбегать на смотровую платформу и понаблюдать за погоней, на полчаса, не больше? Прошли годы с тех пор, как удавалось поймать...

Просьба шокировала Помроя.

– Разумеется, нет, подмастерье! Посмотри, сколько пыли поднялось из-за этой погони! Все экспонаты надо протереть заново и проверить, ничего ли не сломалось.

– Это же несправедливо! – воскликнул Том. – Я уже практически вычистил всю галерею.

И сразу понял, что допустил ошибку. Среди членов Гильдии встречались и похуже старины Чадли Помроя, но и тому не понравилось, что какой-то подмастерье третьего класса смеет подавать голос. Грандмастер вытянулся в полный рост (чуть больший его полной ширины) и так сурово нахмурился, что вытатуированный на лбу символ Гильдии буквально исчез между сдвинувшимися кустистыми бровями.

– Жизнь сама по себе несправедлива, Нэтсуорти! – прогремел он. – Будешь оговариваться – отправишься в Брюхо, как только закончится погоня!

Из всех работ, которые выпадали на долю подмастерьев третьего класса, Том больше всего ненавидел вахты в Брюхе. В ответ не произнес ни слова, понуро уставившись в начищенные мыски сапог главного куратора.

– Тебе велено работать в этом отделе до семи часов, и ты будешь работать здесь до семи часов, – продолжил Помрой. – А я тем временем проконсультируюсь с другими кураторами насчет этой ужасной, ужасной тряски...

Он поспешил к двери, что-то бормоча себе под нос. Том проводил его взглядом, потом поднял тряпки и кисточки и с печальным вздохом принялся за работу. Обычно ему нравилось прибираться в залах музея, особенно в этой галерее с приятными глазу, пусть и поеденными молюб чучелами животных и синим китом, который улыбался ему большой синей улыбкой. Если ему становилось скучно, он находил спасение в грезах, представлял себя героем, спасающим красавиц от воздушных пиратов или Лондон – от Лиги противников движения, и на душе сразу становилось легче. Но как он мог грезить наяву, когда весь мегаполис наслаждался первой за долгие годы настоящей погоней?

Он выдержал двадцать минут. Чадли Помрой не возвращался, не заходил в галерею и никто другой. По средам в музей посетителей не пускали, а потому был выходной и у большинства грандмастеров, мастеров и подмастерьев первого и второго класса. Кому будет хуже, если он на десять минут отлучится из галереи, чтобы хоть одним глазком посмотреть, что происходит? Том сложил кисточки и тряпки в мешок, спрятал его за внушительное чучело яка и под пляшущими тенями дельфинов поспешил к двери.

В коридоре плясали и аргоновые лампы, расплескивая свет на металлические стены. Два одетых в черное члена Гильдии торопливо прошли мимо, Том услышал дребезжащий голос старого доктора Аркенгарта: «Вибрация! Вибрация! Она же может уничтожить всю мою коллекцию керамики тридцать пятого века, подожди, пока они не скрюлись за поворотом коридора, затем выскользнул из двери и бросился к ближайшей лестнице. Проскочил через галерею двадцать первого века, мимо больших пластмассовых статуй Плутона и Микки, звероголовых богов погибшей

Америку. Пересек центральный холл и нижние галереи, полные вещей, которые так или иначе пережили тысячелетия, прошедшие с тех пор, как Древние уничтожили себя в огненном смерче сброшенных с орбиты атомных и вирусных бомб. Вихрь этот остался в истории, как Шестидесятиминутная война. Двумя минутами позже Том уже покидал музей через боковой выход, чтобы окунуться в шум и гам Тоттенхэм-корт-роуд.

Лондонский музей естественной истории располагался в самой середине Второй палубы, в деловом районе, который назывался Блумсбюри, так что Первая палуба нависала в нескольких футах над крышами домов, словно ржавое небо. Том мог не тревожиться, что его заметят, когда он пробирался по темной, запруженной толпой улице к информационному экрану, висевшему у лифтовой станции «Тоттенхэм-корт-роуд». Протиснувшись в первые ряды, наконец, смог увидеть далекую добычу – расплывчатый, синевато-серый силуэт, «схваченный» камерами, установленными на Шестой палубе. *«Город называется Солтхук, – вещал комментатор. – Это соледобывающая платформа с населением в девятьсот человек. В настоящее время она движется со скоростью восемьдесят миль в час, держа курс на восток, но по расчетам Гильдии навигаторов Лондон достигнет ее до заката. Нет никаких сомнений, что за земляным мостом мы найдем множество других городов. Солтхук – наглядное доказательство мудрости нашего горячо любимого лорд-мэра, принявшего решение вновь направить Лондон на восток...»*

«Восемьдесят миль в час!» – с благоговейным трепетом подумал Том. Потрясающая скорость! Ему ужасно захотелось подняться на смотровую площадку, почувствовать, как ветер бьет в лицо. Мистер Помрой все равно его накажет. Так что несколько лишних минут, проведенных вне галереи, ничего не изменят.

Он побежал к Блумбюри-Парк, расположенный под открытым небом на краю палубы. Раньше это действительно был парк, с деревьями и прудами для уток, но недостаток добычи привел к необходимости увеличить производство продовольствия, поэтому лужайки уступили место грядкам с капустой, а в прудах теперь выращивали водоросли. Однако смотровые платформы остались, приподнятые над палубой и выступающие за ее пределы с тем, чтобы лондонцы могли полюбоваться проплывающими внизу видами. Том поспешил к ближайшей. На ней собралась еще больше народу, чем перед информационным экраном, хватало и людей в черном, цвете Гильдии историков, и Том, пробираясь к ограждению, делал вид, будто имеет на то полное право. Расстояние до Солтхука сократилось уже до пяти миль, за ним вился черный шлейф выхлопных газов.

– Нэтсуорти! – раздался рядом резкий, неприятный голос, и у Тома упало сердце. Повернувшись, он увидел, что стоит рядом с Меллифантом, большим и сильным подмастерьем первого

класса, который улыбнулся ему и продолжил: – Это же прекрасно! Жирненькая, маленькая соледобывающая платформа с двигателями С20 для передвижения по суше! Именно такие Лондону и нужны!

Герберт Меллифант принадлежал к худшей категории мерзавцев. Такие не только бьют исподтишка и в туалете суют головой в унитаз, но и стараются вызнать все твои секреты, чтобы потом причинить не только физическую, но и душевную боль. Ему нравилось задирать Тома, маленького и застенчивого, не имеющего друзей, которые могли бы его защитить, а Том не мог посчитаться с ним, потому что Меллифанты заплатили немалые деньги, чтобы Герберт сразу стал подмастерьем первого класса, тогда как Том, у которого семьи не было, так и пребывал в третьем. Он понимал, что Меллифант заговорил с ним лишь в надежде произвести должное впечатление на симпатичного юного Историка Клайти Поттс, которая стояла по другую его сторону. Том кивнул и отвернулся от него, сосредоточившись на погоне.

– Посмотрите! – воскликнула Клайти Поттс.

Лондон быстро настигал добычу, и с верхней палубы Солтхука поднялся какой-то темный объект. Потом второй, третий. Воздушные корабли! Толпы лондонцев на смотровых платформах радостно закричали.

– Ага, воздушные торговцы! – воскликнул Меллифант. – Поняли, что город обречен, вот и уносят ноги до того, как мы проглотим его. Если не унесут, мы сможем объявить их груз своей собственностью!

Том с радостью отметил, что Клайти Поттс с Меллифантом скучно. Она стояла на ступень выше, уже сдала экзамен на мастера Гильдии историков и теперь гордо носила на лбу соответствующую татуировку, а потому все это прекрасно знала.

– Посмотрите! – повторила она, перехватив взгляд Тома и улыбнувшись. – Вы только посмотрите на них! Ну до чего же они прекрасны!

Том отбросил с глаз непослушные волосы и наблюдал, как воздушные корабли поднимаются выше и выше и исчезают в серых облаках. На мгновение ему ужасно захотелось улететь вместе с ними навстречу солнечному свету. Если бы только родители не оставили его на попечение Гильдии, которая могла сделать из него всего лишь историка! Как же ему хотелось быть юнгой на борту воздушного клипера и повидать все мегаполисы мира: Пуэрто-Анджелес, дрейфующий по синему океану, Архангельск, скользящий на стальных лыжах по замерзшим северным морям, великие города-зиккураты Нуэво-Мая, вкопавшиеся в землю твердыни Лиги противников движения...

Но эти грезы следовало оставить для других дней, тех, что он проводил в залах Музея. Новые радостные крики подсказали ему, что погоня близится к завершению, и он вновь посмотрел на Солтхук.

Маленький городок был так близко, что он различал фигурки людей, бегающих по верхним палубам. Как, должно быть, они напуганы: Лондон настигает, а спрятаться нигде! Но Том знал, что жалеть их нет нужды: таковы уж законы природы. Мегаполисы поедали города, города – маленькие городки, городки закусывали жалкими неподвижными поселками. Называлось сие муниципальным дарвинизмом, и именно так мир жил в последнюю тысячу лет, после того как Николас Куирк, великий инженер, превратил Лондон в первый Движущийся город. «Лондон, Лондон!» – кричал Том, и его голос влился в хор собравшихся на платформе. Мгновением позже они увидели, как сломалось одно из ведущих колес Солтхука. Город развернуло, он остановился, дымовые трубы попадали на запруженные народом улицы, а потом нижние палубы Лондона закрыли обзор, и Том почувствовал, как задрожали под его ногами металлические плиты: далеко внизу смыкались громадные гидравлические Челюсти.

Радостные крики со смотровых платформ распространились на весь город. Из динамиков, установленных на стойках-колоннах, торжественно зазвучал гимн мегаполиса «Гордость Лондона», кто-то – Том видел этого человека впервые – крепко обнял Тома и прокричал в ухо: «Поймали! Поймали!» Том не возражал. В этот момент он любил всех, кто стоял на смотровой платформе, даже Меллифанта. «Поймали!» – воскликнул и он, высвободился из объятий, почувствовал, как вновь по плитам палубы прокатилась волна дрожи. Где-то внизу стальные зубы мегаполиса, ухватив Солтхук, поднимали его и тащили в Брюхо.

– ...И, возможно, подмастерье Нэтсуорти тоже захочет пойти, – говорила Клайти Поттс. Том понятия не имел, о чем речь, но, когда повернулся, она коснулась его руки и улынулась. – Сегодня будет большой праздник к Кенсингтон-Гарденз, – объяснила она. – Танцы и фейерверк! Ты хочешь пойти?

Обычно люди не приглашали подмастерьев третьего класса на вечеринки, особенно такие симпатичные и пользующиеся вниманием, как Клайти, поэтому Том сначала подумал – а не подсмеивается ли она над ним? Но вот у Меллифанта таких мыслей точно не возникло, потому что он потянул ее в сторону.

– Такие, как Нэтсуорти, там не нужны.

– Почему нет? – спросила девушка.

– Ну, ты понимаешь... – Квадратное лицо Меллифанта стало таким же красным, как и у мистера Помроя. – Он же всего лишь третий класс. Прислуга. И членом Гильдии ему никогда не стать. Дослужится разве что до помощника куратора. Не так ли, Нэтсуорти? – Он пренебрежительно глянул на Тома. – Жаль, конечно, что твой отец не оставил тебе денег, чтобы ты мог заплатить за учебу...

– Это не твое дело! – зло отрезал Том. Радостное настроение, вызванное успешным завершением охоты, испарилась, как дым, он снова занервничал, думая, как накажет его мистер Помрой,

обнаружив, что он не подчинился приказу и удрал со службы. А тут еще Меллифант с его издевками.

– А все потому, что нельзя жить в трущобах на нижних палубах, – ухмыльнулся Меллифант, опять повернувшись к Клайти Поттс. – Отец и мать Нэтсуорти жили на четвертой, видишь ли, и когда случился Большой крен, их просто расплющило, размазало по полу.

Том не собирался ударить его – так уж вышло. Не отдавая себе отчета, он сжал правую руку в кулак и выбросил вперед.

– Ой! – вскрикнул Меллифант, от неожиданности плюхнувшись на задницу. Кто-то радостно подбодрил Тома, Клайти подавила смехок. Том же просто смотрел на свой кулак и удивлялся, как он мог такое сделать.

Но Меллифант был больше и сильнее Тома, и он уже вскочил на ноги. Клайти попыталась остановить его, но другие историки требовали реванша, как и группа мальчишек в зеленых туниках подмастерьев Гильдии навигаторов. «Поединок! Поединок! Поединок!» – скандировали они.

Том понимал, что против Меллифанта шансов у него не больше, чем у Солтхука – против Лондона. Он отступил на шаг, но толпа уже образовала плотный круг. Потом кулак Меллифанта врезался в его скулу, колено – между ног, он согнулся пополам, отпрянул, из глаз уже брызнули слезы. Том развернулся и ткнулся головой во что-то большое и мягкое, как диван.

– Уф! – донеслось сверху.

Том поднял голову и увидел круглое, красное, с кустистыми бровями лицо под съехавшим набок париком. Лицо это стало еще краснее, когда его обладатель узнал мальчика.

– Нэтсуорти! – прогремел Чадли Помрой. – Скажи мне, во имя Куирка, что за игру ты затеял?

Глава 2. Валентин

В результате Том отправился в Брюхо, тогда как остальные подмастерья готовились к празднику в честь захвата Солтхука. Само собой, после долгой нотации, которую ему пришлось выслушать в кабинете Помроя («Неповиновение, Нэтсуорти... Драка с подмастерьем более высокого класса... Что сказали бы твои бедные родители?») Вновь, правда, уже не бегом, а едва переставляя ноги, добрался до станции «Тоттенхэм-корт-роуд», дождался идущего вниз лифта.

Кабина прибыла переполненной. В верхней секции все сиденья занимали самодовольные мужчины и женщины из Гильдии инженеров, самой могущественной из четырех Великих гильдий, которые правили Лондоном. От их лысых черепов и длинных белых резиновых плащей у Тома по коже бежали мурашки, поэтому он предпочел постоять в нижней секции, где с каждого из плакатов – ими залепили все стены – на него смотрело суровое лицо

лорд-мэра. Надпись под ним гласила: «Движение – жизнь! Помогите гильдии инженеров держать Лондон на ходу». Кабина спускалась все ниже, минуя знакомые станции Бейкерлоо, Высокий Холборн, Нижний Холборн, Бетнал Грин, и на всех в нее втискивались множество людей, прижимая его к стене, так что Том облегченно вздохнул, когда, наконец, вышел на самой нижней станции, и гремящем и ревушем Брюхе.

Именно там Лондон демонтировал пойманные города: верфи и заводы располагались между Челюстями и машинными отсеками. Том терпеть не мог это место. Во-первых, в Брюхе всегда царил шум, во-вторых, там работали жители нижних палуб, грязные и пугающие, и заключенные из тюрьмы в Нижнем Брюхе, которые были еще хуже. От жары у Тома болела голова, запах серы заставлял чихать, а мерцающий свет аргоновых ламп давил на глаза. Но Гильдия историков всегда посылала свою команду, когда в Брюхе «переваривался» очередной город, и сегодня Тому предстояло присоединиться к ней и ходить по Брюху, напоминая всем и каждому, что книги и антиквариат, находившиеся на борту добычи, – достояние Гильдии, а история по важности ничуть не уступает кирпичам, железу и углю.

Покинув конечную станцию лифта, Том по цилиндрическим коридорам, выложенным зеленой плиткой, и металлическим мостикам, подвешенным на высоте в сорок футов над Разделочными верфями, поспешил к складу Гильдии историков. Далеко внизу Солтхук разбирали на части. Выглядел он совсем маленьким, затерявшимся в просторах Лондона. Большие желтые разделочные агрегаты ползали вокруг него на гусеницах, спускались сверху на кранах, карабкались сбоку на гидравлических паучьих лапках. Колеса и оси уже сняли, началась разборка корпуса. Огромные циркулярные пилы вгрызались в металлические плиты палуб, выбрасывая фонтаны искр. Жар поднимался от плавильных печей, и скоро Том почувствовал, что подмышки его черной форменной туники пропитались потом.

Но когда он добрался до склада, в конце тоннеля неожиданно забрезжил свет. На Солтхуке не было ни музея, ни библиотеки, и тот минимум предметов, представляющих исторический интерес, которые удалось обнаружить в ломбардах, уже упаковывали в ящики для отправки на Вторую палубу. Том понял, что его могли отпустить пораньше, и тогда он успевал за завершающую часть праздника! Теперь все зависело от того, кто из мастеров руководил работой. Если старик Аркенгарт или доктор Уэймаут – он обречен: эти задерживали всех до конца смены независимо от того, оставалась какая-то работа или нет. А вот если толстяк Пьютенгайд или мисс Плим – тогда у него есть шанс...

Но шагая к кабинету управляющего складом, Том понял, что на этот раз работами в Брюхе руководит большая шишка. Неподалеку от ведущей к двери лестнице припарковался «жук» с нарисованной на капоте эмблемой гильдии, роскошь, какую могли поз-

волить себе далеко не все грандмастера. Рядом с «жуком» стояли двое мужчин в форме высокопоставленных сотрудников Гильдии. Крепкие парни с суровым взглядом. Том их знал: Пьюси и Генч, вставшие на путь исправления воздушные пираты, последние двадцать лет – верные слуги гильденмейстера, главы Гильдии, которые пилотировали его воздушный корабль, «Лифт на тринадцатый этаж», когда он отправлялся в экспедицию. *«Здесь сам Валентин!»* – подумал Том и постарался не тарачиться на мужчин, взбегая по ступенькам к двери.

Том преклонялся перед Таддеусом Валентином. Бывший кладоискатель, ставший самым знаменитым археологом Лондона и возглавивший Гильдию историков, несмотря на зависть и недовольство таких, как Помрой. В общежитии Том повесил фотографию Валентина над своей койкой, а его книги «Приключения практикующего историка» и «Американская пустыня – через мертвый континент с пистолетом, камерой и воздушным кораблем» прочитал столько раз, что выучил их наизусть. Когда Тому было двенадцать лет, по окончании учебного года Валентин вручал подмастерьям призы за лучшие работы. Одного удостоился и Том – за эссе о распознавании поддельного антиквариата. Тот день Том полагал лучшим в своей жизни. Речь, произнесенную тогда этим великим человеком, он запомнил слово в слово: *«Никогда не забывайте, подмастерья, что мы, Историки, самая важная Гильдия города. Мы не зарабатываем столько денег, как Купцы, но мы создаем знание, которое стоит гораздо дороже. Мы, возможно, не несем ответственности за курс, которым идет Лондон, как Навигаторы, но что смогли бы сделать Навигаторы, если бы мы не сохранили древних карт? А что касается Инженеров – просто помните, что отправной точкой для каждой разработанной ими машины является какой-нибудь элемент олд-тек, высоких технологий древности, который или сберегли хранители мурзеев, или откопали наши археологи».*

Получая награду, Том сумел лишь пробормотать: «Благодарю вас, сэр», прежде чем вернуться на свое место, поэтому и думать не мог, что Валентин его запомнил. Однако, едва он отворил дверь кабинета, великий человек поднял голову и улыбнулся.

– Нэтсуорти, не так ли? Подмастерье, который так здорово распознает подделки? Сегодня мне надо быть начеку, а не то ты выведешь меня на чистую воду!

Шутка, конечно, была не из лучших, но она помогла сломать стену неловкости, которая обычно возникала при общении подмастерья и грандмастера, не говоря уже о гильденмейстере. Том сразу приободрился, перестал переминаться с ноги на ногу на пороге и направился к столу, протягивая записку от Помрой. Валентин поднялся из-за стола, шагнул навстречу. Высокий, симпатичный мужчина лет сорока с гривой тронутых сединой черных волос и аккуратной бородкой. Его серые глаза весело поблескивали, а третий глаз, синий, на лбу, символ Гильдии историков,

устремленный в глубины времени, казалось, подмигнул, когда Валентин вопросительно изогнул бровь.

– Драка, значит? И чем подмастерье Меллифант заслужил сияние под глазом?

– Он неподобающе отозвался о моих отце и матери, сэр, – пробормотал Том.

– Понятно. – Гильденмейстер кивнул, всматриваясь в лицо мальчика. – Ты – сын Дейвида и Ребекки Нэтсурти?

– Да сэр, – кивнул Том. – Но мне было только шесть лет, когда случился Большой крен... так что я их практически не помню.

Валентин вновь кивнул, глаза, оставшись добрыми, погрузнели.

– Они были хорошими историками, Томас. Я надеюсь, ты пойдешь по их стопам.

– Да, сэр, да! – воскликнул Том. – Я хочу сказать... я очень на это надеюсь!

Он подумал о своих несчастных родителях, погибших, когда часть Чипсайда рухнула на расположенную ниже палубу, и почувствовал, как его глаза наполняются слезами. Валентину он мог рассказать все, о чем угодно, и едва не начал говорить, что ему недостает родителей, а скука и одиночество занимают слишком уж большое место в жизни подмастерья третьего класса, но тут в кабинет вошел волк.

Очень большой волк, белый, и появился он из двери, что вела в хранилище. Увидев Тома, волк побежал к нему, оскалив желтые клыки.

– А-а-а-а! – вскричал Том, запрыгивая на стул. – Волк!

– Место! – крикнул девичий голос, а мгновением позже в кабинете появилась девушка, наклонилась над чудовищем, почесала мягкую белую шерсть под подбородком. Яростные янтарные глаза закрылись от наслаждения, Том услышал, как виляющий хвост трется о ее одежду. – Не бойся. – Она рассмеялась, глядя на него снизу вверх. – Он – барашек. Я хочу сказать, он – настоящий волк, но смирный, как барашек.

– Том! – Глаза Валентина по-прежнему весело поблескивали. – Познакомься с моей дочерью Кэтрин и Собакой.

– Собакой? – Том слез со стула, но страх до конца так и не прошел. Он подумал, что зверь удрал из зоопарка в Круглом парке.

– Это долгая история, – ответил Валентин. – До пяти лет Кэтрин жила в Пуэрто-Анджелесе, плавающем мегаполисе. Потом ее мать умерла, а Кэтрин перебралась ко мне. Я привез Собаку ей в подарок из одной из экспедиций в Ледяную пустошь. Тогда Кэтрин еще не так хорошо говорила по-английски, а о волках не слышала вовсе, поэтому, увидев его, воскликнула: «Собака!» Вот кличка и осталась.

– Он совершенно ручной. – Девушка вновь улыбнулась Тому. – Отец нашел его щенком. Ему пришлось застрелить мать, но на бедного Собаку рука у него не поднялась. Больше всего он любит, когда ему чешут живот. Я про Собаку, не палу.

Она рассмеялась. От отца ей достались серые глаза и быстрая, ослепительная улыбка, а длинные волосы едва не достигали талии. Носила она узкие шелковые брючки и широкую тунику, по последней моде Верхнего Лондона. Том не мог отвести от нее глаза. Он видел фотографии дочери Валентина, но только встретившись с ней понял, до чего же она красива.

– Смотри, – добавила девушка, – ты ему нравишься.

Собака потянулся вперед, чтобы обнюхать подол туники Тома. Он вилял хвостом, а влажный розовый язык прошелся по пальцем юноши.

– Если люди нравятся Собаке, обычно выходит, что они нравятся и мне, – поделилась своими жизненными наблюдениями Кэтрин. – Пожалуйста, папа, представь нас, как должно!

Валентин рассмеялся.

– Хорошо, Кейт, это Том Нэтсуорти, который прислан нам на подмогу, и, если твой волк уже с ним познакомился, я бы хотел, чтобы мы позволили ему приступить к работе. – Он по-отечески положил руку на плечо Тома. – Делать особенно нечего. Мы лишь в последний раз пройдемся по Верфям, а потом... – Он глянул на записку Помроя, порвал ее на мелкие клочки и бросил в красную корзинку для вторичной переработки, которая стояла у стола. – Потом ты свободен.

Том и не знал, что удивило его больше, то ли возможность успеть на праздник, то ли решение Валентина спуститься на верфи. Обычно грандмастера предпочитали сидеть в комфортабельном кабинете, предоставляя подмастерьям работать на жаре, в пыли и копоти. А вот Валентин снял черную мантию гильденмейстера, сунул ручку в карман жилетки, у двери обернулся, чтобы улыбнуться Тому.

– Пошли. Чем быстрее мы начнем, тем скорее ты освободишься и сможешь попасть в Кенингстон-Гарденз.

Они спускались все ниже и ниже, Собака и Кэтрин следом, по спиральной металлической лестнице к Разделочным верфям, где Солтхук с каждой минутой становился все меньше и меньше, буквально таял на глазах. Теперь от него остался только стальной остов, и машины продолжали рушить его, оттаскивая стойки и балки к печам на переплавку. Одновременно горы кирпичей, шифера, бревен и соли по конвейерам уплывали на заводы, расположенные в Брюхе, тогда как мебель, одежда, утварь и продовольствие сортировались командами утилизаторов для отправки на верхние палубы.

Утилизаторы были истинными хозяевами этой части Лондона, и сие не составляло для них тайны. Они ходили по узким дорожкам с кошачьей грацией, их голые груди блестели от пота, глаза прятались за затемненными очками. Том всегда их боялся, тогда как Валентин весело махал им рукой и спрашивал, не попадалось ли им на глаза что-нибудь, достойное Музея. Иногда

он останавливался, чтобы перекинуться с кем-то шуткой или спросить о здоровье близких. И всегда представлял им Тома: «Мой коллега, мистер Нэтсуорти». Том аж раздувался от гордости. Валентин вел себя с ним, как со взрослым, и точно так же относились к нему и утилизаторы, касались козырьков замасленных кепок или улыбались, называя себя. Едва ли не всех звали Лен или Грязный.

– Не обращай внимания на то, что говорят о них в Музее, – предупредил Валентин, когда один из Ленов подвел их к вагонетке, в которую складывали старинные вещи. – Нельзя считать их дураками только потому, что они живут внизу и говорят не так чисто, как на верхних палубах. Вот почему я люблю спускаться сюда, когда работают Верфи. Я не раз видел, как утилизаторы замечали артефакты, пропущенные историками.

– Да, сэр, – согласился Том, искоса глянув на Кэтрин. Ему хотелось как-то отличиться, произвести впечатление на главного историка и его красавицу-дочь. Если бы только он мог найти среди этого мусора фрагмент олд-тек, дабы они помнили о нем и после того, как вернутся в роскошь Верхнего Лондона. Иначе после завершения прогулки по верфям он, возможно, уже никогда их не увидит!

В надежде удивить Валентина и Кэтрин Том поспешил к вагонетке и заглянул внутрь. В конце концов, олд-тек иногда удавалось обнаружить в антикварных магазинах маленьких городов, и то и на каминных досках старушек. А до чего здорово стать открывателем какого-нибудь легендарного секрета, скажем летающих машин, которые тяжелее воздуха, или вермишели! Даже если находка не пригодится Гильдии инженеров, она займет достойное место в Музее, в выставочном стенде с табличкой: «Обнаружено мистером Т. Нэтсуорти». Он всмотрелся в содержимое вагонетки: куски пластика, провода, расплющенный игрушечный автомобиль... На глаза попала маленькая металлическая коробочка. Когда он достал ее и откинул крышку, на него глянуло собственное лицо, отраженное в серебристом пластиковом диске.

– Мистер Валентин! Посмотрите! Си-ди!

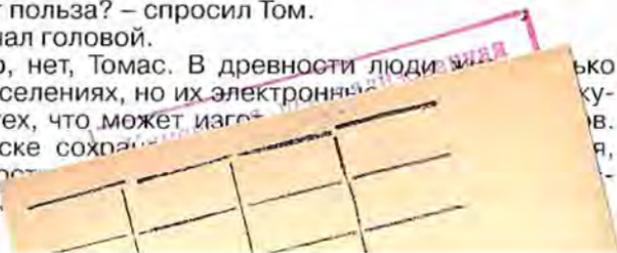
Валентин потянулся к коробочке, вытащил диск, покрутил его, так что поверхность заиграла всеми цветами радуги.

– Совершенно верно. Древние использовали их в своих компьютерах для хранения информации.

– От него будет польза? – спросил Том.

Валентин покачал головой.

– К сожалению, нет, Томас. В древности люди жили в неподвижных поселениях, но их электронные устройства совершеннее тех, что может изобрести человек. Даже если на диске сохранены данные, у нас нет возможности восстановить ее при себе н...

Он отвернулся, а Том положил си-ди обратно в коробочку и убрал в карман. Но Кэтрин, должно быть, почувствовала разочарование юноши, потому что коснулась его руки.

– Это прекрасная вещь, Том. Все, что пережило тысячи лет, прекрасно, даже если эта ужасная Гильдия инженеров не найдет ему применения. У меня есть ожерелье из старых компьютерных дисков... – Она улыбнулась, прекрасная, как девушки из его грез, только более добрая и близкая, и он понял, что отныне и во веки веков будет спасать от злодеев исключительно Кэтрин Валентин.

В вагонетке больше не нашлось ничего интересного. Солтхук был промышленным городом, его жители думали исключительно о добыче соли со дна пересохшего моря. Прошрое их совершенно не волновало. Но вместо того, чтобы вернуться на склад, Валентин и его спутники по другой лестнице и узкому мостику прошли на Станцию иммигрантов, где жители захваченного города стояли в длинной очереди к клеркам Регистрационной службы, которые распределяли их по хостелам и рабочим общежитиям Лондона.

– Даже если я не на работе, – объяснил он, – при захвате добычи я обязательно встречаюсь с кладоискателями до того, как им предоставляется возможность продать свои находки на антикварных рынках Пятой палубы и вновь раствориться в просторах Открытой территории.

Кладоискатели попадались на борту любой добычи, бездомные странники, бороздящие Охотничьи земли на своих двоих, выискивая реликты олд-тек. Не стал исключением и Солтхук. В конце длинной очереди понурых горожан пристроилась группа людей, более оборванных, чем остальные, в длинных, до щиколоток, грязных, с многочисленными заплатами, пальто и пылевыми масками, сдвинутыми на шею.

Как и большинство лондонцев, Тома ужасала сама мысль о том, что люди до сих пор действительно жили непосредственно на земле. Он замедлил шаг, присоединившись к Кэтрин и Собаке, тогда как Валентин направился к кладоискателям. Они окружили его, все, кроме одного, высокого, тощего, в черном пальто. Том подумал, что это девушка, но точно сказать не мог, потому что лицо и волосы закрывал черный шарф-тюрбан, совсем как у номадов, древних кочевников. Том стоял рядом с ней и наблюдал, как Валентин представился остальным кладоискателям и спросил: «Может, среди ваших находок есть и такие, что могут заинтересовать Гильдию историков? Мы даем хорошую цену».

Одни закивали, другие покачали головой, третьи начали рыться в объемистых баулах. Девушка в черном шарфе, закрывающем лицо и голову, сунула руку под пальто.

– У меня есть кое-что для тебя, Валентин.

Говорила она так тихо, что слышали ее только Том и Кэтрин, а когда повернулись к ней, она внезапно бросилась на гильденмейстера, замахнувшись длинным, с тонким лезвием ножом.

Глава 3. Желоб сброса

На раздумья времени не оставалось: Кэтрин закричала, Собака зарычал, девушка на мгновение замешкалась, и Том увидел свой шанс. Прыгнул вперед и схватил ее за руку в тот самый миг, когда она уже собралась вонзить нож в сердце Валентина. Она зашипела, дернулась, нож упал на палубу, а девушка, вырвавшись, побежала по металлическому мостику.

– Остановите ее! – проревел Валентин, уже бросился за ней, но люди, стоявшие в очереди, увидели нож и в испуге заметались, отсекая его от беглянки. Нескольким кладоискателям вытащили оружие, но толпу уже рассекал закованный в броню полисмен, напоминающий огромного синего шмеля.

– В Лондоне оружие запрещено! – проревел он.

Меж голов кладоискателей Том высмотрел темный силуэт девушки. Она добежала до конца мостика и теперь по лесенке забиралась на более высокий уровень. Он устремился следом и попытался ухватить девушку за лодыжку. Не дотянулся лишь на несколько дюймов, и в тот же момент мимо просвистела стрела, ударила в металлическую перекладину, выбив сноп искр. Он оглянулся. Двое полицейских продирались сквозь толпу с поднятыми арбалетами. Позади них Том увидел Кэтрин и ее отца, наблюдавших за ним.

– Не стреляйте! – крикнул он. – Я сумею ее поймать!

И начал подниматься по лестнице, полный решимости догнать девушку, пытавшуюся убить горячо любимого им гильденмейстера. Он чувствовал, что от волнения сердце едва не выскакивает из груди. Столько лет он лишь грезил о приключениях, а теперь вот, совершенно неожиданно, судьба уготовила ему такой подарок. Он спас жизнь мистеру Валентину! Он – герой!

Девушка бежала по лабиринту мостков в сторону плавильных печей. В надежде, что Кэтрин по-прежнему видит его, Том кинулся в погоню. Под ними Разделочные верфи работали в обычном режиме. Внизу никто из рабочих и не догадывался о драме, разворачивающейся над их головами, Том мчался сквозь черные тени и облака теплого, ослепляющего пара, но никак не мог настичь девушку.

Расстояние между ними то сокращалось до нескольких футов, то чуть увеличивалось. Тюрбан-шарф, зацепившийся за низко висящий короб воздуховода, сорвало с ее головы. Длинные, цвета меди волосы рассыпались по плечам, но ее лица Том по-прежнему не видел. Задался вопросом, красивая ли она, убийца из Лиги противников движения?

Он пригнулся, чтобы не зацепиться головой за тюрбан-шарф, побежал дальше, жадно хватая ртом воздух, расстегнув ворот рубашки. По спиральной лестнице, девушка впереди, он – за ней, они спустились на палубу Разделочных верфей, понеслись сквозь тени, отбрасываемые лентами конвейеров, меж гигантских сфе-

рических хранилищ газа. Группа рабочих-заключенных в удивлении вытаращились на бегущую девушку.

– Задержите ее! – крикнул Том.

Они лишь стояли и смотрели, а оглянувшись, Том увидел, что один из подмастерьев-инженеров, контролировавших работу, сорвался с места и бросился за девушкой. Том тут же пожалел о том, что раскрыл рот. Не хватало только, чтобы лавры победителя достались какому-то инженеру! Поднажал, твердо решив, что поймать ее должен он и только он.

Впереди дорогу перегораживала круглая дыра в палубе, черная, с оплавленными краями, взятая в ржавые поручни ограждения, – желоб, по которому сбрасывали шлак из плавильных печей. Девушка на мгновение притормозила, гадая, в какую сторону повернуть. И когда вновь собралась прибавить шагу, Том ее настиг. Вытянутые руки ухватились за рюкзак. Лямка лопнула, она остановилась и повернулась к нему, освещенная красным огнем плавлен.

Возрастом не старше Тома, но до чего уродливая! Ужасный шрам рассекал ее лицо от лба до челюсти, отчего выглядело оно как портрет, разорванный надвое. Рот перекосило в вечной ухмылке, нос расплющило, а единственный глаз смотрел на него из этого кошмара, серый и холодный, как море зимой.

– Почему ты не дал мне убить его? – прошипела она.

Онемевший, он не мог ни ответить, ни шевельнуться, просто стоял и смотрел, как девушка подняла рюкзак и повернулась, чтобы бежать дальше. Но полицейские свистки за их спинами становились все громче, дротики выбивали искры из металлических плит палубы и воздухопроводов над головой. Девушка выронила рюкзак и упала на бок, грязно выругавшись. Том и представить себе не мог, что она *знала* такие слова.

– Не стреляйте! – закричал он, махая полицейским руками. Они спускались по спиральной лестнице между хранилищами газа, стреляя на ходу. Присутствие Тома их несколько не волновало.

– Не стреляйте!

Девушка села, и он увидел, что арбалетная стрела торчит из ее ноги чуть повыше колена. Она схватилась за нее, между пальцев бочилась кровь. Дыхание с хрипом вырывалось у нее из груди. Не понимаясь с земли, она добралась до ограждения, с огромным грудом поднялась, оперлась о поручень. За ее спиной зияло жерло желоба сброса.

Нет! – прокричал Том, догадавшись о ее намерениях. Он больше не чувствовал себя героем, просто жалел эту бедную, обезображенную девушку, и его грызло чувство вины: именно он загнал ее в эту ловушку. Он протянул ей руку в надежде, что она схватится за нее и не прыгнет. – Я не мог позволить тебе причинить вред мистеру Валентину! – прокричал он, перекрывая грохот Брюха. – Он – хороший человек, добрый, храбрый, удивительный...

Девушка наклонилась к нему, словно для того, чтобы он смог получить рассмотреть ее страшное лицо.

– Посмотри на меня! – Искаженный голос вырвался из перекошенного рта. – Посмотри, что сделал со мной твой храбрый, добрый Валентин!

– О чем ты?

– Спроси его! – прокричала она. – Спросил его, что он сделал с Эстер Шоу!

Полицейские приближались. Том чувствовал, как дрожит палуба под их сапогами. Девушка глянула поверх его плеча, перекинула раненую ногу через поручень, вскрикивая от боли.

– Нет! – взмолился Том, но опоздал. Взметнулись полы ее длинного черного пальто, и она исчезла. Том бросился к ограждению, наклонился над зевом желоба. На него дохнуло холодным воздухом, запахом глины и раздавленной растительности, запахом земли, по которой двигался Лондон. – Нет!

Она выпрыгнула! Она выпрыгнула из мегаполиса навстречу смерти! *Эстер Шоу*. Он должен запомнить ее имя и фамилию, чтобы помолиться за нее одному из многочисленных богов Лондона.

Сквозь дым и пар на него надвинулись тени. Полицейские приближались осторожно, бочком, словно крабы. С ними и Валентин. В тени, отбрасываемой хранилищем газа, Том увидел подмастерье Гильдии инженеров. Попытался ему улыбнуться, но мышцы лица застыли, отказываясь подчиниться, а в следующий момент будущий инженер пропал в черном дыму.

– Том! Ты в порядке? – Валентин подбежал к нему, дыхание если и участилось после долгой погони, то не сильно. – Где она? Где девушка?

– Погибла, – выдохнул Том.

Валентин встал рядом с ним у поручня, посмотрел вниз. Даже сквозь дым Том видел, что глаза Валентина горели каким-то странным огнем, а на побледневшем, напрягшемся лице читался испуг.

– Ты ее видел, Том? У нее на лице шрам?

– Да, – кивнул Том, гадая, откуда Валентин мог это знать. – Жуткий шрам. Одного глаза нет, а нос... – Тут он вспомнил ужасное обвинение, которое девушка выдвинула против Валентина. – И она сказала... – Он никак не мог решить, передавать ли ее слова Валентину или нет. Конечно же, она солгала, по-другому просто не могло быть. – Она сказала, что ее зовут Эстер Шоу.

– Великий Куирк! – просипел Валентин, и Том даже отпрянул, поняв, что упоминать об этом не следовало. Но когда вновь посмотрел на Валентина, на его губах играла добрая улыбка, а в глазах стояла печаль. – Не волнуйся, Том. Я очень сожалею, но...

Том почувствовал, как большая рука легла на его плечо, а потом... он так и не понял, как все произошло. Вроде бы его развер-

цуни, толкнули, и в следующее мгновение он перевалился через поручень и полетел вниз, как летела Эстер Шоу, в отчаянии пытаясь зацепиться за гладкий металл обшивки желоба. *«Да он же меня спихнул!»* – успел подумать Том, прежде чем провалиться в темноту.

Глава 4. Открытая территория

Тишина. Тишина. Он не понимал, в чем дело. Даже когда Лондон не двигался, в общежитии что-то да шумело: гудели вентиляторы, издали доносился шум лифтовых шахт, на соседних койках храпели другие подмастерья. И вдруг – тишина. Голова болела. Болело все тело. И койка стала другой на ощупь. Когда он двигал руками, что-то холодное и склизкое залезало между пальцами, как...

– Глина! Он сел, ахнул. Какое там общежитие подмастерьев третьего класса! Он лежал на куче расплзавшейся глины, на краю глубокой траншеи, и в слабом, перламутрово-сером свете щри мог видеть девушку с изуродованным лицом, сидящую неподалеку. Этот кошмарный сон – он скользит вниз по черному от сажи желобу для сброса шлаков – обернулся явью. Он выпал из Лондона и остался один на один с Эстер Шоу на голой земле.

Том застонал от ужаса, девушка бросила на него короткий взгляд и отвернулась.

– Так ты жив. Я-то думала, что ты умер.

По голосу чувствовалось, что ей без разницы.

Том приподнялся на колени, чтобы только они, пальцы ног и ладони казались мокрой глины. Увидел что руки у него голые, не только руки, но и тело, все в синяках, до талии. Его туника лежала рядом, и грязи, но рубашки он не нашел, пока не подполз к девушке и не увидел, что та деловито рвет ее на полосы и бинтует ими рваную ногу.

Эй! Это же одна из моих лучших рубашек!

И что? – Она не оторвалась от своего занятия. – Это одна из моих лучших ног.

Он надел тунику, рваную и грязную после спуска по желобу, дыры которой без задержки пропускали к его телу холодный воздух Открытой территории. Дрожа, он обхватил себя руками. *«Валентин меня толкнул, Он меня толкнул, и я полетел вниз по желобу на Открытую территорию! Он меня толкнул... Нет, он не мог этого сделать. Должно быть, я ошибаюсь. Сам поскользнулся, и он пытался меня удержать, схватить, и вот что из этого вышло».*

Эстер Шоу закончила перевязку и встала, морщась от боли, натанула грязные, затвердевшие от крови бриджи. Затем бросила Тому остатки рубашки, ни на что не годную тряпку.

Тебе следовало позволить мне его убить. – Она повернулась в Тому спиной и начала подниматься по глиняному склону.

Том наблюдал за ней, не шевелясь, все еще потрясенный случившимся. И лишь когда она скрылась за гребнем, осознал, что не хочет оставаться в этой канаве в одиночестве. Любая компания, даже ее, лучше, чем полная, давящая на уши тишина.

Он отшвырнул порванную рубашку и поспешил за Эстер, поскользнувшись на густой, жирной глине, хватаясь пальцами за корешки растений. Глубокая траншея уходила влево и, лишь поднявшись на гребень, Том понял, что траншея эта – одна из сотен ей подобных, и все они – гигантские следы траков гусениц, на которых передвигался Лондон. Далеко-далеко он увидел и сам мегаполис, темную гору на фоне светлеющего на востоке неба, окутанную выхлопным дымом двигателей. Его охватила тоска по дому. Все, кого он знал, находились на этой движущейся горе, все, за исключением Эстер, которая направлялась следом, подволакивая раненую ногу.

– Стой! – закричал он, припустил следом, чтобы догнать. – Эстер! Мисс Шоу!

– Отстань от меня! – рявкнула она.

– Но куда ты идешь?

– Я должна вернуться в Лондон! Мне потребовалось два года, чтобы найти его. Я пересекала Открытую территорию на своих двоих, поднималась на борт маленьких городов, в надежде, что Лондон на них польстится. И когда, наконец, я попадаю туда и нахожу Валентина, который, как и обещали кладоискатели, спустился на верфи, что из этого выходит? Какой-то идиот мешает мне вырезать ему сердце, воздав по заслугам. – Она остановилась, повернулась лицом к Тому. – Если бы не ты, он был бы сейчас мертв, и я бы умерла рядом с ним со спокойной душой!

Том смотрел на нее и тут его глаза, против воли, наполнились слезами. Он ненавидел себя за это – негоже плакать в присутствии девушки – но ничего не мог с собой поделать. Шок от случившегося вкупе с осознанием, что его бросили в чистом поле, оказались слишком сильны, и горячие слезы хлынули по щекам, смывая с них грязь.

Эстер, уже собравшаяся отвернуться, передумала и смотрела на юношу, словно не понимая, что с ним происходит.

– Ты плачешь! – наконец нарушила она затянувшуюся паузу, голос звучал мягко, в нем даже слышалось удивление.

– Извини, – всхлипнул Том.

– Я никогда не плачу. Не могу. Не плакала даже, когда Валентин убил моих отца и мать.

– Что? – Голос Тома еще дрожал от слез. – Мистер Валентин никогда бы такого не сделал! Катрин сказала, что он не смог заставить себя пристрелить волчонка. Ты лжешь!

– А как тогда ты здесь оказался? – спросила она. – Он же столкнул тебя следом за мной, не так ли? Только потому, что ты видел меня.

Ты лжешь! – повторил Том. Но вспомнил эти большие руки, подталкивающие его к желобу, вспомнил, как падал, вспомнил яркий свет, вспыхнувший в глазах археолога.

– Ну? – спросила Эстер.

– Он меня толкнул, – с неохотой признал Том.

Эстер Шоу лишь пожала плечами, как бы говоря: «*Видишь? Видишь, каков он на самом деле?*» Повернулась и двинулась дальше.

Том торопливо пристроился рядом.

– Я пойду с тобой! Я тоже должен вернуться в Лондон! Я тебе помогу!

– Ты? – Она презрительно хохотнула и сплюнула ему под ноги.

– Я-то думала, что ты человек Валентина. А теперь ты хочешь помочь мне его убить?

Том покачал головой. Он и сам не знал, чего хотел. С одной стороны, в нем теплилась надежда, что все это – недоразумение и на самом деле Валентин – хороший, добрый, смелый. Он, конечно, не хотел, чтобы его убили, а Кэтрин осталась сиротой... Но при этом он понимал, что в одиночку до Лондона ему не добраться. И чувствовал, что несет ответственность за Эстер Шоу. В конце концов, вина за ее рану лежала на нем.

– Я помогу тебе идти. Ты ранена. Я тебе нужен.

– Никто мне не нужен, – фыркнула она.

– Мы пойдем за Лондоном вместе, – пообещал Том. – Я – член Гильдии историков. Меня послушают. Я все расскажу мистеру Помрою. Если Валентин действительно сделал то, о чем ты мне рассказывала, с ним разберутся по закону!

– По закону? – Голос сочился презрением. – Да в Лондоне Валентин и есть закон. Или он не любимчик лорд-мэра? Или он не возглавляет Гильдию историков? Нет, он убьет меня, если только я не убью его первой. И тебя тоже, скорее всего, убьет. Раз – и готово! – Она выдернула из ножен воображаемый меч и пронзила им грудь Тома.

Солнце поднималось все выше, над влажной глиной за клубилось испарения. Лондон по-прежнему двигался, постепенно уменьшаясь в размерах. Обычно, поев, мегаполис останавливался на несколько дней, и Том, естественно, задался вопросом: «*Куда же он так торопится?*»

Но в этот момент девушка споткнулась и упала: подвела раненая нога. Том помог ей подняться. Она не поблагодарила его, но и не оттолкнула. Он положил ее руку себе на плечи, и они пошли на восток по глиняному гребню вслед за Лондоном.

Глава 5. Лорд-мэр

В сотне милях впереди солнце освещало Круговой парк, кольцо лужок и клумб, занимающее периметр Первой палубы. Под его лучами поблескивала поверхность декоративных озер, сверкали капельки росы на цветах и белые металлические шпили

«Клио Хауз», виллы Валентина, расположившейся среди раскидистых кедров на краю парка, похожую на гигантскую морскую раковину, вынесенную на берег прибоем.

Кэтрин проснулась в своей спальне на верхнем этаже и какое-то время лежала, наблюдая за солнечными лучами, которые просачивались сквозь жалюзи из панцирей черепах. Она чувствовала, что на душе у нее тяжело, только поначалу не могла понять, почему.

Потом вспомнила прошлый вечер: нападение на отца в Брюхе и отважного юного подмастерье, который бросился за убийцей и погиб сам. Она побежала за отцом, но к тому времени, как добралась до желоба, все уже закончилось. Молодой подмастерье-инженер – его лицо стало таким же белым, как и резиновый плащ, – шатаясь, брел от желоба, ничего не видя перед собой, а отец стоял у ограждения, бледный и рассерженный, в окружении полицейских. Никогда она не видела его таким, никогда он не рывкал на нее, как на этот раз, приказав немедленно идти домой.

Ей очень хотелось свернуться калачиком и еще немного поспать, но, с другой стороны, она полагала необходимым повидаться с ним, убедиться, что он в порядке. Откинув одеяло, она встала, надела одежду, которую, придя домой, бросила на пол, еще пахнущую дымом плавилена.

За ее дверью коридор с круглым потолком плавно спускался вниз, закругляясь, как внутренний канал раковины. Она быстрым шагом направилась к столовой, лишь на мгновение задержалась, чтобы поклониться Клио, богине Истории, стоявшей в нише. В других нишах лежали сокровища, которые отец привозил из экспедиций: глиняные черепки, фрагменты клавиатур компьютеров, ржавые металлические черепа сталкеров – этих странных полумеханических солдат давнишней войны. Их треснутые стеклянные глаза злобно смотрели на Кэтрин, когда она проходила мимо.

Отец пил кофе в атриуме, просторном, открытом пространстве в центре дома. Все еще в халате, он, насупившись, вышагивал между растущих в горшках папоротников. Кэтринхватило одного взгляда, брошенного на отца, чтобы понять, что этой ночью он не сомкнул глаз.

– Пала? – спросила она. – Что случилось?

– О, Кейт! – Он подошел к ней, крепко обнял. – Та еще выдалась ночь!

– Этот бедный мальчик, – прошептала Кэтрин. – Бедный Том! Я полагаю, они... ничего не нашли?

Валентин покачал головой.

– Убийца утащила его с собой, когда прыгнула в желоб. Они оба утонули в глине Открытой территории или их раздавили гусеницы.

– Какой ужас. – Кэтрин села на краешек стола, не замечая Собаку, который, виляя хвостом, подошел, чтобы положить большую голову на ее колено. «Бедный Том!» – подумала она. Такой милый,

преисполненный желанием помочь. Он действительно ей понравился. Она даже подумала о том, чтобы попросить отца дать ему работу в «Клио Хауз», чтобы она и Собака могли получше с ним познакомиться. А теперь он умер, его душа улетела в Страну без солнца, а холодное тело лежало на мокрой глине, в колее, оставленной мегаполисом.

– Лорд-мэр очень огорчен. – Валентин посмотрел на часы. – Убийца пробралась в Брюхо в первый же день возвращения на Охотничьи земли. Он должен появиться здесь с минуты на минуту, чтобы обсудить этот вопрос. Посидишь со мной, пока он не подышал? Если хочешь, можешь позавтракать. Кофе на столе, рогастики, масло... У меня нет аппетита.

Аппетита не было и у Кэтрин, но, глянув на стол, она заметила на дальнем конце маленький потрепанный кожаный рюкзак. Именно его прошлой ночью, в Брюхе, Том сорвал со спины девушки-убийцы, и теперь содержимое рюкзака лежало рядом, словно экспонаты в выставочном стенде: металлическая бутылка для воды, аптечка первой помощи, несколько полосок вяленого мяса, которое выглядело более жестким, чем подметки старых сапог, грязный и мятый листок бумаги с приклеенной к нему фотографией. Кэтрин взяла листок, удостоверение личности, выданное мэрией города Строул много лет назад и в местах сгиба затертое до дыр. Но прежде чем Кэтрин успела прочитать хоть слово, взгляд ее упал на фотографию. Она ахнула.

– Папа! Ее лицо!

Валентин обернулся, увидел, что она держит в руке удостоверение личности, с сердитым криком вырвал листок.

– Нет, Кэйт. Не надо тебе на это смотреть. Никому не надо...

Он достал зажигалку, чиркнул, осторожно поднес огонек к краю удостоверения, а когда бумага загорелась, положил его в пепельницу на столе. Потом вновь принялся ходить взад-вперед, а Кэтрин, сев за стол, наблюдала за ним. Теперь, проведя в Лондоне десять лет, Кэтрин видела в Валентине не только отца, но и лучшего друга. Им нравилось одно и то же, они смеялись над одними шутками, и у них не было друг от друга секретов... а вот теперь она ясно видела, что об этой обезображенной незнакомке отец ничего не хочет рассказывать.

– Кто она, папа? – спросила Кэтрин. – Ты встречался с ней в одной из своих экспедиций? Она такая молодая и такая... Что случилось с ее лицом?

Послышались шаги, в дверь постучали, Пьюси ворвался в атриум.

– Лорд-мэр подъезжает, Чиф.

– Уже? – выдохнул Валентин.

– Боюсь, что да. Генч видел, как он шел через парк к своему «жуку». Сказал, что лорд-мэр мрачнее тучи.

Валентина также не радовала предстоящая встреча. Он схватил черную мантию, брошенную на спинку стула, начал торопливо

ее надевать. Кэтрин подошла, чтобы помочь, но он взмахом руки отослал ее, поэтому она чмокнула отца в щеку и вместе с Собакой поспешила к двери. Через большие овальные окна гостиной увидела, как белый «жук» въезжает в ворота «Клио Хауз». Его сопровождал взвод солдат, закованных в ярко-красную броню: бифитеры, телохранители лорд-мэра. Они расположились по периметру подъездной дорожки, тогда как Генч и кто-то из слуг поспешили к «жуку», чтобы откинуть пластиковый «фонарь». Лорд-мэр вышел из «жука» и направился к дому.

Магнус Кроум правил Лондоном почти двадцать лет, но по-прежнему не выглядел лорд-мэром. В исторических книгах лорд-мэров изображали цветущими, веселыми, краснолицыми мужчинами, тогда как Кроум был тощ, как старая ворона, и в два раза мрачнее. Он даже не носил красной мантии, красы и гордости всех прежних лорд-мэров, отдавая предпочтение длинному белому резиновому плащу. И на лбу у него оставалось красное колесо – символ Гильдии инженеров. Раньше лорд-мэры вытравили татуировки, символизирующие принадлежность к той или иной Гильдии, чтобы показать, что они служат всему Лондону, но Кроум, захватив власть, не пожелал этого сделать. Пусть некоторые и высказывали недовольство тем, что один человек занимает посты главы Гильдии инженеров и лорд-мэра, они же признавали, что с управлением городом Кроум справляется.

Кэтрин он не нравился. Никогда не нравился, пусть он благоволил к ее отцу, вот и в это утро встречаться с ним ей не хотелось. Услышав, что открылась входная дверь, она быстрым шагом пошла обратно по коридору, тихонько позвав Собаку, дабы тот последовал за ней. Обогнув поворот, остановилась и спряталась в пустой нише, положив руку на голову волка, чтобы тот сидел тихо. Она прекрасно понимала, что у отца серьезные неприятности, но не желала, чтобы он скрывал от нее правду, видя в ней маленькую девочку.

Несколько секунд спустя у дверей атриума появился Генч, комкая в руках шляпу.

– Сюда, ваша честь, – кланяясь, промямлил он. – Не споткнитесь о порожек, ваше мэрство.

Кроум, идущий следом, остановился у двери, голова медленно, как у рептилии, повернулась справа налево, и Кэтрин почувствовала, как его взгляд продувает коридор, словно холодный ветер из Ледяной пустоши. Она еще глубже вжалась в нишу, молясь Куирку и Клио, чтобы Кроум ее не заметил. Еще секунду-другую слышала его дыхание и поскрипывание резинового плаща. Потом Генч провел его в атриум, и опасность миновала.

Одной рукой крепко держа Собаку за загривок, Кэтрин подкралась к двери и прислушалась. До нее долетел голос отца, и она легко представила себе, как он стоит у фонтана, тогда как его люди усаживают лорд-мэра в кресло. Разговор он вежливо начал с погоды, но его тут же прервал холодный, тонкий голос лорд-мэра.

Я прочитал твой рапорт о вчерашнем происшествии, Валентин. Ты уверял меня, что удалось разобраться со всей семьей.

Кэтрин отпрянула от двери, будто дерево внезапно раскалилось и обожгло ее. Как смеет этот старик говорить с отцом в таком тоне!

Она больше ничего не хотела слышать, но любопытство взяло верх, и она вновь прижалась ухом к двери.

...Призрак из прошлого, – говорил отец. – Я и представить себе не мог, что ей удалось бежать. Одному Куирку известно, где она набралась такого проворства и хитрости. Но теперь-то она мертва. Как и парнишка, который поймал ее, бедный Нэтсуорти...

– Ты в этом уверен?

– Они выпали из мегаполиса, Кроум.

– Это ничего не значит. Мы движемся по мягкой земле. Тебе следовало послать людей и проверить, что с ними. Помни, мы не знаем, что известно девушке о работе ее матери. Если она даст знать другому мегаполису, что у нас есть МЕДУЗА, до того, как мы сможем пустить ее в дело...

– Знаю, знаю, – раздраженно бросил Валентин, и Кэтрин услышала, как под ним скрипнуло кресло: отец тоже сел. – Я возьму «Лифт на тринадцатый этаж» и посмотрю, не удастся ли найти тебя...

Нет, – отрезал Кроум. – На тебя и твой воздушный корабль у меня другие виды. Я хочу, чтобы ты полетел вперед и посмотрел, что и кто может встретиться Лондону на пути к цели.

– Кроум, это работа для корабля-разведчика Департамента планирования, а не для «Лифта...».

Нет, – в который уж раз оборвал его лорд-мэр. – Я не хочу, чтобы слишком много людей знало о том, куда мы ведем мегаполис. Они об этом, конечно, узнают, но в свое время. Кроме того, есть одно дело, доверить которое я могу только тебе.

А как же девушка? – спросил Валентин.

– О ней не волнуйся, – ответил лорд-мэр. – У меня есть агент, который ее выследит и довершит то, с чем ты не справился. От тебя сейчас требуется только одно, Валентин: подготовить корабль к полету.

Встреча подошла к концу. Поняв, что лорд-мэр вот-вот покинет атриум, Кэтрин поспешила убежать по коридору, чтобы миновать поворот до того, как откроется дверь. Мысли ее вращались быстрее, чем барабан в стиральной машине, выставленной в зале древней технологии Лондонского музея.

Поднявшись в свою комнату, она попыталась разобраться с услышанным. Она-то надеялась найти ответ на мучавшие ее вопросы, а вместо этого получила новые. В одном она не сомневалась: у отца был от нее секрет. Чего раньше не случалось. Он всегда рассказывал ей обо всем, интересовался ее мнением, спрашивал совета, а вот теперь шептался с лорд-мэром о том, что девушка-убийца – «призрак из прошлого», что какого-то

агента пошлют по следу Лондона, чтобы он нашел ее и... что делает агент, когда найдет? Могли Том и девушка-убийца остаться в живых? И почему лорд-мэр отправляет отца в секретный разведывательный полет? Почему никто не должен знать, куда направляется Лондон? И что такое, скажите на милость, МЕДУЗА?

Глава 6. Вероника

Весь день они упорно шли вперед вдоль шрама, который оставил Лондон на мягкой почве Охотничьих земель. Они видели мегаполис, но он становился меньше и меньше по мере того, как все дальше уходил от них на восток, и Том понял, что в самом скором времени Лондон просто исчезнет за горизонтом. Его охватила тоска. Жизнь подмастерья-историка (третьего класса) не приносила много радостей, но теперь годы, проведенные в Музее, казались золотым веком. Ему доставало старого суетливого доктора Аркенгарта и напыщенного Чадли Помроя. Ему доставало койки в продуваемой насквозь спальне в общежитии и ежедневных долгих часов работы, и ему очень хотелось вновь повидаться с Кэтрин Валентин, пусть он и провел в ее компании лишь несколько минут. Иногда, закрывая глаза, он ясно видел перед собой ее лицо, добрые серые глаза, обаятельную улыбку. И она понятия не имела, в этом он не сомневался, что за человек ее отец...

– Смотри под ноги! – рявкнула Эстер Шоу, и Том, открыв глаза, увидел, что подвел ее к самому краю колеи, оставленной траками Лондона.

Они шли, шли, шли, и Том наконец понял, почему ему особенно недостает мегаполиса: там кормили. Не так, чтобы вкусно, если говорить о еде, которую подавали в столовой Гильдии, но и она была куда лучше, чем ничего, а ныне еда у них отсутствовала напрочь. Когда он спросил Эстер Шоу, как им спастись от голодной смерти, та ответила: «Могу поспорить, ты жалеешь о том, что сорвал с меня рюкзак, лондонский мальчик. В нем лежало несколько добрых кусков вяленого собачьего мяса».

Вскоре после полудня они наткнулись на кусты с сероватой листвой, которых не раздавили гусеницы Лондона. Эстер сорвала несколько листочков, двумя плоскими камнями растерла в кашу.

– Они были бы куда вкуснее, – заметила она, когда они ели эту ужасную вегетарианскую слизь, – если б я смогла развести костер. Все необходимое тоже лежало в рюкзаке.

Потом она поймала лягушку в одной из глубоких лужиц, уже образовавшихся в колее. Тому не предложила, а он старался не смотреть, как она ее ела.

Он никак не мог понять, с кем имеет дело. Эстер по большей части молчала, а когда он пытался заговорить с ней, бросала на

ного простные взгляды, отбивающие всякое желание продолжать беседу. Но иногда, совершенно неожиданно, начинала говорить сама.

«Земля поднимается, – могла сказать она. – Значит, Лондон притормозит. Подъем на большой скорости приводит к перерасходу топлива». Потом, через час-другой: «Моя мама говорила, что Движущиеся города – это глупость. Тысячу лет назад их имело смысл строить из-за всех этих землетрясений, вулканов и ледников, двигавшихся на юг. А теперь они кружат по земле и поедают друг друга только потому, что людям не хватает ума их остановить».

Тому ее разговоры нравились куда больше молчания, пусть он и думал, что ее мама проповедовала опасные идеи Лиги противников движения. Но, когда он пытался превратить монолог Эстер в диалог, она замолкала и поднимала руку, чтобы скрыть свое лицо от его глаз. По всему выходило, что в одном худеньком теле жили две Эстер: суровая мстительница, думающая только о том, как убить Валентина, и энергичная, умная, милая девушка, которая изредка поглядывала на него из-под обезображенного шрамом лица-маски. Он даже подумал – а нет ли в ней толики безумия? Невелик труд сойти с ума, если на твоих глазах убивают родителей.

Как это произошло? – мягко спросил он. – Я хочу сказать, твой отец и мать... ты уверена, что именно Валентин...

– Заткнись и шагай, – отрезала она.

Но уже после наступления темноты, когда они забились в маленькую ложбинку в глине, чтобы хоть как-то укрыться от холодного ночного ветра, она вдруг рассказала свою трагическую историю.

– Я родилась на голой земле, но не на такой, как эта. Мы жили на Дубовом острове, который расположен далеко на западе. Когда-то остров был частью Охотничьих земель, но землетрясения привели к тому, что суша вокруг опустилась и возник остров, расположенный слишком далеко от берега, чтобы на него позарился голодный мегаполис, и слишком скалистый для водоплавающих городов. Остров этот сказочно красив. Зеленые холмы, множество скал, речушки, бегущие по дубовым лесам. Стволы деревьев, серые от лишайника.

Тома передернуло. Каждый лондонец знал, что только дикари жили на голой земле.

– Я предпочитаю чувствовать под ногами прочную палубу, – шепнул он, но Эстер его не слышала: слова лились из ее перекошенного рта непрерывным потоком, остановить который она, похоже, не могла.

– На острове был город, назывался он Данроуминг. Когда-то он тоже двигался, но его жителям надоело постоянно убегать от более крупных городов, вот они и переправили свой на Дубовый остров, сняли колеса и двигатели и зарыли в холм. Так он просто-

ял больше сотни лет, и все забыли о том, что когда-то его использовали как транспортное средство.

– Какой ужас! – ахнул Том. – Именно к этому и призывает Лига противников движения!

– Мои отец и мать жили не в самом городе... – Она говорила, глядя поверх него. – Их дом стоял на границе вересковой пустоши, у самого моря. Отец был фермером, мать – историком, как и ты, только ума у нее, естественно, было куда больше. Каждое лето она улетала на своем корабле, выискивала в земле артефакты олд-тек, но осенью обязательно возвращалась. Зимними вечерами я обычно поднималась в ее кабинет на чердаке, ела сыр на гренке, а она рассказывала мне о своих приключениях.

Однажды ночью, семь лет назад, я проснулась от громких голосов, доносящихся с чердака. Поднялась по лестнице и увидела в кабинете матери Валентина. Я его знала, потому что они с матерью были друзьями и он обычно заглядывал к нам, пролетая мимо. Только на этот раз дружелюбия он не выказывал. «Отдай мне эту машину, Пандора, – требовал он. – Отдай мне МЕДУЗУ». Меня он не видел. Я застыла на верхней ступени лестницы, слишком испуганная, чтобы войти в кабинет или спуститься вниз. Валентин стоял ко мне спиной, мать – лицом к нему, держа в руках эту машину, и она ответила: «Черт бы тебя побрал, Таддеус, ее нашла я, и она *моя!*»

Валентин выхватил меч и... и...

У нее перехватило дыхание. Ей хотелось остановиться, но память не позволила, перенесла в ту ночь, в ту комнату, к крови, выплеснувшейся на звездные карты матери, как новое созвездие.

– Потом он повернулся, увидел меня, прыгнул ко мне, но я отпрыгнула, и меч только полоснул меня по лицу. Я скатилась с лестницы. Должно быть, он решил, что убил меня. Я услышала, как роется в бумагах матери, вскочила и побежала. Отец лежал на полу в кухне. Тоже мертвый. Убили даже собак.

Я выскочила из дома и увидела большой черный воздушный корабль Валентина, бросивший якорь в углу сада. Там же ждали его люди. Они бросились за мной, но я от них ускользнула. Добежала до пристани, прыгнула в скиф отца. Думаю, я хотела по воде добраться до Данроуминга. Я была совсем маленькой, наверное, надеялась, что врач сумеет помочь матери и отцу. Но от боли и потери крови сильно ослабела... Каким-то образом мне удалось отвязать скиф, а потом его подхватило течение, я, должно быть, потеряла сознание и очнулась уже на берегу Охотничьих земель.

После этого я жила на Открытой территории. Поначалу практически ничего не помнила. Словно его меч не только обезобразил мое лицо, но и отрезал часть памяти. Но постепенно начала вспоминать и в конце концов вспомнила и Валентина, и то, что он сделал. Вот тогда и решила, что найду его и убью, точно так же, как он убил моих отца и мать.

А что это за машина? – после долгой паузы спросил Том. – Эта МЕДУЗА?

Эстер пожала плечами (В темноте Том этого не увидел, но почувствовал, как двинулись плечи под грязным пальто.)

– Ее нашла мать. Олд-тек. Вроде бы ничего особенного. Металлический футбольный мяч, только помятый и погнутый. Но на-на этой МЕДУЗЫ он ее убил.

– Семь лет назад, – прошептал Том. – Именно тогда Валентин возглавил Гильдию. Говорили, он что-то нашел на Открытой территории, и Кроуз так обрадовался, что назначил его гильденмейстером через головы Чадли Помроя и многих других. Но я никогда не слышал о том, что именно он нашел. И никогда не слышал о МЕДУЗЕ.

Эстер не ответила. А несколько минут спустя уже похрапывала.

Том же долго сидел без сна, обдумывая ее историю. Вспоминал дневные грезы, которые помогали ему коротать длинные, нудные часы работы в Музее. Не раз и не два он представлял себе, как на Открытой территории вызволяет красавицу из западни, устроенной смертельно опасным преступником, но ему и в голову не приходило, что на этой самой Открытой территории так холодно и мокро, что от долгой ходьбы ужасно болят мышцы ног, а преступник – величайший герой Лондона. Что же касается красавицы...

В слабом лунном свете он всмотрелся в изуродованное лицо Эстер Шоу, которая хмурилась даже во сне. Теперь-то он понимал ее лучше. Да, она ненавидела Валентина, но еще больше ненавидела себя за то, что такая уродина, за то, что сама осталась жива, а родители погибли. Он помнил, что чувствовал, когда случился Большой крен и он, вернувшись домой, обнаружил, что дома нет, а мать и отец погибли. Тогда он подумал, что часть вины лежит на нем. И винил себя именно в том, что жив и не умер вместе с ними.

«Я должен ей помочь, – подумал он. – Я не могу позволить ей убить Валентина, но я найду способ сказать всем правду. Если, конечно, это правда. Может, завтра Лондон снизит скорость, а нога Эстер подживет. Мы вернемся в город на закате и кто-нибудь к нам прислушается...»

Но наутро, проснувшись, он обнаружил, что расстояние до мегаполиса заметно увеличилось, а нога Эстер не поджила, а, скорее, наоборот. Теперь она стонала при каждом шаге, а ее лицо цветом напоминало старый снег. Свежая кровь сочилась через повязки и сбегала в сапог. Том выругал себя за то, что выбросил лохмотья рубашки и его стараниями Эстер осталась без рюкзака и аптечки первой помощи...

Поздним утром сквозь пелену дождя они, наконец, увидели людей. В колее лежала гора шлака, сброшенная Лондоном днем

раньше, а рядом с ней стоял очень маленький город. Люди копошились на горе, просеивали шлак, выискивая металл и несгоревшее топливо.

Забрезжившая надежда на спасение заставила их прибавить шагу. К полудню они подошли к огромным колесам города, и Том в изумлении рассматривал его единственную палубу. Размерами город уступал многим лондонским домам, построили его из дерева, причем плотники сочли излишним подгонять доски одну к другой: приставили кое-как да прибили к стойкам гроздьями. В задней части этого города-сарая поднимались выхлопные трубы мощных двигателей.

– Добро пожаловать! – прокричал им высокий седобородый старик, спускаясь с кучи шлака. Его не раз заштопанную коричневую одежду трепал ветер. – Добро пожаловать в Веронику. Я – Орми Рейленд, мэр. Вы говорите на английском?

Эстер недоверчиво отступила на шаг, но Тому старик показался достаточно дружелюбным.

– Пожалуйста, сэр... мы очень голодны и нам нужен доктор, чтобы перевязать ногу моей подруги...

– Я не твоя подруга, – прошипела Эстер. – И с моей ногой все в порядке. – Но ее всю трясло, а побледневшее лицо блестело от пота.

– Врача на Веронике все равно нет, – рассмеялся Рейленд. – Ни одного. Что же касается еды... Ну, времена нынче тяжелые. Есть у вас что-нибудь на продажу?

Том похлопал по карманам туники. Какие-то деньги у него были, но он сомневался, что лондонские деньги могут представлять ценность для Орми Рейленда. И тут его рука наткнулась на что-то твердое. Си-ди, найденный им в Брюхе. Он вытащил металлическую коробочку из кармана, задумчиво посмотрел на нее, прежде чем протянуть старику. Конечно, он собирался подарить этот си-ди Кэтрин Валентин, но сейчас на первый план вышла еда.

– Красивая штука! Очень красивая! – признал Орми Рейленд, открыв коробочку и любясь переливами радуги на посеребренной поверхности диска. – Пользы, конечно, немного, но, думаю, стоит нескольких ночевок с кормежкой. Еда у нас, само собой, не очень, но все лучше, чем ничего...

Он не обманул: еда была не очень, но Том и Эстер с жадностью набросились на нее, а потом протянули миски за добавкой.

– Приготавливаем мы ее в основном из водорослей, – объяснил Орми Рейленд, когда его жена положила им по второй порции синеватой каши. – Выращиваем их в чанах под машинным отделением. Вкус так себе, но зато душа остается в теле, если больше есть нечего. А по правде говоря, такое случается все чаще и чаще. Вот почему мы так обрадовались, наткнувшись на эту кучу отходов.

Том кивнул, откинувшись на спинку стула и оглядывая жилище Рейлендов. Крошечная комнатенка, ничем не похожая на рези-

денцию мэра. Но, с другой стороны, Орми Рейленд тоже не тянул на мэра. Одеть разве что не в лохмотья старик, управляющий городом, население которого состояло по большей части из его семьи: сыновья и дочери, внуки, племянницы, племянники и мужья и жены, которых они нашли в других городах.

Судя по его голосу, такая жизнь несла с собой больше печали, чем радостей.

Тяжелое это дело – управлять движущимся городом, – говорил Рейленд. – Очень тяжелое. Было время, когда такой город, как Вероника, спокойно занимался своими делами, слишком маленьким для того, чтобы другие города позарились на него. Теперь нет. Нынче дичь встречается слишком редко. Все, кого мы видим, хотят нас съесть. На днях нам даже пришлось убежать от мегаполиса. Одного из больших франкоговорящих движущихся городов. Я спрашиваю вас: какая польза такому монстру от города вроде Вероники? Ему не удастся даже заморить червячка. Но они все равно преследовали нас.

– Должно быть, у вас очень быстрый город, – заметил Том.

– О да, – просяив, согласился Рейленд.

– Максимальная скорость – сто миль в час, – вставила его жена. – В этом целиком заслуга Рейленда. Когда дело касается больших двигателей, он – маг и чародей.

– Сможете вы нам помочь? – Том наклонился вперед. – Нам нужно как можно быстрее попасть в Лондон. Я уверен, что вы его догоните, а по пути могут попасться новые кучи отходов.

– Уволь, юноша. – Рейленд покачал головой. – Ради лондонских отходов нет никакого смысла так далеко ехать. Теперь, когда дичь встречается так редко, все идет во вторичную переработку. А я ведь еще помню времена, когда отходы мегаполисов, словно горы, возвышались на Охотничьих землях. Да, тогда там было чем поживиться! А теперь – увы. Кроме того, – он пожал плечами, – я не собираюсь близко подходить к Лондону или любому другому мегаполису. В эти дни им нельзя доверять. Они могут развернуться и проглотить нас, как муху. Раз – и готово!

Том кивнул, стараясь не показывать своего разочарования. Искося глянул на Эстер, но та уже уронила голову на грудь – то ли заснула, то ли потеряла сознание. Он надеялся, что причина тому – долгая утомительная дорога и полный желудок, но, когда собрался проверить, в порядке ли она, вновь заговорил Рейленд:

– Вот что я тебе скажу, юноша. Мы отвезем вас на Ярмарку.

– Куда?

– На Ярмарку. Место, где собираются маленькие города, в паре дней пути на юго-восток. Мы все равно направляемся туда.

– На Ярмарке всегда много городов, – покивала миссис Рейленд. – И даже если ни один не согласится отвезти вас к Лондону, вы без труда найдете воздушного торговца, который доставит вас туда. А уж воздушных торговцев на Ярмарке хоть пруд пруди.

– Я... – начал Том и замолчал. Ему стало нехорошо. Комната начала расплываться перед глазами, как изображение на ненастроенном информационном экране. Он повернулся к Эстер и увидел, что она соскользнула со стула на пол. Домашние боги Рейлендов ухмылялись, глядя на него с маленького настенного алтаря, а один сообщил ему голосом Орми Рейленда:

– Конечно же, там будут воздушные корабли, Том, какая Ярмарка без воздушных кораблей...

– Хочешь еще водорослей, дорогой? – осведомилась миссис Рейленд, когда он упал на колени. Из далекого далека до него вновь донесся ее голос. – Слишком уж долго снотворное никак не могло подействовать, не так ли, Орми? В следующий раз надо положить побольше, радость моя.

А потом на него надвинулся лежащий на полу ковер, обернулся вокруг и утянул в сладкий сон, в котором он вновь увидел Кэтрин.

Глава 7. Высокий Лондон

Над Первой палубой, над заполненными покупателями магазинами Мейфэра и Пиккадилли, над Куирк-Серкус, где на стальной колонне гордо возвышается статуя спасителя Лондона, Верхняя палуба парит в вышине, словно железная корона, поддерживаемая мощными стойками. Это самая маленькая, самая высокая и самая важная из всех палуб Лондона, на ней расположены только три здания, но здания эти – самые величественные. На корме поднимаются башни Холла Гильдий, где большие и малые Гильдии имеют свои представительства и раз в месяц встречаются на заседаниях совета. Напротив, на носу, стоит здание, в котором принимаются все действительно важные решения: Инженериум, зубец из черного стекла. А между ними расположился древний христианский собор святого Павла, который перенес туда Куирк после того, как превратил Лондон в Движущийся мегаполис. Сейчас собор представляет собой грустное зрелище, весь в строительных лесах и подпорках, поскольку строители не рассчитывали на то, что он будет двигаться, и путешествия Лондона негативным образом отразились на каменных стенах. Но скоро он снова откроется для публики: Гильдия инженеров пообещала отреставрировать собор, и работы идут полным ходом: изнутри доносится гудение дрелей и стук отбойных молотков.

Магнус Кроум слышит их, когда его «жук» проезжает рядом с собором к Инженериуму. И на его губах появляется легкая, загадочная улыбка.

В Инженериуме солнечный свет отсекают зачерненными окнами, и от металлических стен отражается холодное, неоновое сияние. Воздух пахнет антисептиком, чему Кроум только рад. Ему противны удушливые запахи цветов и свежескошенной травы, висающие над Высоким Лондоном в этот теплый весенний день.

Молодой подмастерье вытягивается в струнку, когда Кроум входит в вестибюль, и низко склоняет голову, получив короткий приказ: «Отвези меня к доктору Твиксу».

Монорельсовый вагон уже ждет. Подмастерье помогает Кроуму усесться в него, и вагон начинает спиральный подъем. Этаж за этажом с кабинетами, конференц-залами и лабораториями уходит вниз, и сквозь стены из матового стекла Кроум видит очертания каких-то странных машин. Везде, куда бы он ни кинул взгляд, работают его инженеры, возятся с артефактами олд-тек, экспериментируют на крысах и собаках, проводят экскурсии для обритух наголо детей, привезенных в Инженериум из детских садов Гильдии, расположенных в Нижнем Брюхе. Здесь, в чистом, ярко освещенном святилище Гильдии, он в полной безопасности и по плану испытывает чувство глубокого удовлетворения. Всякий раз Инженериум напоминает ему, почему он так сильно любит Лондон, почему посвятил всю свою жизнь поиску средств, позволяющих чью-то мегаполису оставаться на ходу.

Молодым подмастерьем, много лет назад, Кроум читал мрачные прогнозы об исчезновении дичи и обреченности Движущихся мегаполисов. И поставил целью доказать их ошибочность. Пост главы Гильдии, а потом восхождение на трон лорд-мэра стали только первыми шагами на этом долгом пути. Его жесткие законы по переработке отходов и снижению потребления позволили лишь сохранять статус-кво. А вот теперь осталось совсем чуть-чуть – и он сможет открыть лондонцам свой истинный план.

Но сначала он должен точно знать, что эта Шоу больше не доставит ему никаких хлопот.

Вагон останавливается у лаборатории одного из верхних этажей. Коренастая, полная женщина в белом халате ждет у двери, нерпно переминаясь с ноги на ногу. Эванда Твикс – из лучших инженеров Лондона. Возможно, выглядит она, как чья-то полоумная тетушка, и украшает лабораторию картинками цветов и щенков (явное нарушение правил Гильдии), но когда дело касается работы, она не знает усталости, продвигаясь к поставленной цели.

– Привет, лорд-мэр. – Она кланяется. – Как приятно тебя видеть! Пришел посмотреть на моих деток?

– Я хочу встретиться со Шрайком, – рявкает он и протискивается мимо нее в дверь. Она спешит следом.

Они пересекают лабораторию, идут мимо изумленных, кланяющихся инженеров, мимо шкафов с лабораторной посудой, мимо столов, на которых восстанавливают ржавые металлические скелеты. Команда доктора Твикс долгие годы изучает Сталкеров, Воскрешенных людей, останки которых иногда находят на Открытой территории, но в последнее время возня с останками – лишь часть их работы.

– Ты закончила исследование Шрайка? – на ходу спрашивает он. – Ты уверена, что больше он не представляет для нас интереса?

– Да, я думаю, вы выяснили все, что могли, лорд-мэр, – отвечает доктор. – Он – удивительная машина, но настолько сложная, что ему это уже не на пользу. У него практически развились личностные черты. Что же касается его странной фиксации на этой девушке... Я позабочусь о том, чтобы мои новые модели были проще. Ты хочешь, чтобы я демонтировала его?

– Нет. – Кроум останавливается у маленькой круглой двери и касается выступа. Дверь открывается.

– Я намерен выполнить обещание, которое дал Шрайку. У меня есть для него работа.

За дверью царят сумрак и запах машинного масла. Высокий силуэт бесшумно движется у дальней стены. Как только лорд-мэр входит в комнату, вспыхивают два круглых зеленых глаза.

– Мистер Шрайк! – голос звучит весело. – Как мы сегодня? Надеюсь, я вас не разбудил?

– Я не сплю, – отвечает голос из темноты. Ужасный голос, похожий на скрип ржавых шестерен. Даже у доктора Твикс, которая слышала его многократно, по телу пробегает дрожь. – Вы хотите снова исследовать меня?

– Нет, Шрайк, – говорит Кроум. – Помните, о чем вы предупредили меня, когда впервые пришли ко мне, полтора года тому назад? Об этой Шоу?

– Я сказал вам, что она жива и разыскивает Лондон.

– Так вот, вы не ошиблись. Она появилась здесь, как вы и предсказывали.

– Где она? Приведите ее ко мне!

– Боюсь, это невозможно. Она прыгнула в желоб сброса, вернулась на Открытую территорию.

Раздается долгое шипение, словно где-то открылся клапан стравливания пара.

– Я должен идти за ней.

Кроум улыбается.

– Я надеялся услышать от вас эти слова. Один из разведывательных воздушных кораблей моей Гильдии, «Ястреб 90», готовят к взлету. Пилоты получили приказ лететь вдоль следа мегаполиса, пока вы не найдете то место, где упала девушка. Если она и ее спутник мертвы, оно и к лучшему. Если живы, убейте их. Привезите мне их тела.

– А потом? – спрашивает голос.

– А потом, Шрайк, – отвечает Кроум, – я выполню ваше сокровенное желание.

Для лондонцев наступило тревожное время. Город продолжал двигаться на высокой скорости, словно завидел дичь, но на серой болотистой равнине северо-западного региона Охотничьих земель других городов не было, и все задавались вопросом, какие же планы у лорд-мэра. «Мы не можем вот так мчаться, – услышала Кэтрин бормотание одной из служанок. – На востоке есть дру-

где мегаполисы, они сожрут нас и не подавятся, просто выплюнут косточки». Но миссис Маллоу, домохозяйка, шепотом сказала ей: «Или ты ничего не знаешь, Сьюси Блиндер? Разве тебе не известно, что мистер Валентин сам летит в разведку? Он и Мэггун Кроум нацелились на очень большую добычу, можешь мне поверить?»

Возможно, они действительно нацелились, но никто не знал, на что именно, и когда Валентин вернулся домой на ленч после еще одной встречи с главой Гильдии инженеров, Кэтрин спросила:

– Почему тебя посылают в разведывательный полет? С этим справится и любой навигатор, и незачем попусту тратить время лучшего в мире археолога. Это несправедливо.

Валентин вздохнул.

– Лорд-мэр доверяет мне, Кэтрин. И я скоро вернусь. Через три недели. Максимум, через месяц. А теперь пойдем в ангар и посмотрим, как идут дела у Пьюси и Генча. Надеюсь, мой воздушный корабль уже готов к отлету.

За многие века, прошедшие после Шестидесятиминутной войны, техническое развитие воздушных кораблей достигло выдот, о которых Древние и не мечтали. «Лифт на тринадцатый этаж» Валентин строил по специальному проекту, используя часть денег, которые Кроум заплатил ему за артефакты олд-тек, найденные в Америке двадцать лет назад. Он утверждал, что лучшего воздушного корабля просто нет, и у Кэтрин не было оснований не верить ему. Конечно же, он держал «Лифт» не в общей воздушной гавани на Пятой палубе, среди кораблей обычных торговцев, а на личной стоянке, в нескольких сотнях ярдов от «Клио Хауз».

Кэтрин и ее отец направились к ней через залитый солнцем парк. В ангаре и на металлической площадке перед ним сутились люди и «жуки». Пьюси и Генч готовились к погрузке припасов. Собака вырвался вперед, принялся обнюхивать ящики и бочки: мясные консервы, газ для заполнения баллона, лекарства, запасные части и ремонтное оборудование, солнцезащитный лосьон, газовые маски, огнестойкие костюмы, плащи на случай дождя, пальто на случай холодной погоды, картографические приборы, портативные печи, запасные носки, пластиковые чашки, три надувные лодки и ящик с надписью: «Патентованные грязеходы Пинка для Открытой территории. Никто не тонет в грязеходах Пинка!»

В тени ангара их дождался великий корабль. С черного бронированного баллона еще не сдернули брезентовый чехол. Как обычно, Кэтрин почувствовала благоговейный трепет при мысли о том, что этот огромный корабль унесет отца в небо... и грусть от близости разлуки... и страх, что он не вернется.

Как бы мне хотелось полететь с тобой! – воскликнула она.

– Не в этот раз, Кейт, – ответил ее отец. – Но, думаю, такой день придет.

– Причина в том, что я – девушка? – спросила она. – Но разве это имеет значение? Я хочу сказать, в Древние времена женщинам разрешали выполнять ту же работу, что и мужчинам, да и среди воздушных пилотов полно женщин.

– Разумеется, не имеет. – Валентин обнял дочь. – Но, возможно, это опасная экспедиция. И я не хочу, чтобы ты пошла по моему пути. В семье достаточно одного авантюриста. Ты должна остаться в Лондоне, окончить школу, стать светской дамой. А больше всего мне хочется, чтобы ты не позволяла Собаке писать на ящики с супом...

Оттащив Собаку и отругав его, они сели в тени ангара.

– Так скажи мне, куда ты летишь, почему это так важно и опасно?

– Мне не велено говорить. – Валентин глянул на нее краем глаза.

– Да перестань! – Она рассмеялась. – Мы же лучшие друзья, не так ли? Ты знаешь, я никому ничего не скажу. И мне ужасно хочется знать, куда направляется Лондон! В школе все только и спрашивают об этом. Мы уже долгие дни движемся на восток с самой высокой скоростью. Даже не остановились после того, как съели Солтхук...

– Дело в том, Кейт, что Кроум попросил меня заглянуть в Шан Гуо.

Так называлась ведущее государство Лиги противников движения, союза варваров, который контролировал индийский субконтинент и оставшуюся часть Китая, защищенные от набегов голодных мегаполисов горными хребтами и болотами, образующими восточную границу Охотничьих земель. Кэтрин изучала все это на уроках географии. Единственный проход в горах охранялся городом-крепостью Батманкх-Гомпа, Щитом-Стеной, от орудий которого в первые несколько столетий эры Движения крепко досталось всем мегаполисам, пытавшимся прорваться на другую сторону гор.

– Но почему? Не может же Лондон туда идти!

– Я и не говорил, что он туда идет, – ответил Валентин. – Но, возможно, наступит день, когда нам придется разбираться с Шан Гуо и укреплениями, возведенными Лигой. Ты знаешь, как мало осталось дичи. Мегаполисы начинают голодать и вот-вот бросятся друг на друга.

Кэтрин содрогнулась.

– Но должно же быть другое решение. Разве мы не можем начать переговоры с мэрами мегаполисов и решить все миром?

Валентин рассмеялся.

– Боюсь, законы Муниципального дарвинизма этого не позволяют, Кейт. В этом мире город ест город. Но тебе волноваться не о чем. Кроум – великий человек, и он найдет способ уберечь Лондон.

Кэтрин кивнула. Взгляд отца вновь стал затравленным. Он не рассказывал ей правду о девушке-убийце, а теперь, она это видела, переживала и что-то еще, связанное с этой экспедицией и планами лорд-мэра. А может, первое имело отношение ко второму? Она не могла задать прямой вопрос насчет того, что ей удалось подслушать в атриуме, не признав, что шпионила за ним, но все-таки она попыталась прояснить ситуацию.

Твоя экспедиция как-то связана с этой ужасной девушкой? Она из Шан Гуо?

Нет, – без запинки ответил Валентин, и она увидела, как кровь отхлынула от его лица. – Она мертва, Кейт, и нечего нам волноваться из-за нее. Пошли. – Он быстро поднялся. – До отлета у меня лишь несколько дней. Давай проведем их вместе. Будем сидеть у камина, есть гренки с маслом, вспоминать прошлое и не думать... не думать об этой бедной, изувеченной девушке.

Когда они рука об руку вновь шли по парку, по ним проплыла тень: с крыши Инженериума взлетел «Ястреб 90».

Видишь? – указала Кэтрин. – У Гильдии инженеров есть свои воздушные корабли. Я думаю, Магнус Кроум поступает отвратительно, разлучая нас.

Но ее отец, прикрыв глаза рукой, молча наблюдал, как белый воздушный корабль делает круг над Верхней палубой и берет курс на запад.

Глава 8. Ярмарка

Тому снилась Кэтрин. Взявшись за руки, они бок о бок шли по залам Музея, только члены гильдии и кураторы куда-то подевались и никто не говорил ему: «Натри пол, Натсуорти» или «Смахни пыль со стекла сорок третьего столетия». Он по-хозяйски рассказывал ей об экспонатах, а она улыбалась, когда он на модели показывал ей основные элементы воздушного корабля. При этом в залах звучала какая-то странная, стонущая музыка, и лишь когда они добрались до галереи естественной истории, он понял, что им поет синий кит.

Сон сменился явью, но синий кит продолжал петь. Том лежал на вибрирующей деревянной палубе. С обеих сторон его окружали деревянные стены, лучи утреннего солнца пробивались сквозь щели между досками, а по потолку змеились трубы самого разного диаметра и воздуховоды систем жизнеобеспечения Вероники. Их бурчание он принял за песнь кита.

Том поднял голову, огляделся. Эстер сидела у дальней стены. Кивнула, увидев, что он проснулся.

– Где я? – простонал Том.

– Я не знала, что так говорят, – ответила она. – Думала, что такое бывает только в книгах. «Где я?» Как интересно.

– Нет, правда. – Том еще раз оглядел деревянные стены, железную дверь. – Мы все еще на Веронике? Что случилось?

– Нас накормили.

– Ты хочешь сказать, что Рейленд подсыпал в еду снотворное? Но зачем? – Он поднялся, направился к двери.

– Напрасный труд, – предупредила его Эстер. – дверь заперта.

Он все-таки дернул за ручку. Убедился в ее правоте. Посмотрел в щелку. Она выходила на узкую деревянную дорожку, за которой вращалось одно из колес Вероники. А мимо пронеслась Открытая территория, только более каменистая в сравнении с той, по которой они шли.

– Мы едем на юг или на юго-восток с тех пор, как взошло солнце, – объяснила Эстер до того, как он задал вопрос. – Может, едем дальше, потому что я тоже спала.

– И куда они нас везут?

– Откуда мне знать?

Том сел, привалившись спиной к деревянной стенке.

– Это ужасно! Лондон, должно быть, уже в сотнях миль! Теперь я уже никогда не попаду домой!

Эстер промолчала. На бледном лице шрамы выделялись даже более явственнее, чем раньше, а кровь, сочащаяся из раненой ноги, вымарала пол.

Прошел час, другой. Иногда люди проходили по деревянной дорожке, и их тени заслоняли солнечный свет. Трубы урчали. Наконец Том услышал скрежет отпираемого замка. В нижней части двери открылся люк, в него всунулось лицо.

– Все в порядке? – спросило оно.

– В порядке? – возмущенно воскликнул Том. – Разумеется, нет. – Он направился к двери, присев, заглянул в люк. Рейленд стоял перед дверью на коленях, низко опустив голову, иначе ничего бы не увидел (Том еще подумал, что люк этот раньше служил дверцей для кошки). За ним виднелись сапоги часовых. – Почему вы посадили нас под замок? Мы не сделали вам ничего плохого!

Старик-мэр смугился.

– Это правда, дорогой мальчик, но времена, сам видишь, тяжелые, жестокие времена. Управлять движущимся городом удовольствие маленькое. Приходится брать то, что попадается пол руку. Вот мы и взяли вас. Теперь продадим в рабство. Такие вот дела. На Ярмарке будут торговые города, одному из них мы вас и продадим. Без этого не обойтись. Нам нужны запасные части для двигателей. Если они выйдут из строя, нас тут же съедят.

– Продадите нас? – Том слышал о городах, где для работы в машинных отделениях использовали рабов, но у него и мыслей не было, что его может ждать такая судьба. – Я должен догнать Лондон! Вы не можете меня продать!

– О, я уверен, что за тебя дадут хорошую цену... – Похоже, Рейленд полагал, что его слова Тому приятны. – Симпатичный, здоровый парень. Мы позаботимся о том, чтобы ты попал к хороше-

му козину. Насчет твоей подружки не знаю. Сейчас она совсем дохлая, да и раньше смотреть было не на что. Но, может, мы продадим вас вместе. Покупаете одного, вторую получаете бесплатно – Он протолкнул через люк две металлические миски, из каких кормили собак. Одну – с водой, вторую – с голубоватой кашей из выдорослей. – Поешьте! – радостно воскликнул он. – Мы хотим, чтобы вы хорошо выглядели на аукционе. На Ярмарку мы прибудем под вечер, а продадим вас утром.

– Но... – запротестовал Том.

– Да, я все понимаю и ужасно сожалею, но что я могу поделать? – В голосе Рейленда слышалась грусть. – Времена тяжелые, сам знаешь.

Люк захлопнулся.

– А как же мой си-ди? – крикнул Том, но ответа не получил. Рейленд о чем-то поговорил с охранником, а потом за дверь воцарилась тишина. Том попил воды, отнес миску Эстер. – Мы должны выбраться отсюда.

– Как?

Том оглядел камеру. Дверь заперта и охраняется, так что нечего и пытаться. Задрал голову, он всмотрелся в трубы и короба. По некоторым вполне мог проползти человек, но он не знал, как до них добраться, не говоря уж о том, чтобы забраться внутрь. Значит, оставались только стены. Он начал ошупывать доски, наконец, нашел болтающуюся и стал ее раскачивать.

Работа была медленная, тяжелая и болезненная. Пальцы Тома уловили занозы, по лицу градом катился пот, и ему приходилось прерываться всякий раз, когда по дорожке кто-то проходил. Эстер молча наблюдала за ним, и в Томе медленно закипала злость: девушка не выказывала ни малейшего желания помочь. К вечеру, когда красное солнце зависло над горизонтом, а город сбросил скорость, Том уже мог просунуть в щель голову.

И просунул, убедившись, что поблизости никого нет. Вероника ватил среди высоких скал, а впереди, не так, чтобы и далеко, лежал естественный амфитеатр, забитый маленькими городами. Том никогда не видел, чтобы они собирались в одном месте в таком количестве.

– Мы прибыли! – сообщил он Эстер. – Это Ярмарка!

Вероника снизил скорость до минимума, маневрируя, чтобы встать между маленькой деревней под парусом и больших размеров торговым городом. Том слышал, как с палуб других городов жителей Вероники спрашивали, откуда они прибыли и что могут продать. «Металл! – донесся до него крик миссис Рейленд. – Лес и двух молодых, здоровых рабов».

– О Куирк! – пробормотал Том, пытаясь еще больше расширить щель.

– До нужных размеров ты ее не расширишь, – высказала свое мнение Эстер, которая всегда ожидала худшего и обычно не ошибалась в прогнозах.

– Ты могла бы помочь вместо того, чтобы сидеть сиднем, – огрызнулся Том, но тут же пожалел о своих словах, потому что видел, как она слаба. Подумал – а что будет, если у нее не хватит сил на побег? Не мог же он удрать один и оставить ее здесь! Но если он тоже останется, то станет рабом на одном из этих грязных маленьких городов.

Он постарался не думать над этим, сосредоточившись на другом: как расширить щель. Снаружи тем временем стемнело, взошла луна. Он слышал музыку и смех, доносившиеся с палуб других городов, поскрипывание сходен: люди Вероники отправлялись в гости. Несмотря на все усилия, расширить щель не удалось. В отчаянии он повернулся к Эстер, прошептал: «Пожалуйста! Помоги!»

Девушка с трудом поднялась, дохромала до того места, где он сидел на корточках. Выглядела она плохо, но силы у нее определенно остались. Может, она копила их, чтобы использовать для побега. Эстер ощупала края щели, кивнула. Потом, навалившись на плечо Тома, взмахнула здоровой ногой и ударила по стене. Раз, другой. Дерево трещало, подавалась, а после третьего пинка целая секция вывалилась на дорожку.

– Я мог бы сделать это и сам. – Том смотрел на зазубренную дыру и гадал, почему же он до этого не додумался.

– Но не сделал, так? – Эстер попыталась улыбнуться. Впервые он видел ее улыбку, страшную, перекошенную, но греющую душу. Улыбка означала, что она начинает к нему благоволить и уже не воспринимает, как назойливую муху. – А теперь пошли. Чего ждем?

В сотнях миль от Ярмарки Шрайк что-то замечает на залитой лунным светом глине. Дает знак пилотам, и они с недовольным ворчанием сажают «Ястреб 90». «Что теперь? Как долго мы еще будем летать взад-вперед вдоль колеи Лондона, прежде чем он признает, что подростки мертвы?» Но ворчат они тихонько, потому что до смерти боятся Шрайка.

Люк открывается, Шрайк выходит. Его зеленые глаза бегают из стороны в сторону, пока он не находит то, что искал. Лохмотья белой рубашки, мокрой от дождя, запачканной глиной. «Эстер Шоу была здесь», – сообщает он, главным образом, Открытой территории и начинает приноживаться, ловя ее запах.

Глава 9. «Дженни Ганивер»

Поначалу казалось, что им сопутствует удача. Они быстро выбрались на деревянную дорожку, нырнули в тень, отбрасываемую одним из колес Вероники. Вокруг темнели силуэты других городов, во многих окнах горел свет. Над верхней палубой одного из них, горняцкого города, который стоял в дальнем конце ярмарки, полыхало разноцветье звезд: участники вечеринки

любовались фейерверком. Крадучись, они двинулись к трапу, перекинутому с Вероники на борт торгового города, который стоял рядом. Трап не охранялся, зато его освещал фонарь. Они уже перебрались на соседнюю палубу, когда позади раздался крик: «Эй!» Потом громче: «Эй! Эй! Дядя Рейленд! Рабы убегают!»

Они побежали, вернее, побежал Том, таща за собой Эстер, ольшана, как она вскрикивает от боли при каждом шаге. Поднялись по лестнице, попали на мостик, миновали часовню Перипатетии, прошли странствующих городов, и очутились на рыночной площади, уставленной железными клетками, в некоторых из которых ожидали продажи тощие, несчастные рабы. Том заставил себя замедлить шаг, постарался сделать вид, будто ни от кого они и не бегут, дабы не привлечь к себе внимания, при этом прислушиваясь к шуму погони. Не услышал ничего подозрительного. Возможно, Рейленды их не преследовали, а может, никому не разрешалось гоняться за людьми за пределами своего города. Том не знал, по каким законам живет Ярмарка.

— Пойдем к носу. — Эстер отпустила его руку и подняла воротник пальто, чтобы скрыть лицо. — Если нам повезет, на носу будет отоника воздушных кораблей.

Им повезло. Перед верхней палубой города они нашли возвышение с полудюжиной маленьких воздушных кораблей, их темная, наполненная газом баллоны напоминали спящих китов.

— Мы должны украсть один из них? — шепотом спросил Том.

— Только в том случае, если ты знаешь, как управлять воздушным кораблем, — ответила Эстер. Здесь есть кафе для пилотов. Попытаемся зафрахтовать воздушный корабль, как обычные люди.

Кафе представляло собой древнюю ржавую гондолу воздушного корабля, прикрученную к палубе. Несколько металлических столиков стояли под полосатым навесом. Горели фонари-«молнии», и старый пилот храпел, откинувшись на спинку стула. Компанию ему составляла зловещего вида восточная женщина в длинном красном кожаном пальто, которая сидела в тени около стойки бара. Несмотря на темноту, она не сняла солнцезащитные очки, формой напоминающие крылышки пчелы.

Невысокий мужчина с огромными висячими усами полировал стаканы. Без особого интереса вскинул глаза на Тома, когда тот сказал: «Мне нужен корабль».

— Куда желаете лететь?

— В Лондон. Мне и моей подруге надо вернуться в Лондон. Мы хотели бы вылететь сегодня.

— В Лондон, значит? — Усы мужчины задергались, как хвосты двух белок, забравшихся ему в нос и начавших проявлять беспокойство. — Там могут приземляться только корабли, имеющие лицензию Лондонской гильдии купцов. У нас таких нет. Стейнз в Лондоне дел не ведет.

– Может, я смогу помочь? – Над плечом Тома раздался мягкий голос с иностранным акцентом. К ним подошла женщина в красном пальто, стройная, миловидная, с белыми «перьями» в коротко стриженных черных волосах. Свет фонарей-«молний» отражался в черных очках, а когда она улыбнулась, Том заметил, что ее зубы выкрашены в красный цвет. – У меня нет лондонской лицензии, но я лечу в Воздушную Гавань. Там вы сможете найти корабль, который доставит вас в Лондон. Деньги у вас есть?

Вот об этом Том не подумал. Он порылся в карманах туники и достал два мятых банкнота с лицом Куирка на лицевой стороне и суровой физиономией Магнуса Кроума на другой. Он положил их в карман в тот вечер, когда выпал из Лондона, в надежде потратить на празднике в честь захвата Солтхука в Кенсингтон-Гарденз. Здесь, под светом фонарей-«молний», на палубе торгового города, банкноты выглядели, как фантики.

Женщина, похоже, придерживалась того же мнения.

– Ага. Двадцать куирков. Но эти деньги можно потратить в Лондоне. Для воздушного торговца, вроде меня, толку от них никакого. Может, у вас есть золото? Или олд-тек?

Том пожал плечами и пробормотал что-то невразумительное. Уголком глаза увидел нескольких мужчин, спешащих к кафе.

– Посмотри, дядя Рейленд! – крикнул один. – Вон они! Мы их нашли!

Том развернулся и увидел в дверях Рейленда и двух его парней, вооруженных увесистыми дубинками. Он схватил за руку едва держащуюся на ногах Эстер и потащил к черному ходу. Один из мужчин с Вероники попытался броситься на них, но женщина преградила ему дорогу.

– Они – мои пассажиры, – услышал Том. – Мы просто обговариваем стоимость проезда.

– Они – наши рабы, – закричал Рейленд, проталкиваясь мимо нее. – Том Натсуорти и его подруга. Мы нашли их на Открытой территории. Кто нашел...

Том тащил Эстер через металлическую палубу мимо лестниц, ведущих к причалам воздушных кораблей. Он слышал, как люди Рейленда, разделившись, перекликаются друг с другом, потом раздался крик, удар, должно быть, один из них свалился с палубы. «Хорошо», – подумал Том, но он понимал, что остальные рано или поздно найдут их.

По короткой металлической лестнице они поднялись к причалам. В некоторых гондолах горел свет, и у Тома возникла мысль вломиться в одну из них и заставить пилота отвезти их в Лондон. Но, во-первых, у него не было никакого оружия, а во-вторых, не успел он выбрать подходящую гондолу, как лестница загрохотала под чьими-то тяжелыми сапогами и за спиной раздался голос Рейленда: «Пожалуйста, мистер Натсуорти, прояви благоразумие! Я не хочу причинять вам вреда. Фред, – позвал он кого-то из своих. – Фред, я загнал их в угол. Фред?»

Том почувствовал, как гаснет надежда на спасение. Деваться действительно было некуда. Он стоял, понутив голову, тогда как Рейленд приближался к нему, подняв дубинку. Эстер привалилась к швартовой лебедке и застонала.

– Все по справедливости, – продолжил Рейленд, словно подумав, что она жалуется на судьбу. – Мне, как и вам, не нравится работорговля, но времена сейчас тяжелые, мы вас поймали, этого же никто не отрицает...

И вот тут внезапно – Том даже не сообразил, что происходит, – Эстер перешла в контратаку. С быстротой молнии сорвала с лебедки металлическую рукоятку и нанесла удар. Дубинка вылетела из рук Рейленда и покатилась по палубе. Досталось от рукоятки и голове, правда, удар получился скользкий, но Рейленд вскрикнул от боли и опустился на палубу. Эстер шагнула вперед и занесла рукоятку над головой, но прежде чем она размозжила череп старика, Том схватил ее за руку.

– Остановись! Ты его убьешь!

– И что? – Теперь она замахнулась на него, обнажив зубы в жутком оскале. – И что?

– Он прав, дорогая моя, – вновь зазвучал мягкий голос. – Нет нужды добивать его.

Из тени выступила женщина из кафе, полы длинного красного пальто цеплялись за лодыжки, когда она шла к ним.

– Я думаю, нам следует подняться на борт моего корабля до того, как вас начнет искать весь его город.

– Ты же сказала, что у нас нет денег.

Все так, мистер Натсуорти, – кивнула пилотесса. – Но я не могу стоять и смотреть, как вас продают в рабство. Однажды я сама была рабой и никому такого не пожелаю. – Она сняла очки, открыв темные миндалевидные глаза. Когда она улыбалась, в их уголках собирались добродушные морщинки. – А кроме того, ты меня заинтриговал. С чего это лондонцу бродить по Охотничьим землям, нарываясь на неприятности? – Она протянула Тому руку, омуглую, с длинными пальцами, тонкими косточками и сухожилиями, невнятно проступающими под папиросной бумагой кожи.

– Где гарантии, что ты не предашь нас, как Рейленд? – спросил Том.

Таких гарантий, разумеется, нет, – рассмеялась она. – Вам просто придется довериться мне.

После Валентина и Рейлендов Том не верил, что сможет кому-нибудь довериться, но эта загадочная иностранка была их единственной надеждой на спасение.

Хорошо. Только Рейленд неправильно произносил мою фамилию. Я – Нэтсуорти.

А я – Фанг, – представилась женщина. – Мисс Анна Фанг. – Она все протягивала руку, словно видела в нем испуганное животное, которое хотела приручить, и улыбалась красной улыбкой.

Мой корабль на Шестом причале.

Они пошли за ней, в одном месте чуть не споткнулись о помощников Рейленда, которые сидели, привалившись к стойке, уткнувшись подбородком в грудь, вытянув ноги вперед.

– Они?.. – прошептал Том.

– Без сознания, – ответила мисс Фанг. – К сожалению, иной раз я не бью слишком сильно.

Том хотел задержаться и посмотреть, все ли с ними в порядке, но Фанг быстро потащила его к лесенке, ведущей на Шестой причал. Если Том ожидал увидеть эlegantный небесный клипер, то корабль, висевший на якоре на Шестом причале, его разочаровал. А какую еще реакцию могли вызвать облезлый баллон, ржавые двигатели и деревянная гондола?

– Он собран из старья! – вырвалось у него.

– Из старья? – рассмеялась мисс Фанг. – Вот что я тебе скажу: «Дженни Ганивер» собран из узлов лучших в мире воздушных кораблей. Шелково-силиконовый баллон клипера из Шан Гуо, двигатели Жан-Каро с парижского линкора, газовые батареи повышенной мощности со шпильбергенского боевого корабля... Чего только не найдешь на свалках...

По трапу она завела их в тесную, пахнущую пряностями гондолу, узкий деревянный цилиндр, в носу которого находилась рубка, на корме – каюта мисс Фанг, а между ними – маленькие клетушки. Тому то и дело приходилось нагибать голову, чтобы не удариться о подвешенные к потолку шкафчики, кабели и трубы, тогда как пилотесса передвигалась по гондоле с завидной легкостью, что-то бормоча на непонятном языке, поворачивала рубильники, поднимала или опускала рычаги, включила зеленую подсветку приборного щитка, после чего рубка стала напоминать аквариум. Она рассмеялась, заметив отразившуюся на лице Тома тревогу.

– Это эйрсперанто, обычный язык небес. На птичьих дорогах одиноко, вот я привыкла разговаривать сама с собой.

Она потянула за последний рычаг, открывающий газовые клапаны. Газ пошел в баллон, со звоном отщелкнулись магнитные швартовочные зажимы, тут же ожило радио: «Дженни Ганивер», говорит диспетчер гавани Стейнза. Взлет вам не разрешен!»

Но «Дженни Ганивер» уже взлетал. Том желудком чувствовал, что они поднимались в ночное небо. Он добрался до иллюминатора и увидел внизу торговый город, быстро уменьшающийся в размерах. Потом в поле зрения попал Вероника, а скоро вся Ярмарка уже напоминала выставленные в Музее модели городов.

– «Дженни Ганивер», – настаивал динамик, – немедленно возвращайтесь на стоянку! Мы получили заявление городского совета Вероники с требованием вернуть ваших пассажиров, а не то они будут вынуждены...

– Как они надоели! – Мисс Фанг выключила радио. Самодельная ракетная установка на крыше мэрии Вероники таки пальнула по ним. Три ракеты пролетели мимо, четвертая взорвалась непо-

далеку от правого борта, отчего гондолу закачалось, как маятник, пятая – у самой кормы (Анна Фанг при последнем взрыве лишь пожалала плечами, а вот Том и Эстер забились в темные углы, как испуганные кролики). А потом они выскочили за зону досягаемости ракет. «Дженни Ганивер» продолжала подъем в холодную ночь, Ярмарка же превратилась в пятнышко света, которое скоро закрыли облака.

Глава 10. «Лифт на тринадцатый этаж»

Ночью в Лондоне шел дождь, но при первых лучах солнца небо очистилось, бледное, как стоячая вода, и выхлопные газы двигателей города при полном штиле поднимались вверх. Влажное железо палуб поблескивало серебром, и все флаги на Первой палубе бесsilно повисли, облепив флагштоки. То было прекрасное весеннее утро, которого Валентин с нетерпением ждал, а Кэтрин – ужасно боялась. Идеальное для воздухоплавания утро.

Несмотря на ранний час, большая толпа собралась на Первой палубе, чтобы проводить в полет «Лифт на тринадцатый этаж». Когда Генч вез Кэтрин и ее отца к стоянке воздушного корабля, они увидели, что народу полно и в Круговом парке: Похоже, все население Верхнего Лондона собралось, чтобы проводить Валентина. Никто не знал, куда он направляется, но по мере продвижения Лондона на восток мельницы слухов работали безостановочно: никто не сомневался, что полет Валентина связан с какой-то огромной добычей, которую лорд-мэр надеялся захватить в центральном регионе Охотничьих земель.

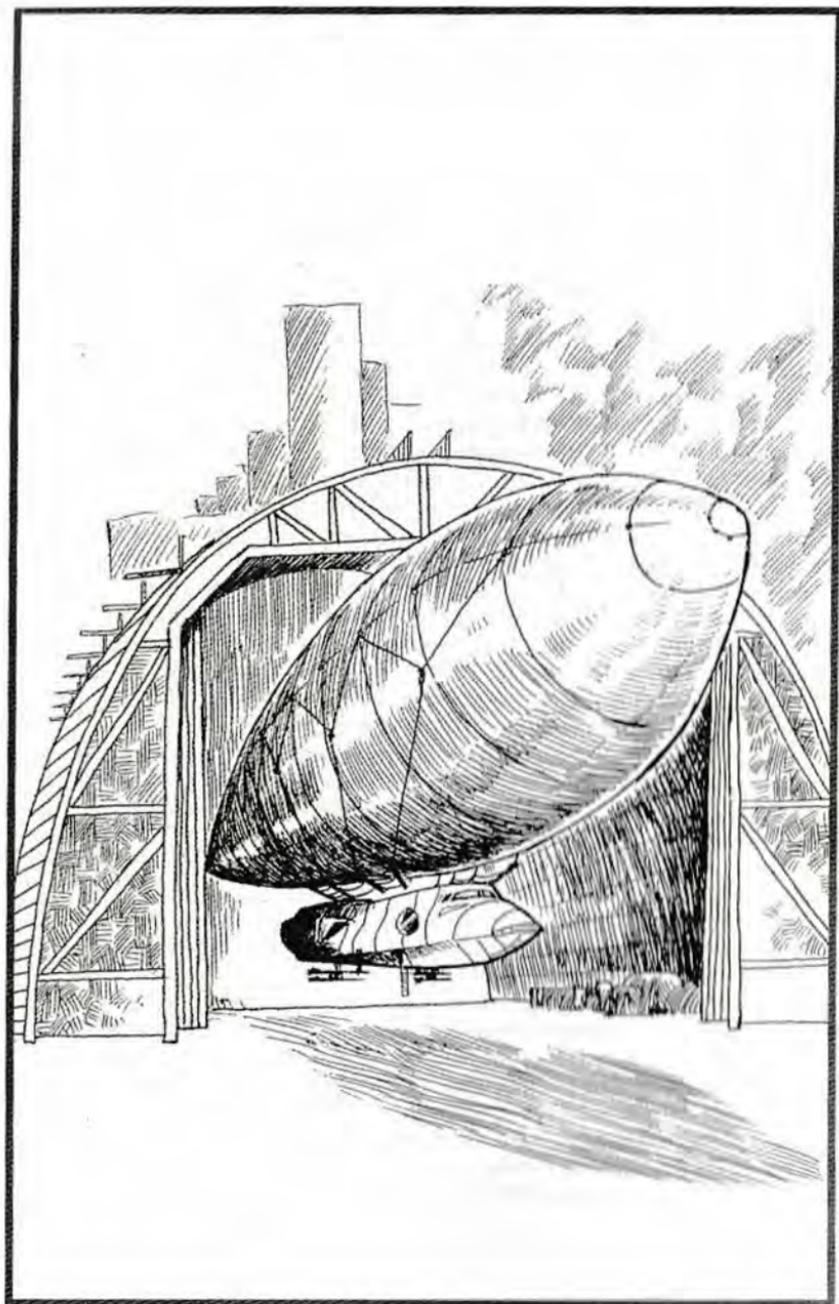
Для членов Городского совета и руководства Гильдий поставили временные трибуны. Кэтрин и Собака, попрощавшись с Валентином в ангаре и пожелав ему счастливого пути, заняли свои места среди историков, между Чадли Помроем и доктором Аркенгартом. На трибуне собрался цвет Лондона: черные одежды Гильдии историков, лиловые – купцов, строгие зеленые туники навигаторов, белые, с капюшонами, резиновые плащи инженеров. Даже Магнус Кроум поднялся в такую рань, на его тощей шее поблескивала древняя цепь лорд-мэра.

Кэтрин бы предпочла, чтобы все они остались дома. Трудно прощаться с человеком, когда становишься частью радостной толпы, размахивающей флагами и посылающей воздушные поцелуи. Она поглаживала голову Собаки и говорила ему: «Смотри, вон отец поднимается по трапу. Они вот-вот запустят двигатели».

– Я очень надеюсь, что все обойдется без происшествий, – пробормотал доктор Аркенгарт. – Столько раз эти воздушные корабли взрывались вроде бы без всякой на то причины.

– Может, нам отойти подальше? – заволновалась мисс Плим, куратор мебельного отдела Музея.

– Незачем, – резко бросила Кэтрин. – Корабль взлетит, как положено.

– Действительно, тебе бы помолчать, Аркенгарт, старый глупец, – согласился Чадли Помрой, увидев Кэтрин. – Бояться нечего, мисс Валентин. У твоего отца прекрасный воздушный корабль и лучшие в мире пилоты: никаких происшествий не будет.

Кэтрин благодарно ему улыбнулась, но все равно скрестила пальцы. Собака уловил ее настроение и тихонько заскулил.

Из ангара донесся грохот закрывающихся люков и отъезжающих трапов. На трибунах стихли все разговоры. Верхний Лондон затаил дыхание. А потом, когда оркестр заиграл «Правь, Лондон», наземная команда выкатила «Лифт на тринадцатый этаж» в солнечный свет, сверкающую черную гондолу-стрелу, над которой блеснул, как шелк, бронированный баллон. На открытой платформе, расположенной на корме гондолы, стоял Валентин. Помахал рукой наземной команде, трибунам, а потом улыбнулся Кэтрин, безошибочно выхватив ее взглядом среди зрителей.

Она замахала ему рукой, трибуны радостно заревели, когда двигатели развернулись, занимая исходное положение для вертикального взлета. Наземная команда отдала швартовы, пропеллеры завертелись, и громадный воздушный корабль начал подъем. Двое подмастерьев-историков развернули транспарант: «Счастливого пути, Валентин», трибуны взорвались радостным криком, тут же сменившимся скандированием: «*Ва-лен-тин! Ва-лен-тин!*»

Но сам Валентин ничего этого не замечал. Он смотрел только на Кэтрин, прощально вскинув руку, пока воздушный корабль не набрал высоту и она более не могла разглядеть отца.

Наконец, когда «Лифт» превратился в точку на востоке, а трибуны начали пустеть, она смахнула слезы и в сопровождении Собаки зашагала к «Клио Хоуз». Кэтрин уже скучала по отцу, но у нее созрел план действий. В отсутствие Валентина она намеревалась навести справки и выяснить, кто эта загадочная девушка и почему так напугала отца.

Глава 11. Воздушная Гавань

Помывшись, поспав и поев, Том начал склоняться к мысли, что приключения – не самое плохое времяпрепровождение. К расцвету тяготы пешей прогулки по глине и сидения под замком в Веронике стали забываться. Сказочный вид, который открывался из больших окон рубки «Дженни Ганивер», плывущей среди золотистых гор подсвеченных поднимающимся солнцем облаков, даже притупил боль предательства Валентина. И за завтраком, когда он пил горячий шоколад в компании мисс Фанг, Том нашел, что такая жизнь ему очень даже нравится.

Как только «Дженни Ганивер» стала недосыгаемой для ракет Вероники, пилотесса превратилась в радушную хозяйку. Управление воздушным кораблем она передала автопилоту, сама же нашла Тому теплое, подбитое овчиной пальто и уложила спать

в трюме, расположенном под самым баллоном, в котором везла груз тюленьих шкур со Шпицбергена. Потом отвела Эстер в маленький лазарет и занялась раной на ноге. Когда Том после завтрака заглянул к девушке, та крепко спала, укрытая белым одеялом.

– Я дала ей обезболивающее, – пояснила мисс Фанг. – Она будет спать еще не один час, но ты можешь о ней не волноваться.

Том всматривался в лицо спящей Эстер. Почему-то он думал, что оно должно стать красивее после того, как девушку накормили, умыли, перевязали ногу, но, конечно же, Эстер оставалась прежней уродиной.

– Он обезобразил ее, твой злобный Валентин. – Пилотесса вновь привела его в рубку, где взяла управление на себя.

– Откуда ты знаешь про Валентина? – спросил Том.

– Да нет такого человека, который не слышал бы про Таддеуса Валентина. – Она рассмеялась. – Мне известно, что он – лучший археолог Лондона, но я знаю и другое: археология – лишь прикрытие его истинного занятия. Он – тайный агент Кроума.

«Это неправда!» – едва не воскликнул Том, инстинктивно защищая свой бывший идеал. Но тут же вспомнил о бродящих среди историков слухах, будто в экспедициях Валентина археология – далеко не главное. И теперь, собственными глазами увидев, на какие зверства способен этот человек, он поверил слухам. Покраснел, стыдясь за Валентина, стыдясь за то, что преклонялся перед ним.

На губах мисс Фанг играла сочувственная улыбка.

– Эстер многое рассказала мне прошлой ночью, пока я обрабатывала ее рану. Вам обоим очень повезло, раз уж вы остались в живых.

– Знаю, – согласился Том, но почему-то встревожился из-за того, что Эстер рассказала об их неурядицах этой совершенно незнакомой женщине.

Он сел в кресло второго пилота, оглядел пульт управления, кнопки, переключатели, рычажки с надписями на зйрсперанто, английском и китайском. Над пультом, на маленьком лакированном алтаре, закрепленном на переборке и украшенном красными лентами, стояли фотографии предков мисс Фанг. Он решил, что улыбающийся маньчжурский воздушный торговец – ее отец. А женщина с красными волосами из Ледяной пустоши – мать?

– Так скажи мне, Том, – мисс Фанг переводила корабль на новый курс, – куда направляется Лондон?

Такого вопроса он не ожидал.

– Я не знаю!

– Да ладно, что-то ты ведь знаешь! – Она рассмеялась. – Твой мегаполис вылез из своей норы на западе, пересек земляной мост, а теперь рванул в центральный регион Охотничьих земель, полетел, можно сказать, «как горошина из стручка», знаешь такое выражение? Хоть какие-то слухи до тебя доходили? Нет?

Ее миндалевидные глаза еще больше сузились, тогда как Том нервно облизывал губы, не зная, что и сказать. Он пропускал мимо ушей глупые догадки других подмастерьев о конечной цели Лондона и действительно не имел о ней ни малейшего представления. А если бы и имел, конечно же, не стал раскрывать планы мегаполиса этой таинственной восточной пилотессе. Что, если мисс Фанг сообщит другому мегаполису, где можно устроить засаду на Лондон? За такую информацию наверняка предложат хорошие деньги. Однако если он уйдет от ответа, она может вышвырнуть его из корабля, даже предварительно не приземлившись.

– Дичь! – выдавил он из себя. – Гильдия навигаторов говорит, что в центральном регионе Охотничьих земель много дичи.

Красная улыбка стала шире.

– Правда?

– Я слышал это от Главного навигатора, – уже с большей уверенностью ответил Том.

Мисс Фанг кивнула, сияя, как медный таз. Потом взялась за длинный рычаг. Заурчали газовые клапаны, и у Тома сразу заложило уши: «Дженни Ганивер» пошла на снижение, пробивая толстый белый слой облаков.

– Позволь показать тебе центральный регион Охотничьих земель. – Она хохотнула, повернулась к карте, закрепленной на перегородке рядом с алтарем.

Они стремительно снижались, «молоко» за бортом становилось все менее густым, и, наконец, Том увидел под собой Открытую территорию, напоминающую лист серовато-коричневой бумаги, прочерченный длинными синими полосами – заполненными водой колеями бесчисленных городов. Впервые после взлета с палубы Стайнза Тома охватил страх, но мисс Фанг пробормотала: «Бояться-то нечего, Том».

Он успокоился и полностью сосредоточился на завораживающем зрелище. Далеко на севере он видел холодный блеск Ледяной пустоши и темные конусы вулканической гряды Таннхаузер. Поискал Лондон и, похоже, увидел его, маленькую серую точку, оставляющую за собой шлейф дыма, гораздо дальше от воздушного корабля, чем он рассчитывал. Видел и другие города и мегаполисы, разбросанные по равнине, прячущиеся в тенях наполовину сведенных гор, но не так много, как ожидал. На юго-востоке городов не было вовсе. Серый туман лежал над болотами, а за ними серебрилась вода.

– Это великое Хказакское море, которое со всех сторон окружено сушей, – объяснила пилотесса, когда Том указал на него пальцем. – Ты наверняка слышал эту страшилку: «Берегись Хказакского моря, нет возврата ни одному городу, приближившемуся к нему...»

Но Том ее не слушал. Потому что заметил нечто более ужасное, чем окруженное сушей море, в котором пропадали города.

Прямо под ними – собственно, в этот самый момент миниатюрная тень «Дженни Ганивер» скользила по его металлическому остову – лежал мертвый мегаполис. Землю вокруг него покрывали колеи сотен маленьких городов. По мере того, как «Дженни Ганивер» опускалась все ниже, Том понял, что гусениц, ведущих и ведомых колес, двигателей и оборудования заводов и фабрик давно уже нет, а оставшиеся металлические плиты и переборки растаскивают маленькие города, которых и не видать под нижними палубами, вырывают Челюстями целые ржавые секции, посылают команды с ацетиленовыми резаками, куда Челюсти дотянуться не могут. Вспышки резаков сверкали в глубинах мегаполиса, как огни гирлянд на рождественской елке.

Над одним из городов поднялось облако дыма, ракета устремилась к воздушному кораблю, взорвалась несколькими сотнями футов ниже. Руки мисс Фанг мягко двинули один из рычагов, и Том почувствовал, как они начали подниматься.

– Половина кладоискателей Охотничьих земель работает на острове Моторполиса, – пояснила пилотесса. – Чужих здесь не любят. Стреляют по каждому, кто приблизится, а если никто не приближается – друг по другу.

– Но как с ним такое могло случиться? – Том в ужасе смотрел на металлический остов, от которого улетала «Дженни Ганивер».

– Умер с голоду, – ответила пилотесса. – Топливо кончилось, а когда Моторполис потерял подвижность, на него налетели маленькие города и начали рвать на части. Это пиршество продолжается не один месяц, но, думаю, скоро сюда подкатит какой-нибудь мегаполис и закончит дело. Видишь, Том, в центральном регионе Охотничьих земель дичи не так уж и много... По этой причине Лондон не стал бы высовываться из своей норы.

Том в последний раз взглянул на мертвый мегаполис. Увидел, как к северо-западу от него стая маленьких пиратских платформ бросилась в погоню за тяжело груженным добычей городом кладоискателей.

Но «Дженни Ганивер» ушла в облака, которые скрыли развязку от его глаз.

Когда мисс Фанг вновь посмотрела на него, она по-прежнему улыбалась, но глаза как-то странно блестели.

– А если Магнуса Кроума прельщает не дичь, то что?

Том покачал головой.

– Я всего лишь подмастерье Гильдии историков, – признался он. – Третьего класса. И не знаком с Главным навигатором.

– Эстер упомянула об одной штуковине, – продолжила пилотесса. – Которую мистер Валентин забрал у ее родителей. МЕДУ-ЗА. Странное название. Ты о ней когда-нибудь слышал? Знаешь, что это такое?

Том качал головой, а она пристально всматривалась в него, не отрывая взгляда от его глаз, и ему уже казалось, что она заглядывает в его душу. Потом она рассмеялась.

– Ладно. Я должна доставить вас в Воздушную Гавань, а уж там мы найдем корабль, который полетит в Лондон.

Воздушная Гавань! Так назывался один из самых знаменитых городов эры Движения, и когда вечером из динамиков донеслось пиканье его радиомаяка, Том поспешил в рубку. На трапе у лазарета столкнулся с Эстер, заспанной, хромящей, с растрепанными волосами. Анна Фанг, как могла, подлечила ей ногу, но манеры девушки ничуть не изменились: увидев Тома, она прикрыла лицо руками и на вопрос, как она себя чувствует, лишь зыркнула и пробормотала что-то невразумительное.

Когда они вошли в рубку, пилотесса приветствовала их ослепительной улыбкой.

– Посмотрите, дорогие мои! – Она указала на окна. – Воздушная Гавань.

Они встали за ее спиной и вдали, за морем облаков, увидели подсвеченную солнцем одну-единственную палубу из легкого сплава в ореоле ярко раскрашенных воздушных шаров.

Давным-давно город Воздушная Гавань решил спастись от голодных мегаполисов, взлетев в небо. И теперь превратился в торговый центр и место встречи пилотов всего мира. Летом он парил над Охотничьими землями, а потом улетал на юг, чтобы провести зиму под более теплыми небесами. Том помнил, как однажды Воздушная Гавань целую неделю простоял над Лондоном, как туристические воздушные шары поднимались и опускались в Кенингстон-Гарденз и Круговом парке, как завидовал он Меллифанту и другим богатым людям, которые могли подняться на таком воздушном шаре и вернуться, переполненные впечатлениями о посещении летающего города. А теперь ему предстояло самому побывать в нем, и не как туристу! Будет что рассказать другим подмастерьям по возвращении в Лондон.

Воздушный корабль медленно поднимался к городу, а когда солнце нырнуло за облака на западном горизонте, мисс Фанг выключила двигатели, и ее корабль по инерции заскользил к причальной стойке, тогда как портовые служащие в небесно-синей униформе взмахами разноцветных флагов направляли ее к месту швартовки. За их спинами толпились туристы и пилоты, наблюдая за посадкой.

Наконец, защелкнулись швартовочные зажимы, и спустя пару минут Том вышел в сумерки, в холодный, разреженный воздух, таргась на садящиеся и взлетающие воздушные корабли, элегантные суперлайнеры и ржавые развалюхи, изящные маленькие воздушные скутеры с прозрачными баллонами и раскрашенные под тигра внушительные перевозчики пряностей со Ста Островов.

– Посмотрите, – указал он по верх крыш. – Вон там Небесная Биржа, а это – церковь святого Михаила-на-Небесах. В лондонском Музее есть такая картина.

Но мисс Фанг видела все это много, много раз, а Эстер лишь мрачно поглядывала на толпы людей и прятала лицо.

Пилотесса заперла «Дженни» ключом, который носила на цепочке на шее, но тут к ней подбежал босоногий мальчишка и дернул за рукав.

– Постеречь твой корабль, мисс? – Она рассмеялась и бросила ему на ладонь три квадратных бронзовых монеты. – Я никого не пущу на борт, – пообещал он и уселся на трап.

Появились одетые в форму таможенники, улыбнулись мисс Фанг, но подозрительно оглядели ее новых друзей. Проверили, нет ли на сапогах металлических мысков, убедились, что никто не курит, и повели в зал прилета, стены которого украшали надписи аршинными буквами: «Не курить», «Выключить все электрические приборы», «Не высекать искр». Искры являлись бичом воздушной торговли, потому что иной раз хватало одной, чтобы вспыхнул газ в баллонах кораблей.

В Воздушной Гавани считалось серьезным преступлением даже энергичное расчесывание волос, и всем вновь прибывшим приходилось подписывать строгие инструкции по соблюдению техники безопасности и убеждать таможенников, что они ни в коем разе не станут причиной пожара.

Наконец, им позволили подняться на металлической лестнице на Высокую улицу. Единственная палуба Воздушной Гавани представляла собой кольцо из легкого сплава, застроенное магазинами, ларьками, лавчонками, кафе и отелями для пилотов. Том оглядывался по сторонам, стараясь запомнить как можно больше, не упустить ни единой мелочи. Он увидел лопасти ветряных двигателей, вращающиеся на каждой крыше: энергия ветра преобразовывалась в электрическую. Увидел механиков, ползающих, как пауки, по двигательным консолям.

Воздух благоухал экзотическими ароматами не знакомой ему кухни, и везде его взгляд наткнулся на пилотов, шагающих по палубе с бесшабашной уверенностью людей, всю жизнь проживших в небе, полы их длинных пальто развевались, как кожаные крылья.

Мисс Фанг указала на здание, вывеска на котором по форме напоминала воздушный корабль.

– Это таверна «Баллон и гондола». Я покормлю вас обедом, а потом мы найдем капитана корабля, который доставит вас в Лондон.

Они направились к таверне, пилотесса впереди, Эстер – прячась от окружающего мира за поднятой рукой, Том – в изумлении оглядываясь и сожалея, что приключения близки к завершению. Он не заметил «Ястреба 90», который кружил среди больших по размеру воздушных кораблей, дожидаясь разрешения на посадку. А если бы и заметил, то не смог бы на таком расстоянии разглядеть регистрационный номер или увидеть на баллоне красное колесо – символ Гильдии инженеров.

Глава 12. «Баллон и гондола»

В большой таверне было темно и шумно. Стены украшали модели воздушных кораблей в бутылках и пропеллеры знаменитых воздушных клиперов: названия любовно выписали на лопастях. «Надежда», «Аэромышь», «Невидимый червь»... Пилоты сидели за металлическими столами, обсуждая грузы и цены на газ. Здесь были джайнцы, тибетцы и ксхозы, инуиты, воздушные туареги и закутаные в меха гиганты из Ледяной пустоши. Уйгурская девушка играла «Серенаду спутной струи» на сорокаструнной гитаре, то и дело по громкой связи объявляли: «Прибытие к причальной стойке три, «Вольный ветер» из Палатинатеса, Нуэво-Майя, с грузом шоколада и ванили» или «Посадка у причальной стойки двадцать четыре, «Моя Широпа» отправляется в Архангельск»...

Анна Фанг остановилась у маленького алтаря за дверью, чтобы поблагодарить богов неба за благополучное путешествие. Бог пилотов выглядел дружелюбно: выкрашенный в красное толстячок напомнил Тому Чадли Помроя, а вот в его жене, богине Небес, чувствовались жестокость и коварство. Обидевшись, она могла навести на воздушный корабль ураган, а то и просто взорвать газовые аккумуляторы. Анна положила к ее ногам пирожки из рисовой муки и несколько монет, Том и Эстер на всякий случай прошептали: «Спасибо тебе».

А когда поискали взглядом пилотессу, увидели, что она уже спешит к пилотам, сидевшим за столиком в дальнем углу.

– Кхора! – воскликнула она.

А мгновением позже уже кружилась в объятьях симпатичного молодого африканца и быстро говорила на эйрсперанто. Том мог поклясться, что слышал слово «МЕДУЗА», но когда они приблизились, пилоты перешли на английский, так что последнюю фразу африканца он разобрал без труда: «Мы летели с попутным ветром от самой Загвы», – в доказательство своих слов он стряхнул со шлема красный песок Сахары.

Кхора командовал боевым кораблем «Мокеле Мбембе» и прибыл из анклава в Лунных горах, союзника Лиги противников движения. Направлялся он в Шан Гуо, где ему предстояло нести вахту в великой твердыне Лиги, Батманкх-Гомпа. Поначалу Том пришел в ужас, как же, сидеть за одним столиком с солдатом Лиги, но Кхора оказался отличным парнем, таким же добрым и радушным, как мисс Фанг. Пока она заказывала еду, Кхора представил своих друзей: высокого, мрачноватого Нильса Линдстрема с «Садовой ловушки для аэропланов» и очень красивую, смешливую арабку Ясмину Рашид с капера «Зейнаб». Скоро все пилоты смеялись, вспоминая битвы над Ста островами и попойки в квартале пилотов в Панзерштадте-Линце, но за разговорами Анна Фанг не забывала передавать своим гостям тарелки с все новыми и новыми блюдами.

– Еще сони в тесте, Том? Попробуй эту восхитительную тушеную с пряностями летучую мышь, Эстер.

Пока Том двумя деревянными палочками, которые ему дали вместо ножа и вилки, гонял по тарелке незнакомую еду, к нему наклонился Кхора и шепотом спросил:

– Так ты, Том, и твоя девушка теперь матросы на «Дженни»?

– Нет, нет, – быстро заверил его Том. – Я хочу сказать, она не моя девушка, и мы всего лишь пассажиры. – Он воткнул палочки в пюре из саранчи и тоже тихонько спросил: – Ты хорошо знаешь мисс Фанг?

– О да! – рассмеялся Кхора. – Все воздухоплататели знают Анну. И, разумеется, вся Лига. В Шан Гуо ее зовут Фенг Хуа, Цветок ветра.

Тому осталось только гадать, почему мисс Фанг дали в Шан Гуо особое имя, потому что, прежде чем он успел задать этот вопрос, Кхора продолжил:

– Ты знаешь, что она сама построила «Дженни Ганивер»? Когда она была еще совсем молоденькой, ей и ее родителям крепко не повезло. Их захватили на борту города, съеденного Архангельском. Она стала рабой, и ее определили на верфи, строившие воздушные корабли. Долгие годы она собирала все необходимое. Где-то удавалось увести двигатель, где-то пропеллер, где-то – баллон. Но в итоге ей удалось с нуля собрать «Дженни» и удрать.

Услышанное произвело впечатление на Тома.

– Она ничего такого не рассказывала, – пробормотал он, с уважением глянув на пилотессу.

– Она не любит об этом говорить. – Кхора вздохнул. – Видишь ли, ее родители не дожили до побега. Они умерли рабами.

Том проникся симпатией к мисс Фанг. Такая же сирота, как и он. Похоже, она и улыбалась все время, чтобы скрыть лежащую на сердце печаль. И на помощь ему и Эстер пришла, потому что не хотела, чтобы они разделили судьбу ее родителей. Он ей улыбнулся, а она, поймав его взгляд, улыбнулась в ответ и передала тарелку со скрюченными черными ножками.

– Попробуй, Том, это сое из тарантулов.

«Прибытие к причальной стойке четырнадцать, – прогремело из динамиков громкой связи над головой. – Лондонский воздушный корабль ГИ-47, без груза, только с пассажирами».

Том подпрыгнул, стул отлетел назад, с грохотом упал. Он помнил эти маленькие быстрые разведывательные корабли, которые Гильдия инженеров использовала для осмотра подвижной части и каркаса Лондона, помнил, что названий у них не было, только регистрационный номер, и все номера начинались с букв ГИ – Гильдия инженеров.

– Они кого-то за нами послали! – выдохнул он.

Мисс Фанг уже вставала из-за стола.

– Возможно, это совпадение. Из Лондона прибывает много кораблей... И даже если Валентин послал кого-то за вами, вы среди друзей. Мы не по зубам твоим ужасным бифбургерам.

– Бифитерам, – механически поправил ее Том, хотя и понял, что она ошиблась сознательно, чтобы снять напряжение. Заметил улыбку Эстер и почувствовал яростную решимость защитить ее.

И тут погасли все огни.

Послышались крики, ругательства, звон разбитой посуды. В крошечной тьме чуть более светлыми пятнами выделялись лишь окна.

– Света нет во всем городе, – мрачно заметил Линдстрем. – Должно быть, авария на электростанции.

– Нет, – ответила Эстер. – Я знаю этот трюк. Его цель – посеять панику и не дать нам уйти. Кто-то нас ищет...

Такого страха в ее голосе Том не слышал никогда, даже когда Рейленды преследовали их на Стейнзе. Он тоже перепугался.

В дальнем конце таверны, где люди выходили на залитую лунным светом Верхнюю улицу, раздался сердитый крик. Потом второй, зазвенело разбитое стекло, послышались проклятья, грохот отбрасываемых столов и стульев. Две зеленые лампы вспыхнули над толпой.

– Это не бифитер! – воскликнула Эстер.

По интонациям Том не понял, то ли она по-прежнему боится, то ли испытывает облегчение.

– Эстер Шоу! – Голос напоминал скрежет пилы, врезающейся в металл. Дверь затянуло облако пара, из которого выступил Сталкер.

Семи футов роста, с поблескивающей из-под одежды металлической броней. Бледная кожа лица блестела от покрывающей ее слизи, тут и там сквозь нее проглядывали синевато-белые кости. В щели рта торчали металлические зубы. Нос и верхнюю часть головы закрывал металлический шлем, из которого выходили трубки и провода, заканчивающиеся в груди. Круглые стеклянные глаза придавали этому чудищу удивленный вид, словно оно так и не пришло в себя от изумления, увидев, что с ним стало.

И последнее, возможно, соответствовало действительности, потому что Сталкеры когда-то были обыкновенными людьми и железо скрывало человеческий мозг.

– Это невозможно! – проверещал Том. – Сталкеров быть не может! Их всех уже многие сотни лет как уничтожили!

Но Сталкер стоял перед ними, до ужаса реальный. Том попытался попятиться, но не мог шевельнуться. Что-то потекло по ногам, горячее, как расплесканный чай, и он понял, что обмочился.

А Сталкер медленно двинулся на них, отшвыривая в стороны стулья и столы. Валяющиеся на полу стаканы хрустели под его ногами. Из темноты какой-то пилот бросился на него с мечом, но

лезвие отскочило от брони, Сталкер же свалил пилота с ног ударом громадного кулака, даже не оглянувшись.

– Эстер Шоу, – повторил он. – Томас Нэтсуорти.

«Он знает мое имя!» – подумал Том.

– Я... – начала мисс Фанг, но, похоже, у нее не нашлось, что сказать. Она потащила Тома назад, тогда как Кхора и остальные выхватили мечи и встали между чудовищем и теми, за кем оно пришло. Но Эстер протолкнулась вперед.

– Все нормально. – Голос у нее изменился, вдруг стал высоким. – Я его знаю. Позвольте мне поговорить с ним.

Сталкер развернул мертвенно-белое лицо и теперь смотрел не на Тома, а на нее. В механических глазах вращались линзы.

– Эстер Шоу, – проскрипел он.

– Привет, Шрайк, – поздоровалась с ним Эстер.

Громадная голова наклонилась, словно для того, чтобы лучше ее разглядеть. Металлическая рука поднялась, застыла, потом прикоснулась к ее лицу, оставив масляные пятна.

– Сожалею, что не смогла тогда попрощаться с тобой...

– Теперь я работаю на лорд-мэра Лондона, – перебил ее Шрайк. – Он послал меня, чтобы я тебя убил.

Том заверещал, с губ Эстер сорвался смешок.

– Но... ты этого не сделаешь, не так ли, Шрайк? Ты меня не убьешь?

– Убью, – ответил Шрайк, не отрывая от нее взгляда.

– Нет, Шрайк! – прошептала Эстер, и вот тут мисс Фанг воспользовалась представившимся ей шансом. Вытащила из кармана в рукаве металлический предмет, похожий на веер, и бросила, целясь в шею Сталкера. В полете веер развернулся в диск, торец которого остротой мог посоперничать с бритвой.

– Боевая фрисби нуэво-майя! – ахнул Том, который видел это оружие на выставочных стендах Музея в разделе «Оружие и средства ведения войны». Он знал, что фрисби чисто срезает голову человека с расстояния в шестьдесят шагов, и замер, ожидая, что череп Сталкера слетит с его плеч. Но фрисби лишь воткнулось в бронированную шею Сталкера и осталась там, подрагивая.

Щель-рот расползся в улыбке, Шрайк рванулся вперед, быстрый, как ящерица. Мисс Фанг ушла в сторону, подпрыгнула и ударила ногой, но не попала: Сталкер обладал слишком уж быстрой реакцией.

– Бегите! – крикнула она Эстер и Тому. – Возвращайтесь на «Дженни»! Я вас догоню!

Что еще им оставалось? Они побежали. Сталкер попытался их остановить, но Кхора перехватил его руку, а Нильс Линдстрем ударил мечом в лицо. Сталкер отбросил Кхору и вскинул руку. Металл ударил о металл, посыпались искры. Линдстрем уронил сломанный меч и взвыл от боли, держась за плечо. Сталкер отбросил его, схватил Анну, которая вновь пошла в атаку, и швырнул на Кхору и Ясмину, попытавшихся прийти к ней на помощь.

– Мисс Фанг! – закричал Том. Уже хотел вернуться, но его знаний о Сталкерах вполне хватало для однозначного вывода: противопоставить одному из них ему было нечего. Поэтому он побежал за Эстер, спотыкаясь о лежащие у двери тела, в лунный свет и испуганную толпу.

Печально завывала сирена. От электростанции ветер приносил едкий дым, и ему показалось, что он увидел самое страшное для воздухоплатателей: языки огня!

– Я не понимаю! – на бегу выдохнула Эстер, обращаясь не к Тому – к себе. – Он не может убить меня, *не может!* – Но она продолжала бежать, и вдвоем они добрались до причальной стойки семь, где их ждала «Дженни Ганивер».

Но Шрайк уже позаботился о том, чтобы маленький воздушный корабль в эту ночь остался на приколе.

Они увидели, что оболочка баллона разорвана, консоль двигателей вскрыта и из них, как спагетти, торчат провода. У трапа лежал мертвый мальчик, тот самый, кому мисс Фанг заплатила за охрану ее корабля.

Том замер, уставившись на растерзанную «Дженни Ганивер», а сзади уже доносились тяжелые приближающиеся шаги: банг, банг, банг. Металлические подошвы гремели по металлической палубе.

Он повернулся к Эстер, но ее и след простыл. Хромая, она спешила по пристани к следующей причальной стойке.

Том припустил следом. К стойке как раз прибыл ярко раскрашенный воздушный шар, из корзины которого выходили изумленные туристы, не понимающие, то ли темнота и крики – результат ЧП, то ли в Воздушной Гавани придумали для них новое развлечение. Эстер протолкалась сквозь толпу, схватила хозяина воздушного шара за большие черные очки и вышвырнула из корзины. Шар уже начал отрываться от пристани, когда она вскочила в корзину.

– Стой! Воры! Похитители! Помогите! – орал хозяин, но Том слышал лишь доносящиеся с Высокой улицы тяжелые шаги.

– Том! Скорее!

Собрав волю в кулак, он запрыгнул в корзину вслед за Эстер. Она уже отвязывала швартовочные канаты.

– Все выбрасывай за борт! – крикнула Эстер.

Он подчинился, и воздушный шар свечей ушел вверх, оставив внизу сначала окна первого этажа, потом крыши домов и, наконец, шпиль церкви святого Михаила. Скоро Воздушная Гавань, подвешенный в небе темный бублик, остался далеко внизу, а Шрайк превратился в муравья со светящимися зелеными глазами.

Встав у причальной стойки, он наблюдал, как они улетают все дальше.

Продолжение следует

Константин
ВАНШЕНКИН

ПРОЩАНИЕ С ЛИСТОПАДОМ

Из лирики

НАПРОТИВ

Задумчивым окинешь оком,
Пока еще бессильны сны,
Коллекцию вечерних окон
На черной плоскости стены.

Среди расслабившейся лени
Они являют нам пример
Разнообразья направлений,
Школ, предпочтений и манер.

В пределах все ж одной культуры,
Традиций, собственно, одних
Там плавно движутся фигуры.
Скажи, чего ты ждешь от них?

В окно печаль течет ночная,
А мир свою имеет цель,
Неторопливо начиная
Пить чай или стелить постель.

КОМПОНОВКА ГРОЗЫ

Компоновка июльской грозы
Там, вверху, проводилась умело:
Как теперь говорится, в разы
Все вокруг на земле потускнело.

Небосвод, перед тем голубой,
Тоже вмиг потемневший свирепо...
Только радуга над головой –
Украшением хмурого неба.

СЕЛЬСКИЙ ИНТЕРЬЕР

Раскрыто летнее окно,
Где небо синее одно
И, отразившаяся в створке,
Видна опушка на пригорке.
Все рядом: кринка молока
И кучевые облака.

Тень яблони на потолке.
Кудрявый веник у порожка.
А на диване, в уголке,
То ли подушка, то ли кошка.

ДУЭЛЬ

Которые сутки
Сквозь ломкую тишь
Гремели сосульки,
Летающие с крыш.

Над спящею школой
И тенью оград
Густой и тяжелый
Висел снегопад.

Опять все сначала?
В полночную глушь
Морозцем сковало
Дрожание луж.

А люди дурели,
Привычкам верны,
От вечной дуэли
Зимы и весны.

ВОСПОМИНАНИЕ О СТРЕМЯНКЕ

Стояла на шаткой стремянке –
Тургенева с полки достать.
Я обмер от этой приманки,
Увидев подобную стать.

Могла потерять равновесье –
Но я бы тогда поддержал!
(От мысли явившейся весь я
Был брошен безжалостно в жар.)

Я скованно поднял ладони,
К страховке готов цирковой.
Но опыт напрасной погони
Бывает у каждого свой.

И девушка через мгновенье
Свободно прошла мимо рук,
А цепи распавшейся звенья
Небрежно валялись вокруг.

ВОПРОСЫ

В лугах гуляя или в жите,
Она, то ль в шутку, то ль всерьез:
– Как вы считаете, скажите? –
Любила вдруг задать вопрос.

Вот так жила она все лето –
По чувству, а не по уму,
Умевшая спросить совета,
Чтобы не следовать ему.

* * *

Мы простимся на мосту.

Час, что мы себе даруем,
Промелькнув, ушел во мглу.
Мимолетным поцелуем
Попрощались на углу.

Но спросила осторожно
Посреди иных забот:
– Мы увидимся?..
– Возможно.
Завтра или... через год.

ДОЖДИ

Он неудачником рожден –
С ним даже девушка в кино
Идти не хочет под дождем,
А смотрит холодно в окно.

Нам эти старые слова
Известны были наперед,
Что, мол, дурная голова
Ногам покою не дает.

Что все на свете суета
И, между прочим, дребедень,
Когда равнина залита
Дождями, льющими весь день.

ИСПУГ

Вы отраженья своего
Пугаетесь в пустой квартире –
С его внезапностью, с его
Несходством. Вон куда хватили!

Здесь посторонний кто-то есть!
Вы замираете – он тоже:
Но как сюда сумел он влезть?
Еще при вас или чуть позже?

Зажженный моментально свет
Вас вылечит, как от недуга.
Лишь в зеркале остался след
Того внезапного испуга.

СОБЛАЗНЫ

За десять минут до школы
Мальчишкам один лишь вред
От мысли: милей футбола
Занятия в мире нет.

За восемь секунд до пуска
Ракеты, что столь страшна,
Беспечная трясогузка
Сидеть на ней не должна.

Безжалостные соблазны –
Их жуткая благодать! –
Бывают настолько разны,
Что сложно предугадать.

ГОГОЛЕВСКИЕ ГЕРОИ

Чичиков и Хлестаков –
Птицы хитрого полета:
Наследил – и был таков,
В общем, схожая порода.

Закатились вдруг сюда,
В гущу сонной русской дури,
И – пропали без следа...
След зато в литературе!

ПРОЩАНИЕ С ЛИСТОПАДОМ

Дрожанье	Осина
Дня тугое.	Как лампада.
Шуршанье	
Под ногою.	За шумом
	В назиданье
День синий	Скажу вам:
Листопада.	До свиданья...

ПРОБА ПЕРА

Наталья БОРОДИНА

21 год, г. Тверь

ЛЮБОВНИК МОЕЙ МАТЕРИ

Рассказ

Моя мама – очень красивая женщина. Высокая и ладная, с насмешливыми, чуть раскосыми карими глазами и блистательной улыбкой, она всегда приковывала к себе внимание, где бы ни появлялась.

Когда она шла по улице, мужчины оборачивались, и даже женщины задерживали на ней взгляд. В редких случаях была едкая бабская зависть, но в основном – неподдельное любование великолепием этой восхитительной женщины. Она казалась королевой.

В ней было что-то строгое, грациозное, и вместе с тем – таинственное, женское. Свои роскошные волосы она скрепляла на затылке; они спускались к узлу благородными волнами и всегда блестели при солнце и электрическом свете. У нее была удивительно красивая гибкая шея, как у балерины. И одежда на ней лежала, словно она все время танцевала. Я помню две юбки: одна летящая тонкая с большими желто-зелеными цветами, другая, теплая, – в коричневую клетку, обе чуть ниже колен и очень шли ей.

Я любил сидеть у нее на коленях и просто рядом, наблюдать, как она печатает или шьет. Когда я звал ее, она поворачивала голову и смотрела на меня своими насмешливыми добрыми глазами, улыбалась и молчала. Мне не нужно было слов, мне нужно было, чтобы она была рядом. И она знала это.

Шел 1967 год. Лето. Жара. Мне шесть лет. Все дни и вечера провожу на улице. Соседи по коммуналке пророчат мне будущее грабителя и хулигана. Мама расстраивается и даже ругает меня иногда, но по глазам вижу – она верит и не сомневается, что вырасту хорошим и порядочным.

Мама работает секретарем-машинисткой в административном здании, часто приносит с собой подработку и печатает дома, а когда не печатает – шьет. Мама хорошо шьет. Вообще всё, что она делает, получается у нее хорошо.

Вечером, примерно с девяти до половины десятого, мама занимается со мной. В свои шесть лет я уже умею читать и знаю

несколько слов по-французски. Мальчишки по двору сочувствуют мне, все они старше меня, и я прикидываюсь очень расстроенным, что меня так рано загоняют домой. Вру, что мама очень строгая, а отец меня побьет.

Отец и в самом деле часто лупил меня, особенно когда напился, но он приходил не раньше одиннадцати.

Впервые я увидел его днем. Он пришел к маме на работу в обеденный перерыв. Интеллигентный, хорошо одетый мужчина средних лет. В тот день я крупно выиграл в «ножички» и торопился к маме с горячими пирожками, но он пришел раньше. Я видел, как он долго говорил ей что-то, а потом они пошли в кафе, взявшись за руки.

Шли недели. Я вел себя, как будто ничего не видел. Я ни слова не сказал отцу, хотя чувствовал себя немного виноватым перед ним. Я боялся незнакомого хорошо одетого мужчину средних лет, боялся, что он отберет у меня мою маму.

Однажды я увидел, как мама наряжается, надевает серьги, которые носила только по особым случаям.

– Куда ты? – спросил я тихо.

Она обернулась, ласково посмотрела на меня и доверительно опустила руку на мое плечо. Я знал, что она не обманет, и она сказала:

– В театр.

Я не стал спрашивать, с кем мама идет в театр. Я знал, что это не отец, – он не ходил по театрам.

Через неделю мама неожиданно рано пришла с работы. Ее лицо светилось радостью, а глаза хитро сузились, когда она отправила меня умыться и переодеться. Я помню, как бережно и терпеливо она расчесывала мою взлохмаченную шевелюру.

– Мама, куда мы идем? – решился спросить я.

– Увидишь, – шепнула она мне на ушко и довольно заулыбалась.

Мы долго ехали на трамвае, а потом вышли, и я увидел, что мы у зоопарка.

У входа стоял тот самый интеллигентный мужчина средних лет. Он уже купил билеты и теперь ждал нас. Мне он открыто по-товарищески улыбнулся и, порывшись в кармане брюк, протянул три шоколадные конфеты.

Так я познакомился с Георгием Владимировичем, которого впоследствии звал дядя Гриша.

Дядя Гриша редко у нас бывал. Чаще мы втроем гуляли в парке или садике, где-нибудь подальше от нашего района. Два раза даже ходили в цирк. Я до сих пор очень люблю цирк.

Часто, глядя на него, я удивлялся, как мог я бояться этого спокойного доброжелательного человека. Я видел, как счастлива с ним мама, и за это прощал ему его незаконную любовь к ней.

Однажды у нас произошел разговор, который почему-то запомнился мне. Мы с дядей Гришей ждали маму на обеденный перерыв в ее административном здании. Я сидел на подоконнике, а внизу проходили люди. Все они были очень разные и все куда-то спешили.

– Засмотрелся на прохожих? – спросил дядя Гриша, и его кудрявая борода смешно затопорщилась от доброй улыбки.

– Да. Вон, посмотрите, у того мальчика – разные шнурки, а тенька в синем платье и шляпке вышагивает, как чайка.

– Какой ты наблюдательный, – засмеялся дядя Гриша, – А как тебе та собачка с пушистыми лапками?

– Не люблю таких. Мелкие и стонут, как девчонки. Толку от них никакого.

Дядя Гриша опять засмеялся и по-дружески взъерошил мне волосы на макушке.

Вскоре подошла мама, заулыбалась своей блистательной улыбкой, нежно потрепала меня по щеке, и мы пошли в летнее кафе – кушать мороженное с вишневым джемом.

Как-то среди ночи я проснулся от тихого плача. Я сплю крепко, но этот едва ощутимый звук заставил меня вздрогнуть во сне. На кухне плакала мама.

Она сидела на стуле, закрыв лицо рукой, а рядом тускло горела лампа с разбитым абажуром. Я бросился к ней и обхватил руками хрупкие плечи.

– Он опять бил тебя?! – гневно выкрикнул я.

Я готов был броситься к этой пьяной свинье. И пусть он избьет меня, как щенка, пусть отобьет почки, но я успею исковырять ножницами его распухшее от водки лицо, чтобы все видели, какой он на самом деле.

Мама схватила меня за рукав.

– Не надо, мой милый. Ты же знаешь, будет только хуже. Лучше побудь со мной. Мне так хорошо, когда ты меня обнимаешь.

И я обхватил ее еще сильнее. Я гладил ее волосы и спину, терся щекой о вздрагивающее плечо. Я шептал, что скоро вырасту, заработаю много-много денег и увезу ее далеко-далеко.

Не первый раз я обещал ей это, не первый раз она горько рыдала от боли и унижения, не первый раз я давал слово, что ничего не скажу дяде Грише. Теперь, став взрослым мужчиной, я понимаю, что, несмотря на все ее просьбы, должен был все ему рассказать. Недопустимо, чтобы женщина терпела насилие.

Увы, тогда я был слишком мал, чтобы до конца понимать ее боль.

Через два дня после того случая мама пришла раньше с работы на целых четыре часа. А спустя двадцать минут поспешно, с тревогой в голосе, позвала меня со двора.

Когда я вошел в нашу комнату, она стояла прямо, как оловянный солдатик, и выжидающе вопросительно смотрела на меня. Ее

губы дрожали, руки теребили край пояска платья. Я видел, что она хочет мне что-то сказать и не решается. Я молча ждал. Мама, не бойся, ты же знаешь, чтобы ты ни сказала, я всегда буду за тебя.

– Костя, мы уезжаем. – Тут я наконец заметил старенький набитый чемодан у дивана. – К дяде Грише.

– Поехали, – прямо ответил я.

Неожиданно она бросилась ко мне и со слезами стала осыпать мое лицо поцелуями.

– Мой золотой, мой хороший мальчик! – с дрожью в голосе говорила она. Я обнимал ее за шею и гладил рукой по волосам. Я понимал, что это слезы радости, но я все равно не хотел, чтобы она плакала.

Стук в дверь прервал ее слезы. На пороге стоял мужчина с отцовской работы, он держал в руках записку. Отдав ее маме, он поспешно удалился.

Окинув взглядом написанное, мама побледнела, как полотно, и медленно опустилась на пол. Я подошел и молча стоял рядом; я ждал, когда она заговорит. Мама молча смотрела перед собой и уже не плакала. Наконец, бережно обняв меня рукой за плечи, она тихо сказала:

– У папы производственная травма. Он в больнице. Мы никуда не едем.

После я часто вспоминал тот день с мыслью, что лучше бы он умер тогда от своей производственной травмы.

Шли дни. Отца перевезли домой. Он лежал с переломом и был невыносим. Я ненавидел дом в те недели. Случалось, он подолгу смотрел на меня, потом подзывал к себе и требовал, чтобы я складывал цифры в уме. Это его веселило. Он считал, что учит меня математике. После он рьяно таскал меня за уши. Это тоже входило в его план воспитания.

Я стал подолгу пропадать на улице, и когда появлялся, он обрушивал в мой адрес похабную брань и швырялся вещами.

Мама держалась стойко и ни разу не заплакала за те долгие кошмарные недели. Она искренне желала ему скорейшего выздоровления, и я тоже желал. Потому что знал: как только он поправится, мы уйдем.

Он поправился, и я стал терпеливо ждать сигнала. Я часто выжидающе, подолгу смотрел на маму, но молчал. Она опускала глаза. Я знал, она меня понимала и думала о том же.

Август подходил к концу. В воздухе пахло осенью, на тротуаре валялись желтые листья. Я с нетерпением ждал сентября. Почему-то я был уверен, что в сентябре мы будем жить в другом месте.

Последний день августа. Я спешу домой. Я опять крупно выиграл в «ножички» и несу маме красивую заколку, которую долго выбирал в магазине. Небо было ярко-синим, как перед дождем, лица

прохожих казались милыми и доброжелательными, и даже маленькие собачки не раздражали меня своими пушистыми лапками.

Входя со двора, я услышал крики и звук пощечины. Я кинулся вверх по лестнице к нашей комнате, но мама сама скатилась мне навстречу. Я помню ее бледное застывшее лицо, кровь у виска. Отовсюду слышались крики и визги. Я сам что-то кричал. Чьи-то крепкие женские руки подхватили меня, не давали броситься к маме, к моей милой маме... Я выбивался, я хотел погладить ее по белой ровной щеке, утереть кровь у виска, сказать, что она самая красивая и я люблю ее, и мы уедем к дяде Грише и будем жить без папы. Но они не подпустили меня к ней, не дали сказать ни слова, а я все кричал и выбивался.

После в нашем доме я стал вызывать всеобщее сочувствие. Особенно у женщин. Одна позовет меня на тарелку супа, другая ласково погладит по голове и даст пирожок. Меня перестали называть шалопаем и хулиганом. Баба Нюра говорила, что «дитя без отца – наполовину сирота, без матери – полная сирота». Я был полным сиротой, меня жалели. А мне не нужна была их жалость, их сочувствие, мне нужна была моя мама.

Отца не посадили. Мама стукнулась виском при падении с лестницы, а падение с лестницы – несчастный случай. Любой может упасть с лестницы. А ссора – все ссорятся, ударил – и было за что.

Как ни странно, он даже приобрел некоторое уважение в глазах соседей. Мужчина ревнивый, темпераментный, с характером. Как-то я подслушал слова дяди Коли, когда они с отцом пили водку на кухне, – «и правильно, учить надо этих шлюх». В тот же вечер я подсыпал мышиную отраву в миску его собаки.

Арбат казался не Арбатом без мамы. Не было ее яркой с большими цветами юбки, легкой походки, солнечной улыбки. У меня щемило сердце при мысли, что в этой пестрой толпе много разных красивых женщин, но ни одна из них не сравнится с мамой.

Тогда впервые я ощутил всю горечь одиночества. Одиночество – это когда ты знаешь, что человек, который тебе нужен, не придет. Я сел на тротуар и заплакал. Мне было все равно, что кто-нибудь из знакомых мальчишек увидит меня плачущим. Мне очень хотелось, чтобы мама была жива.

Какой-то хорошо одетый человек кинул монетку к моим ногам. Это заставило меня прекратить плакать. Я встал и побрел по улице. Монетку я бросил в кепку одному из арбатских музыкантов. Он очень хорошо играл на скрипке.

Как-то проходя с ребятами по Катерному переулку, я увидел Георгия Владимировича. У него было растерянное жалкое выражение лица, но, узнав меня, он заулыбался и со словами: «Здравствуй, Костенька!» – знакомым движением порылся в кармане брюк и протянул конфетку. Я отвернулся и сделал вид, что не за-

мечая его. Я был зол на него, ведь это из-за него отец убил маму. А он тут стоит и по-прежнему раздает конфетки.

Тридцать лет, как я не видел мамы. Тридцать лет, как ее тело покоится на тихом подмосковном кладбище, где все так уныло и так не подходит моей маме. Лишь тонкие ветви берез в первые недели весны чем-то напоминают гладкие пряди, выбившиеся из ее прически. Они так же трепетно дрожат под натиском уличного ветра. И теперь, когда автобус подвозит меня к кладбищу, я вижу сквозь стекло их трогательный танец.

У могилы стоял седой старичок в черном пальто и очках. Я узнал Георгия Владимировича. Его глаза впивались в выгравированное на сером камне имя «Маргарита», безвольно свисающие руки были в земле, он молчал и не повернулся в мою сторону.

Я положил цветы на мокрую прополотую землю. Там уже лежали белые орхидеи.

Я ушел, а он так и остался стоять. Я слышал, он преподает в одном из именитых столичных вузов. Кажется, даже профессор. Живет один, нет ни семьи, ни женщины. Мой отец давно женился, у него уже внуки...

И я понял всю боль этого одинокого человека. Мы оба любили прекрасную женщину, а глупый жестокий чурбан на праве мужской собственности загубил эту яркую, дарящую тепло и свет жизнь.

Мне стало очень стыдно, что я не поздоровался с ним тогда в Катерном переулке.

«СМЕРТЬ И ЛЮБОВЬ – ОДНО ОСТРИЕ...», или Несколько слов о рассказе Натальи Бородиной

Поэтическая строка, которую я вынес в заголовок своих кратких заметок (очень надеюсь, что они окажутся краткими!), говорит о том, что искусство, по большому счету, всегда, во все времена, имело только две главные темы: эрос и танатос, то есть любовь и смерть. Наверное, это легко объяснимо: по-настоящему, только это и волнует душу и сердце человека. Все остальное – второстепенно.

И совершенно понятно, почему молодые люди, пытаясь в своих первых произведениях, поэтических или прозаических, отразить жизнь, создать мир своих героев, тоже говорят об этом вечном: об эросе и танатосе. Молодому человеку свойственна яркость переживаний, в нем живет необходимость выплеснуть свои мысли и эмоции на бумагу – и потому, наверное, очень многие в юности пытаются пи-

сать. И часто пытаются писать о вечном.

Вот и Наташа Бородина написала короткий рассказ, в котором попыталась создать историю любви и смерти красивой молодой женщины, увиденную глазами ее маленького сына и рассказанную от его лица через тридцать лет после описанных ею событий. Что у нее получилось – вы только что прочитали. А я хотел бы поделиться с вами своими мыслями о рассказе «Любовник моей матери».

Прежде всего – о заголовке. Мне он кажется претенциозным и, самое главное, не передающим суть рассказа: речь-то ведь идет не о Георгии Владимировиче. Речь идет о замужней молодой женщине, не очень счастливой в браке, которая встретила человека, сумевшего понять и оценить ее. Мы даже не знаем, был ли он ее любовником, – об этом говорит только заголовок. Слово «любовник» – оно же очень конкретное, подразумевает некие действия, происходящие между двумя людьми в постели. А об этом в рассказе речи нет, что вполне понятно: не мог же шестилетний мальчик быть настолько осведомленным о личной жизни своей мамы. К тому же такое название рассказа отсылает к знаменитому роману Д. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей», который Наташа, возможно, читала. Но в этом весьма открытом романе речь действительно идет о плотс-

кой любви (недаром в свое время его запретили и в Америке, и в Англии). Но у Наташи-то – совсем другая тема...

Но главная ошибка автора, на мой взгляд, не в этом. Она ведет свой недолгий рассказ от имени мужчины, но, увы, по всему видно, что написала его женщина. Это неизбежно проскальзывает и в описаниях маминых юбок и причесок; ее волос и привлекавшей мужчин улыбки («блистательной», как пишет Наташа. Это слово, кстати, совсем не кажется мне уместным); ее балетной шеи и, главное, того, что все мужчины (и даже женщины) на улице обращали на нее внимание. Уж извините, друзья, но всё это – чисто женское. Если бы рассказ был написан от лица женщины, вспоминая свое далекое детство, – это еще было бы понятно. А парень, мужчина – думаю, он вспоминал бы о своей маме по-другому, и когда читатель это понимает, он начинает меньше верить всему рассказанному.

Наташа под рассказом поставила точную дату написания – 15 апреля 2003 года. Получается, что, написав эти семь страниц почти год назад, она не вернулась к тексту, не посмотрела – не надо ли чего исправить, улучшить. А исправить хочется многое. Ну, например, фразу «небо было ярко-синим, как перед дождем...». А я-то думал, что перед дождем небо всё же серое...

Описывая Георгия Владимировича, Наташа пишет:

«интеллигентный мужчина средних лет». Но ведь его видит не двадцатилетний автор, а шестилетний мальчик! Как это он, интересно, определил, что этот мужчина – интеллигентный? Думается, в головах шестилетних детей такого понятия еще нет. И, кстати, почему это он стал его называть «дядя Гриша»? Гриша – от имени Григорий, а никак не Георгий. Или назвать героя «дядя Жора» показалось Наташе пошловатым (напоминает о фразе из старого фильма: «Жора, поддержи мой макинтош?»). И как этот самый «дядя Гриша» ухитряется постоянно носить в кармане брюк шоколадные конфетки? Сразу чувствуется выдуманность этой детали: если бы Наташа надела мужские брюки (в женских ведь нет карманов) и попробовала бы потаскать в них шоколадные конфеты – через полчаса они превратились бы в шоколадные блины, а брюки пришлось бы выбросить (или, в лучшем случае, отдать в химчистку). Мужчины это знают, а вот Наташа – нет. Не замечает она и того, что ее герои, люди не юного возраста, идут в кафе, «взявшись за руки»: те, кто ездил за границу, с изумлением глядели на немецкие пары, которые и в очень серьезном возрасте ходят, держась за ручки; нам же, русским, это не свойственно.

Вообще герои рассказа говорят довольно странным языком. Вряд ли шестилетний мальчик может сказать: «эта грязная свинья», «пусть

он отобьет мне почки». Вспомни, Наташа, в каком возрасте ты узнала, что у тебя есть почки и где они находятся? И как странно из уст мамы в момент большого напряжения – когда она узнала, что с мужем произошло несчастье, – услышать канцелярский оборот «у папы производственная травма»? Наверное, она всё же сказала какие-то другие слова. И вообще эта сцена написана Наташе крайне небрежно: женщина, получив записку через человека, который «сразу ушел» (что, так ни слова и не сказал?), опускается на пол, а потом, не поднявшись, обнимает сына за плечи... Логичней было бы, если бы она опустилась на стул. Просто Наташа хочет драматизировать события – и не замечает, что при этом теряется логика.

Есть в рассказе и то, что называется анахронизмом, – несоответствие деталей описаний тому реальному времени. События, о которых Наташа пишет, происходят в 1967 году. Наташи тогда на свете не было, и этого времени она, естественно, не знает. Поэтому в ее рассказе и звякает монетка, которую на Арбате бросил плачущему мальчику «хорошо одетый человек». Знаешь, Наташа, может быть, сейчас такое и возможно, но в те годы и хорошо, и плохо одетые люди прежде всего подошли бы к ребенку и постарались узнать, почему он плачет и чем ему помочь – не потерялся ли, не обидел ли кто. И дальше: Костя бросает

эту монетку «в кепку арбатского музыканта», который хорошо играл на скрипке. И снова неправда: никаких музыкантов (как и нищих!) ни в шестидесятых, ни в семидесятых годах на Арбате не было, они мигом бы оказались в отделении милиции. Эта деталь характерна для дней сегодняшних, а не для того далекого уже времени. В те годы, кстати, никакой магазин не продал бы шестилетнему мальчику (откуда деньги?) заколку, о чем Наташа тоже, видно, не знает.

При подготовке рассказа к публикации мы исправили самые грубые стилистические ошибки вроде «мама... одевает серьги». Увы, друзья, это сказано неграмотно: одевают кого-то, а что-то (серьги или брюки) – всё же надевают. К сожалению, это правило почему-то плохо усваивается, и подобную ошибку можно увидеть даже в книгах современных авторов. Попадаются в тексте рассказа и канцеляризмы вроде «недопустимо, чтобы женщина испытывала насилие...», «обрушивал в мой адрес...», «вспоминая тот день с мыслью...», «на праве мужской собственности...». Разве таким корявым языком можно рассказывать о трагических событиях? Есть в рассказе и штампы, которых стоит избегать, – например, «побледнела как полотно».

И всё же все эти мелочи – не главная неудача Наташи. Она, как я уже писал вначале, взялась за самые главные, самые трагические темы ис-

кусства – любовь и смерть. И, к сожалению, не справилась со своей задачей. Я понимаю, что многое в рассказе идет от неопытности автора, от неумения писать так, чтобы читатель чувствовал трагедию в самых тривиальных, обычных жизненных событиях. Наташе, видимо, хотелось сделать свой рассказ по-настоящему драматичным – вот она и убивает свою героиню. А мне кажется, что он был бы еще страшнее, если бы героиня осталась жить и не смогла бросить нелюбимого пьющего мужа. Ведь смерть – это выход. А жизнь в полной безнадежности рядом с нелюбимым человеком – вот это настоящая безвыходность, более страшная, чем все литературные убийства и «кровь на виске». Агата Кристи, наверное, не случайно назвала один из своих романов «Убить легко». Да, легко, особенно начинающему писателю. А вот попробовать описать жизнь, которая хуже смерти, – тяжело.

Но кто сказал, что писатель должен ставить перед собой легкие задачи? Я очень надеюсь, что Наташа, прочитав мои заметки о своем рассказе, не обидится, а поймет, что для того, чтобы добиться чего-нибудь в литературном творчестве, ей надо не просто любить «свое родное», а стараться сделать его лучше. Ибо только тогда написанное станет «своим родным» и для читателя.

И.В.

ПРОБЛЕМА ИЗ КОНВЕРТА

Конечно, все мы знаем, что сколько людей – столько и мнений. Люди более взрослые к этому относятся спокойно, понимая, что каждый человек имеет право на свою точку зрения и никто не может заставить кого-либо думать или поступать не так, как нравится ему самому, а так, как это делает большинство. Иное дело люди молодые – зачастую самый ничтожный конфликт может ранить человека, заставить его усомниться в себе... И поводом для подобных переживаний может стать самая невероятная вещь, такая вот, к примеру:

КУДА ДЕВАТЬ БАБУШКИН КОМОД?

Письмо, которое написала нам одна из наших читательниц, сначала заставило нас улыбнуться, а потом задуматься. Мы, конечно, знаем, что подростки очень болезненно переживают непонимание со стороны своих ровесников. И нередко бывает так, что отношения в среде молодежи строятся по старинной поговорке: «Любишь меня – люби и мою собаку». Ну, не в собаке, конечно, дело. Но нередко наши читатели пишут нам письма, в которых рассказывают о том, что сверстники не понимают их любовь к джазу, к примеру, или к творчеству наших знаменитых шансонье – Александра Вертинского и Булата Окуджавы. «Все мои друзья и подруги любят современную попсу, а мне слушать ее скучно, – пишет нам шестнадцатилетняя Оля К. из Перми. – Меня они считают отсталой, ненормальной, потому что мне нравятся песни, в основе которых лежит настоящая поэзия – романсы, например. Ко мне постоянно прикалываются, не приглашают на тусовки, потому что я однажды сказала, что отрываться под глупые песни группы “Руки вверх!” – верх дебилизма. Подруги перестали со мной общаться, для парней я вроде бы и не существую...»

Ну, это, конечно, случай, как говорится, край-

ний. Но типичный, знакомый, наверное, многим. Потому что музыка занимает огромное место в жизни современной молодежи, и потому, наверное, подростки так ревниво относятся к музыкальным пристрастиям своих друзей.

Но бывает и так, что непонимание рождается по совершенно другому поводу – когда сталкиваются люди двух разных воззрений на то, как следует жить, что надо думать, чтобы считать себя современным человеком. Об этом нам и написала Светлана из Курска. Именно о ее письме мы и хотели бы поговорить.

Но для начала – само письмо.

«Мне семнадцать лет. Я всегда была общительной по характеру, веселой девушкой, у меня много подруг и друзей. Нас связывают не только взаимная симпатия, но и общие интересы и увлечения. Мы любим одинаковую музыку – русский рок, читаем фантастику и любовные романы, нам нравятся одни и те же фильмы и актеры... И до самого последнего времени мы во всем отлично понимали друг друга.

Но вот недавно у меня произошел конфликт с одной из девушек из нашей компании. Даже не конфликт... ну, не знаю, как и называть. Впрочем, расскажу обо всем по порядку.

Так получилось, что мне досталась по наследству бабушкина квартира. Мои родители – люди современных взглядов, и они решили, что я уже взрослый человек, мне надо готовиться к самостоятельной жизни, и что будет неплохо, если я попробую жить без маминой и папиной опеки. В том, что я не стану без родительского контроля пить, курить, приглашать к себе неизвестно кого с улицы, они не сомневались. Так я и стала жить одна в бабушкиной квартире, среди ее вещей.

Естественно, теперь все встречи нашей девчоночьей компании стали проходить у меня. Мы болтали, слушали музыку, обсуждали наши радости и горести, наши первые романы. Всё было бы хорошо, но одна девочка из нашей тусовки почему-то стала меня “воспитывать”. “Зачем тебе всё это барахло, – говорила она, оглядывая бывшую бабушкину комнату. – Всё это надо выкинуть. Давай выбросим все эти пошлые вышивки, повесим здесь постеры, стол передвинем, чтобы было где танцевать...” Но особенно она невзлюбила бабушкин комод. “Он просто ужасный, полный отстой, – говорила она, – неужели ты, Светка, будешь жить с этим гробом с музыкой в комнате? Ну смотри, у тебя хороший музыкальный центр, японский телевизор, видак. Но эта-то рухлядь тебе зачем? Выброси или отвези на дачу”.

Но мне-то совсем не хочется расставаться с бабушкиными вещами! Мне нравятся все эти собачки и домики, вышитые ее руками и вставленные в рамочки, фотографии моих родственников, висящие на стенах. Люблю и я бабушкин комод – он такой удобный, в него столько всего влезает, не чета никаким “стенкам”. Один человек сказал мне, что комод этот – старинный и сделан из настоящего ореха. Ну да, он не сверкает, как мебель в магазине, кое-где поцарапан, но зато я знаю, что многие поколения нашей семьи пользовались им. Как я могу выбросить такую вещь? Я поговорила об этом с родителями, но они сказали, что я уже сама взрослая и всё должна решить сама.

Когда моя подруга в очередной раз завела разговор о том, что у меня дома надо всё переделать, я сказала ей, что ничего менять не стану. Что она может оставаться при своем мнении, но мне нравится жить именно среди этих вещей. “А если ты этого не понимаешь, то я ничем не могу тебе помочь”, – сказала я.

Наверное, говорить этого не стоило. В конце концов, ну поговорила бы она, поговорила – и успокоилась. Но она очень на меня обиделась, а поскольку она девушка самолюбивая, лидер в нашей компании, то я стала ее врагом! Она всем говорит, что я – дура несовременная, что со мной не о чем разго-

варивать, что я отсталая и неинтересная. И что непонятно, как они могли столько лет общаться со мной.

Я не могу понять – что же между нами произошло? Ведь действительно мы общались не один год и прекрасно понимали друг друга. А тут вдруг я стала душой несовременной! Мне обидно это слышать, обидно, что многие девочки из нашей компании поддержали ее и стали посмеиваться надо мной.

Неужели же для того, чтобы быть современной, обязательно жить, как все, – слушать только последние альбомы любимых музыкантов, читать только модные книжки и стараться одеться помоднее? И что плохого в том, что мне нравятся старые вещи? Я даже в музей пошла и с очень большим интересом смотрела на картины и мебель, которая там выставлена.

Так кто же из нас прав? И почему наши отношения так изменились? Неужели я виновата в том, что не сохранила дружбу с подругой из-за каких-то старых вещей?

Наверное, кому-то мое письмо покажется глупым и надуманным, но для меня эта проблема очень важна.

Светлана
г. Курск»

Правда, странная ситуация сложилась в компании молодых девушек? Но улы-

бались мы, конечно, вовсе не потому, что посчитали ее несерьезной. Просто уж больно глупый повод придумала подруга Светы, чтобы устроить с ней разборку. Но причины конфликта – гораздо глубже и, к сожалению, гораздо неприятней.

Нам кажется, что в корне конфликта лежит обыкновенная зависть. Ведь смотрите, что получается: до того, как у Светы появилось собственное жилье, компания проводила время или на улице, или у кого-то дома, когда появлялась, как говорят некоторые подростки, «свободная хата». Но скажем прямо – далеко не все родители приветствуют молодежные сборища в своей квартире, и их можно понять: после гостей, особенно если их много, неизбежно следует уборка, мытье посуды, а то и вынос на помойку пустых бутылок, если тусующиеся сами позабыли это сделать. Родителей это, естественно, радовать никак не может. А тут вдруг еще соседи начнут высказываться или скандалить по поводу слишком громкой музыки... Что и говорить, многие подростки не очень склонны считаться с тем, что их времяпрепровождение может кому-то не нравиться. Иногда ребята нам пишут: «Соседи выгоняют нашу компанию из подъезда, когда мы там просто стоим и общаемся. А ведь мы ничего плохого не делаем!» Да, с вашей точки зрения – ничего плохого вы не делаете. А вот люди, вы-

ходя из квартир и видя пустые пивные бутылки и кучу окурков на полу, благодарить вас никак не могут. А при простоте нравов, которая царит в молодежной среде, многие считают естественным использовать лестничные площадки вместо туалета... А что, мол, поделаешь – пиво же самый продвинутый молодежный напиток, по утверждению телевидения, какое без него веселье? А где пиво – там и, извините, туалет нужен... А где ж его взять?

Понятно поэтому, как же облегчилась жизнь компании девушек, когда у Светы появилась своя квартира. Из которой никто ее подруг не выгонит, где они смогут проводить время так, как им нравится. Но ведь произошло и еще кое-что: как ни говори, компания в чем-то стала зависимой от Светы. Одни хотя бы посидеть, музыку послушать или потанцевать – а Свете, может быть, хочется в это же время книжку почитать или со своим парнем по телефону вдосталь наболтаться. Или просто побыть в одиночестве... И подруги Светы, естественно, хотя бы они того или не хотят, должны считаться с ее желаниями. Таким образом Света, может быть, даже сама того не желая, заняла в компании роль... ну не лидера всё же, а человека, от слова которого многое зависит. И если она скажет своей подруге, о которой она рассказала в письме, «нет» (а не всегда

же, как мы видим, она склонна говорить ей «да»), то эта подруга может посчитать свой авторитет в компании и свое лидерство в чем-то поколебленным.

Увы, далеко не все лидеры в компании обладают достаточным умом, чтобы суметь в такой ситуации и свое бесспорное лидерство сохранить, и найти «золотую середину» в общении с таким теперь уже «авторитетным» персонажем, каким невзначай стала Света. Некоторые вместо того, чтобы пойти на разумный компромисс, начинают «бороться за свое положение» или хуже того – мстить человеку, который не хочет их безоговорочно слушаться. Ведь привыкнув быть лидером, всегда стоять на пьедестале – так не хочется с него падать и признаваться самой себе, что какая-то там серая мышка тоже получила право голоса! Именно по этому пути и пошла подруга Светы. А для того, чтобы унижить, очернить ее в глазах других девчонок, она выдумала всю эту историю.

С одной стороны, Свету жаль: она огорчена ситуацией, разочаровалась в своей подруге. С другой – она, как нам кажется, должна быть довольна тем, что у нее открылись глаза на девушку, к которой она относилась с таким уважением и чью дружбу ценила. Потому что Света, по большому счету, права: дружба, если она есть на самом деле, не мо-

жет разрушиться из-за такого, в общем-то, незначительного конфликта, как спор из-за старинного комода. Потому что – еще раз повторим эту мысль – одним нравится одно, другим – другое. И ведь дружишь с человеком не потому, что сходятся твои и его увлечения в музыке, фильмах или книгах. Дружишь, потому что это хороший человек, способный понять тебя, поддержать в трудную минуту, побыть рядом, когда это нужно. А уж «современный» он, «продвинутый», как теперь говорят, или ему нравится нечто в стиле «ретро» – вопрос второстепенный: никто еще не доказал, что Вячеслав Петкун поет лучше Элвиса Пресли, а модный ныне Акунин пишет книжки лучше, к примеру, Бальзака. Каждый имеет право на существование. А уж кому суждено остаться в сердцах людей, а кому предстоит быть забытым через пару-другую лет – покажет будущее. Кстати, как ни странно, все супермодные новинки – что в музыке, что в кино, что в литературе – быстро забываются (надоедают, что ли? Или новая мода «убивает» их?).

И еще одно хочется сказать Свете. К сожалению, Света, твоя подруга не только, в общем-то, лишена чувства дружбы, не только неумна, но еще и, как ни странно, отстала от современной жизни и от моды. Да, было время, когда в нашей

стране унаследованные старинные вещи нередко оказывались на дачах и помойках, как ненужные и «несовременные».

Сейчас совершенно другая тенденция. Если бы эта девушка читала хотя бы что-нибудь журналы, чем глянцевого журналы «только для подростков», которые в основном заполнены рекламой, а, например, журналы о кино, она бы убедилась, что многие кинозвезды тратят большие деньги, обставляя свои особняки именно стариной. Пусть посмотрит журналы по интерьеру: «изюминкой» любой красивой комнаты, как правило, становится антикварная вещь. Это может быть и комод, и овальный стол на кривых ножках, и большое английское кресло, и дамское бюро, которое, кажется, ни на что уже непригодно – за такими только любовные записочки писать можно. Но люди оценили неповторимую красоту старых вещей – ведь каждая из них по-своему индивидуальна, неповторима. И не случайно самые престижные, самые дорогие фабрики современной мебели продолжают выпускать «повторы» этих старых вещей. А то, что продается в нынешних супермаркетах и большинстве мебельных магазинов – увы, по большому счету просто барахло. Эти вещи даже с прошествием времени не станут старинными – они станут просто старыми. И никакую комнату

уже украсить не смогут – так, может ее украсить бабушкин ореховый комод.

Михаил РОЗЕН

P.S. Я уже закончил эту статью, когда мне довелось встретиться с человеком, которому тоже интересно было прочитать письмо Светы. Этот человек – один из московских коллекционеров старины, собравший, к примеру, удивительную коллекцию масленок, выпускавшихся в России в позапрошлом веке (даже трудно представить себе, как можно было придумать настолько разнообразные формы такого, казалось бы, прозаического предмета быта!), чья коллекция «трактирной» посуды – наверное, самая богатая и интересная среди частных коллекций москвичей. Называть его имя я по вполне понятным соображениям не буду, а вот то, о чем мы с ним говорили, может быть весьма небезынтересно молодым читателям нашего журнала. А начал он вот с какой интересной мысли:

- Как здорово, что и сейчас появляются молодые люди, которые интересуются стариной, нашей историей. Ведь смотрите: Света, заинтересовавшись собственными старинными вещами, пошла в музей и с удовольствием рассматривала выставленные там экспонаты. Ей

интересно! А это, увы, бывает не всегда: нередко ребят приводят на экскурсии, ну, в Третьяковскую галерею, к примеру, и они смотрят на выставленные там шедевры русского искусства совершенно равнодушными глазами. Оно их не волнует. А значит, их не волнует история нашей страны. Правильно говорят: молодежи принадлежит будущее. Но хочется добавить: да ведь и прошлое тоже принадлежит молодежи! Хотя бы в виде тех материальных предметов, которых не так уж мало в нашем быту, в наших домах... Вы правильно написали о том, что в недалеком прошлом прекрасные вещи люди выбрасывали на помойки, чтобы купить себе «современную» мебель – тогда были в моде чешские и польские гарнитуры. Вот и оказывалась выброшенной прекрасная старая мебель – из ореха, красного дерева и карельской березы. А теперь, через сорок лет, на эту бывшую «модную» мебель и взглянуть невозможно... Кстати, такое бескультурье и сейчас есть: недавно один коллекционер, мой знакомый, притащил со свалки редчайшее русское бюро-секретер пушкинского времени, украшенное бронзой, совершенно музейное. Хотел бы я посмотреть на того человека, который его выбросил! Наверное, он рассуждал примерно так же, как эта подружка Светы...

- А как по-вашему, может ли молодой человек

что-нибудь коллекционировать? Ну, раньше собирали подростки марки, монеты...

- Да, представьте себе, есть такие молодые люди. Мне случайно довелось встретиться с совсем еще молодым человеком, который пригласил меня взглянуть на его коллекцию старинных икон. Их оказалось немного, в основном – самые обычные, какие до революции были практически в любом доме – городском ли, деревенском... Но знаете – среди собранного им была одна очень редкая и ценная икона, семнадцатого века.

- Как вы считаете, какие интересные предметы могут оказаться в домах сегодняшних обычных, так сказать, людей? Ведь по территории нашей страны даже только в двадцатом веке прошло несколько войн, революция... Могли ли у кого-то дома сохраниться интересные, коллекционные вещи?

- Конечно! Ведь человеку свойственно украшать свой быт, многие ценят красоту вещей. Сохранилось немало фарфора (кстати, сейчас у коллекционеров в большой моде фарфоровые статуэтки советского периода), бронзовых изделий, мебели, интересные старинные светильники, картины, графика... Причем не только российского происхождения – после Второй мировой войны к нам попало много интересных вещей из Европы. Хотелось бы,

чтобы молодежь научилась во всем этом разбираться. Особенно много, думаю, сохранилось икон: несмотря на то, что семьдесят лет в нашей стране всю свирепствовала антирелигиозная пропаганда, во многих домах сохранили семейные старинные иконы. Да их и вообще очень много, особенно написанных в конце девятнадцатого – начале двадцатого века: иконописные мастерские были не только в столицах, Москве и Петербурге, их было много по всей стране. Иконы возили даже не телегами – целыми обозами! Конечно, их сохранилось немало. Какого они качества и ценности – это уже другое дело...

А что касается войны... Расскажу вам такую историю. Когда произошла авария на Чернобыльской атомной станции, жители многих деревень, расположенных в опасной зоне, были вынуждены срочно покинуть свои дома. В спешке многое было брошено. И почти сразу после аварии в эти места, несмотря на смертельную опасность «схватить» дозу радиации, рванули банды мародеров. Их ловили и отнимали у них «добычу». И знаете, за чем они в основном шли? За иконами. Искусствоведы потом только руками разводили: ну как на этой территории, где прокатились бури революции и войн, сохранилось столько настоящей древней живописи?..

Вообще коллекционеры и музейщики очень любят та-

кие вот байки. Мне как-то довелось побывать в доме, где по стечению обстоятельств было много английского фарфора. А самый уникальный предмет мы нашли... на полу. Это была мисочка, в которую наливали воду хозяйской собачке.

Поэтому я очень советую молодым людям, в руки которых – по наследству или другими какими-то путями – попадают старинные вещи, не торопиться выбрасывать их или продавать первому попавшемуся покупателю. Прежде всего постарайтесь разобраться, что это за вещь, какую она имеет историческую или художественную ценность, а отсюда – какова ее материальная стоимость. Я ведь прекрасно понимаю, что, в принципе, всё человечество можно, грубо говоря, разделить на две группы людей: на тех, кто любит старину, и тех, кто к ней совершенно равнодушен, – таких большинство. Собственно, на этом и держится весь антикварный рынок...

- А как молодой человек может разобраться, насколько ценна и интересна принадлежащая ему вещь? Ну, в Москве это просто – полно антикварных магазинов, галерей, специалистов немало...

- Знаете, мне кажется, тут нужно усвоить только одно правило: не доверять первому же человеку, который хочет что-то у вас купить и объясняет вам, что это такое. Он

может оказаться обыкновенным жуликом, даже если он работает в антикварном магазине. А где узнать правду? Во-первых, любой может пойти в библиотеку и посмотреть книги. Альбомов и каталогов сейчас издано очень много – возьми и почитай. Есть даже каталоги антикварных аукционов – тут можно увидеть примерные цены. Во-вторых, всегда можно сходить в музей (или написать туда письмо – если ближайший музей располагается не в вашем городе) и показать свою вещь (или ее фотографию). Музейные работники, как правило, – люди, всегда проявляющие интерес к тому, что им хотят показать. Тем более что в душе каждого музейщика (а они ведь тоже собирают коллекции, но не для себя, а для всех) живет надежда найти что-то особенно интересное...

А главное – хочу пожелать молодым читателям журнала «Мы» не быть Иванами, не помнящими родства. История – интереснейшая область знания, история ли это целого народа, какого-нибудь города или деревни или даже история какой-то одной конкретной семьи. И когда вы это поймете, вам станут дороги и старые письма, и вышивки ваших бабушек, и случайно сохранившаяся чашка из дореволюционного сервиза. И думаю – вы захотите сохранить эти вещи в своей семье. Для себя и для своих потомков.

КУМИРЫ И ЗВЕЗДЫ

Он пришел в кино очень поздно, начал сниматься, когда ему как следует перевалило за тридцать, однако быстро наверстал упущенное: сегодня на его счету полсотни художественных фильмов, пятнадцать телефильмов и телесериалов, четыре документальных ленты, а его имя стало символом словосочетания «американский герой». «Все его работы известны в каждой стране на этой планете, – сказал знаменитый кинорежиссер Стивен Спилберг. – Он, как автомобиль марки «форд», является и по сей день современным героем и одновременно классиком кинематографа». Этот актер –

ХАРРИСОН ФОРД, ПРОШЕДШИЙ ТЕСТ ВРЕМЕНИ

Снедавних пор на голливудской Аллее Славы можно лицезреть две именные звезды, на которых значится одно и то же имя – Харрисон Форд. И всё же, несмотря на бешеную популярность в Штатах ныне действующего Форда, ему принадлежит всего лишь одна из этих звезд. Потому что первой был удостоен популярный актер немого кинематографа, носивший такие же имя и фамилию, который скончался почти полвека назад.

«Когда я пришел в Голливуд, чтобы зарегистрироваться в Ассоциации актеров, – говорит Форд, – мне сказали – и это стало новостью для меня – что уже есть Харрисон Форд и что я не могу использовать это имя. И меня записали как Харрисон Дж. Форд, так мое имя и писалось в титрах, пока в конце концов мне не разрешили использовать первоначальный вариант фамилии. А многие люди, видя его звезду, думали, что она моя. Видимо, по той же причине я не ощущал настоящей потребности в своей собственной».

Тем не менее поначалу совпадение имен и фамилий не только вносило некоторую неразбериху, но и тормозило карьеру Форда-второго. Режиссеры недоуменно пожимали плечами, справедливо полагая, что одного Форда для Голливуда достаточно. Надо сказать, что и сам он поначалу сильно сомневался, стоит ли останавливать свой

выбор на профессии актера и целиком посвятить себя кинематографу, к которому с юных лет был весьма равнодушен.

Харрисон Форд родился 13 июля 1942 года в обычной американской семье. Отец – ирландец работал сотрудником рекламного бюро, мать – еврейка из России – вела домашнее хозяйство: самая, что называется, средняя семья среднего достатка, каких, как правило, большинство в любой стране. И сам Харри был типичным подростком – лодырем, изнывавшим от скуки на школьных уроках. Естественно, учился кое-как, точнее – плохо. Одноклассники над ним смеялись, учителя – терпели. От сверстников его отличало еще и то, что он не любил кино. Конечно, иногда заходил туда с братом, но только для того, чтобы составить ему компанию да убить время. Однажды посмотрел «Бэмби» и навсегда невзлюбил кинематограф. Позднее кино стало для него местом свиданий: идеальное место, там дешево и темно, объяснял позднее актер. Понятно, происходящее на экране мало волновало будущего голливудского ловеласа.

В колледже будущая суперзвезда учился еще хуже, чем в школе. «Там я начал изучать философию и английский, – рассказывает Форд, – у меня были плохие отметки, и я решил записаться на какой-нибудь предмет, чтобы получать по нему хорошие оценки и та-

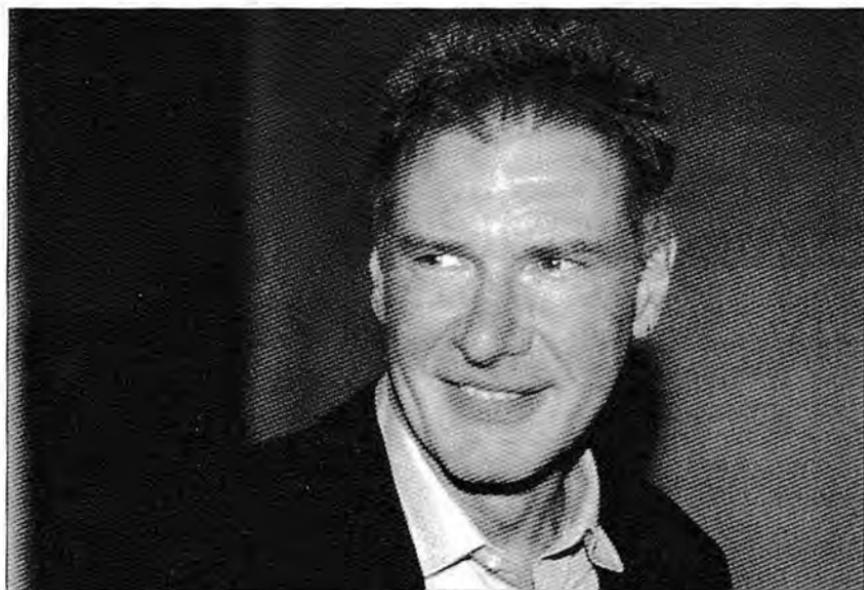
ким образом повысить средний балл. Я узнал, что в колледже есть такая дисциплина – «драма», и решил, что это наверняка легче философии и математики.

Когда я пришел на занятия, то оказалось, что нужно выходить на сцену перед публикой. Я был в ужасе. Потом решил, что обязан преодолеть страх и неуверенность в себе, – иначе я ничего не смогу добиться в жизни. Первые занятия я был как во сне, и у меня всё валилось из рук. Но в какой-то момент я всё-таки почувствовал себя раскованнее, и с тех пор стал получать удовольствие от игры».

Курсы актерского мастерства, конечно, вносили некоторое разнообразие в жизнь юного Харрисона, однако грызть гранит науки у него не

было никакого желания, он постоянно находился на грани вылета, переступив всё же эту грань за несколько дней до выпуска – его отчислили как не справившегося с одним из творческих заданий.

Практика показывает: когда молодой человек ни к чему не способен и ничего не умеет, он либо женится, либо подается в артисты. Многие голливудские звезды как раз из тех, кто в молодости либо ничего не знал, либо ничего не умел. Форд выбрал программу-максимум. «Тем летом я как раз собирался жениться на Мэри Маркуардт и не знал, чем заняться. Поэтому решил стать актером. Я не знал, что для этого нужно делать. То есть я понимал, что для того, чтобы стать актером, нужно ехать либо в Нью-Йорк, либо в Лос-Анджелес. Так что с на-

чалом карьеры всё было просто: я женился, и мы поехали в Калифорнию».

Многие полагают, что Голливуд – фабрика звезд. Вообще-то так оно и есть, но и не только. Это еще и безжалостная машина, ломающая людские судьбы. Тысячи молодых людей, мечтающих о славе, ежегодно съезжаются сюда из самых отдаленных уголков не только Штатов, но и всех континентов планеты, но лишь единицы взбираются на голливудский Олимп. Главное здесь – счастливый случай, фарт. И если повезет помелькать с десятков лет на экране да еще попасть в культовый, скандальный или просто кассовый фильм – тогда СМИ объяснят зрителям, что ты талантлив (удивительно, куда раньше смотрели), вступишь в обойму секс-символов, самых красивых людей всего мира (по опросам какого-нибудь глянцевого журнала), не любишь и избегаешь папарацци, бесконечно влюбляешься, женишься и разводишься... Словом, ты, вне всякого сомнения, звезда. Везет не так уж часто и немногим. Форду повезло.

Естественно, поначалу в Голливуде его ждала довольно стандартная участь – зарабатывать на жизнь, чтобы обеспечить свое существование и посещать курсы актерского мастерства. Он работал поваром в пиццерии, стажером в супермаркете, даже снимался иногда в эпи-

зодических ролях, но дальше этого дело не шло, тем более что имя его не очень-то подходило для хорошей кинокарьеры: не надо забывать, что один Форд уже некогда блистал в Голливуде.

«В шестидесятые годы было две системы найма актеров, – вспоминает Форд. – Чаще всего студии брали актеров в штат и тогда же подписывали контракт на несколько лет, они получали стандартную еженедельную зарплату и были обязаны играть те роли, которые им давали. Актеры, не подписавшие контракт, сами искали роли на открытых прослушиваниях и пробах, и им платили только тогда, когда они находили роль. Я не мог позволить себе получать деньги от случая к случаю – у меня уже была семья. Некоторое время я работал по контракту на студии «Колумбия», получая сто пятнадцать долларов в неделю. Но сниматься в идиотских телевизионных шоу я не хотел. Мне казалось, что мое лицо буквально изнашивается оттого, что я должен изображать очередную глупость». Однако после нескольких эпизодических ролей студия разорвала с Фордом контракт, сообщив ему, что он напрочь лишен актерских способностей.

Безработного актера пригрела студия «Универсал», и он стал мелькать в эпизодах телефильмов. Однако гонорары за эти роли были настолько малы, что их едва хватало на содержание

семьи, которая к тому же пополнилась сыном Бенджамин-ом. И когда Микеланджело Антониони вырезал эпизод с его участием из «Забри-ски-пойнт», Форд практически отказался от кинокарьеры и начал искать возможность зарабатывать деньги на жизнь.

По книжкам артист-неудачник изучил плотницкое ремесло, прикупил инструмент и принялся за дело, решив окончательно отказаться от Голливуда. Он с удовольствием делал то, что у него получалось лучше всего: для начала перестроил собственный дом, а затем стал работать по заказам звезд шоу-бизнеса и разных знаменитостей, что принесло ему славу лучшего плотника Голливуда шестидесятых годов. Его смело можно было назвать лучшим плотником среди актеров. Новое ремесло давало не только солидные заработки, но и стало основой для обретения весьма полезных знакомств и связей. Именно это и помогло Форду вновь вернуться в актерский мир. Правда, сначала он построил студию для бразильского композитора Серхио Мендеса, потом создал что-то необыкновенное для двух важных персон, затем одним из его клиентов оказался кастинг-директор студии «Универсал», который занимался подбором актеров для нового фильма никому тогда не известного молодого режиссера Джорджа Лукаса – «Американское Гриффи-

ти». Он-то и порекомендовал Харрисона на пробы для фильма.

На съемках знаменитый плотник вел себя отвратительно. Как вспоминает кто-то из актеров, Форд «буянил всю ночь напролет, пил пиво и удивлял всех всякими глупостями, вроде того, что ставил пивные бутылки на вращающуюся рекламу «Холлидей Инн»». Видимо, плотницкая закваска не могла не сказаться даже на киностудии. Во всяком случае, Лукас твердо решил: «Этого парня я в свои «Звездные войны» не возьму, тем более что он не хотел работать ни с кем из нашей предыдущей команды». Однако имя Форда, опять же благодаря одному из поклонников его плотницкого таланта, оказалось в списке актеров, приглашенных для участия в фильме. И Лукас сдался: неловко было отказывать просьбам влиятельных людей, да к тому же мало кому известному актеру можно было не платить большие гонорары.

Знающие люди говорят, что будто бы в тот момент, когда Форду позвонили и пригласили на пробы, он трудился над интерьером дома актрисы Салли Келлерман. И этот звонок стал для плотника судьбоносным: он бросил все инструменты, на этот раз уже навсегда, и стремглав понесся в студию. А актриса и по сей день демонстрирует гостям необычные сувениры – рубанок и молоток Харрисона Форда.

С актрисой Кристин Скотт Томас в фильме "Паутина лжи"

С выходом на экраны «Звездных войн» в 1977 году дальнейшая актерская судьба Форда была решена. Популярность этой фантастической саги превзошла все возможные ожидания – фильм мгновенно стал культовым для целого поколения, принеся его создателям баснословные прибыли как за счет проката, так и за счет огромного количества сувениров, выпускаемых и по сей день под маркой «Звездных войн».

Однако несмотря на этот успех, Форд не сразу сумел переломить ход своей карьеры и некоторое время продолжал сниматься во второстепенных ролях, пока в 1980 году не увидел свет второй эпизод «Звездных войн» – «Империя наносит ответный удар». Этот «удар» дал мощный толчок карьере Форда, тем более что здесь его герою Хану Соло было отдано больше экранного времени и актер мог проявить себя в вы-

годном свете. Во всяком случае, журналисты до сих пор стремятся называть свои статьи о Форде, обыгрывая это имя: что-нибудь вроде «Солирует Харрисон Форд».

Как и на съемках предыдущего фильма, Форд и здесь был неподражаем: пил пиво, буянил все ночи напролет и тщетно искал в пустыне Туни-са, где живут троглодиты (так называют обитающих в пещерах людей, хотя в этих пещерах сегодня есть и телевизоры), рекламу «Холлидей Инн», чтобы украсить ее пустыми бутылками. Англичане, работавшие у Лукаса, были уверены, что Форд – ненормальный.

«Я рад, что снимался во всех фильмах саги, – говорил позднее актер. – Но не меньше я радуюсь тому, что не должен больше сниматься ни в каких «Звездных войнах». Я даже уговаривал Лукаса убить Соло в «Возвращении Джедая» – считал, что это придаст фильму глубину».

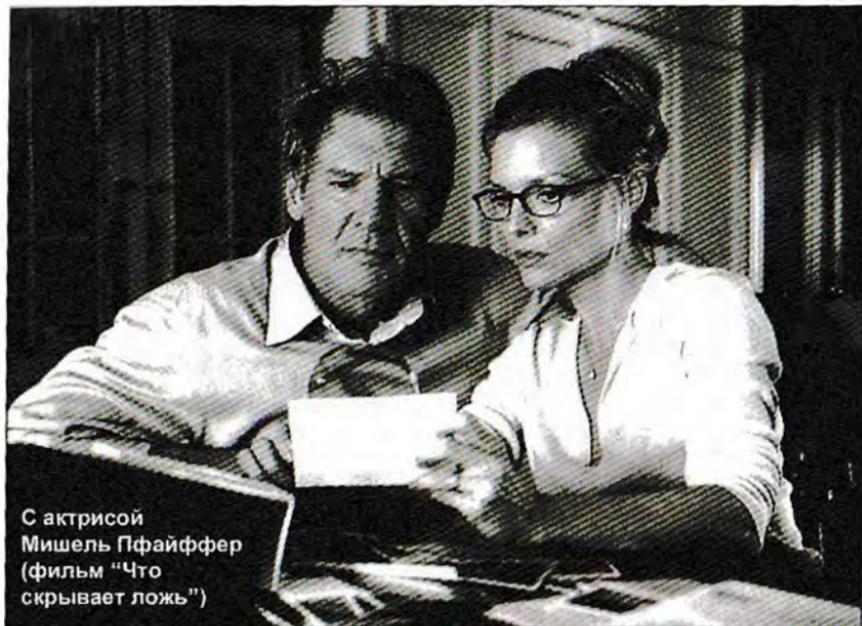
Однако его мнение мало кого интересовало, и Хан Соло был «разморожен» и возвращен к жизни, хотя экранного времени ему дали в этот раз гораздо меньше по сравнению с предыдущими сериями. К слову сказать, «заморожен» он был в конце пятого эпизода именно потому, что Лукас не был уверен, согласится ли Форд участвовать в продолжении фильма. Как оказалось, его опасения не были напрасны.

Форду, уставшему от фантастической саги, очень хотелось сменить имидж, и эту возможность предоставил ему в «Апокалипсисе» ни кто иной, как сам Френсис Форд Коппола. Причем актер здесь был так непохож на Соло, что даже Лукас, посмотрев фильм, не сразу понял, что на экране все тот же Харрисон Форд, для которого он открыл мир кино. Самому же герою фильм запомнился прежде всего потому, что на съемках он познакомился с ассистентом режиссера и сценаристкой Мелиссой Мэтисон (автором сценария «Инопланетянина», поставленного Спилбергом), которая стала его второй женой. С первой к тому времени он развелся, оставив ей двух сыновей. По странному совпадению, вторую ожидает судьба первой – она тоже останется одна с двумя детьми. Пока же будущее было прекрасным, тем более что Форду достался звездный билет – роль, которая стала его главным кинодостижением.

По правде говоря, эта роль предназначалась вовсе не ему. Первым в списке претендентов на главную роль в фильме Стивена Спилберга «Индиана Джонс в поисках Утраченного ковчега» значился Том Селлек. Но Форду в очередной раз повезло: кинокомпания отказалась отпустить актера со съемок телесериала «Магnum», и Лукас уговорил приятеля, вместе с которым они уже несколько лет вынашивали идею фильма, пригласить Форда.

«Я никогда не отказываюсь сниматься в проекте, который поначалу создавался для другого актера, – признается Форд. – Некоторые почему-то считают, что для актера унизительно играть роли, которые писались в расчете на кого-то еще. На самом же деле такие роли гораздо интереснее, потому что когда сценарист пишет на тебя, он заранее подгоняет героя под твои параметры. Он старается подчеркнуть то, в чем ты силен, и по возможности затушевывает твои слабости. Проекты, подогнанные специально под звезд, играют почти на автопилоте».

Индиана Джонс – молодой отважный археолог, смесь Джеймса Бонда (недаром его отца в третьей части сериала «Индиана Джонс и последний крестовый поход» играет первый среди Бондов – Шон Коннери), фольклорного ковбоя Пекоса Билла и авантюриста из плутовского романа. Этот полиглот и одновременно герой-любовник, уче-

С актрисой
Мишель Пфайффер
(фильм «Что
скрывает ложь»)

ный-ковбой, как говорится, «в огне не горит и в воде не тонет». Так Форд воплотил на экране универсального героя, идеального для любого зрителя приключенческой трилогии. В устах Форда-Джонса даже любая чушь звучит естественно, как и полагается обаятельному герою комиксов или мультфильмов, который способен оседлать подводную лодку, словно дикого мустанга, и вытворять сказочные археологические чудеса.

Форд идеально справился с поставленной Спилбергом задачей – превратить Харрисона в Индиану Джонса. Актер наотрез отказался от каскадеров, все трюки выполнял сам, даже повредил позвоночный диск, пытаясь нау-

читься ездить верхом на слоне. Съёмки проходили в тунисской пустыне, и Форд, как и многие члены съёмочной группы, страдал дизентерией. Но именно этому обстоятельству фильм обязан одной из лучших своих сцен. В одной из них актер должен был долго и красиво фехтовать, пытаясь убить своего противника. Красиво он уже научился, но вот долго по понятной причине было выше его сил. «А нельзя ли его просто застрелить?» – с мольбой спросил он у режиссера. В таком виде этот эпизод и остался в фильме.

Уже после выхода в свет первой серии «Индианы Джонса» Форд стал для всех фанатов суперменом, способным на любые подвиги,

всегда уверенным в себе и никогда не упускающим из рук птицу счастья. А для всего мира он стал американским героем, прекрасным, умным и бесстрашным. Каждая новая серия воспринималась «на ура», а сегодня главной новостью всех мировых агентств стало известие о том, что Форд дал принципиальное согласие сниматься в четвертой серии «Индианы», которая должна выйти в 2005 году.

Устав от ролей героев, Форд стал подыскивать себе картины, в которых смог бы проявить свои актерские способности. Таким фильмом оказался «Свидетель», где ему досталась роль полицейского, занимающегося раскрытием преступления. Поначалу создатели фильма были не очень уверены, сможет ли Форд своей актерской игрой вытянуть целый фильм. К счастью, опасения скептиков оказались беспочвенными – работа Форда была высоко оценена критиками, и он был выдвинут на «Оскар» как лучший актер.

После двух серьезных ролей в фильмах «Презумпция невиновности» и «Кое-что о Генри» Форд вновь вернулся к образу героя, к радости зрителей и режиссеров. Режиссер фильма «Считается невиновным» Алан Пакула, пригласивший его в свое время на главную роль, так, например, объяснил свой выбор: «Нам был необходим мужчина-лидер, признанный всеми американцами, олицетворе-

ние правдивости и честности, верности самому себе. Неизбежно вставал образ Харрисона Форда: актер-икона». Этот образ закрепился за актером и в остальных его работах – «Беглец», «Вооружен и очень опасен», «Игры патриотов», «Прямая и явная угроза». Самого distinguished гражданина из галереи положительных американцев Форд сыграл в «Самолете президента». Его герой, не кто иной, как сам президент Соединенных Штатов Америки, практически в одиночку спасающий свою персону от банды русских террористов во главе с Егором Коршуновым. Так в конце девяностых годов его лихой ковбой, супермен и авантюрист приобрели официальный статус. Именно благодаря образу «настоящего американского парня» он так горячо любим в Штатах миллионной аудиторией кинозрителей, что и сделало его одним из самых популярных актеров Голливуда. А у них «самый популярный» – значит самый высокооплачиваемый. И гонорар в двадцать пять миллионов долларов за фильм – лучшее тому подтверждение.

Герой есть герой, и в силу этого публика не приняла его в фильме «Берег москитов», где Харрисону довелось играть психически неуравновешенного персонажа. Надо сказать, что в тех случаях, когда актер стремится отойти от сложившегося имиджа, подобные эксперименты, как правило, оказываются неу-

дачными. Одним из таких «провальных» фильмов, как ни парадоксально, стала одна из самых культовых фантастических картин в истории кино – «Бегущий по лезвию бритвы», снятая по роману Филипа Вика «Снятся ли Андроидам электрические овцы?». Картина была холодно принята зрителями, да и сам актер признался, что эта роль – не самая удачная его работа.

«Я слегка беспокоюсь, что мой имидж оказался столь устойчивым, – говорит Форд. – Но для меня это означает лишь одно: моральную ответственность. Я не должен делать ничего ужасного, чтобы не рисковать своим образом героя. Нет, я ничего такого и не делаю... Но приходится дважды подумать, прежде чем что-то сказать публике. И главное, если очередная моя

роль сильно отличается от того, что я играл раньше, публика говорит: «Нет, это он играет. На самом деле он совсем не такой!»».

Возможно, для нашего отечественного зрителя Форд навсегда так и остался бы «американским героем» и любимцем штатовских фанатов, если бы на российском кинорынке не появился леденящий душу голливудский триллер «К-19: оставляющая вдов», где Харрисон Форд исполняет роль командира советской подводной лодки, потерпевшей бедствие в Арктике. Фильм, в основу которого положена подлинная история К-19, которую советские подводники прозвали «Хиросимой» из-за ее репутации самой несчастливой из подлодок, рассказывает о реальных

Кадр из фильма «К-19»

событиях, едва не ставших началом третьей мировой войны.

Первый советский подводный атомный ракетоносец К-19 был гордостью нашего военного флота. Это был своего рода ответ Советского Союза Соединенным Штатам, где уже имелись субмарины подобного класса. Изготовленная ударными темпами лодка была спущена на воду летом 1961 года, но неприятности начались значительно раньше. Во время постройки еще на стапеле несколько девушек-малярш задохнулись в цистернах, а на церемонии спуска на воду не разбившаяся с первого раза бутылка шампанского предопределила незавидную участь ракетоносца. Пожалуй, большего количества напастей не было еще ни у одного корабля ВМФ. Здесь и столкновение в подводном положении с американской подлодкой «Гэтоу» в ноябре 1969 года, и пожар в феврале 1972 года, унесший жизнь двадцати восьми человек. Но зловещее прозвище «Хиросима», которое американцы по вполне понятным причинам не внесли в заглавие фильма (японцы-то ведь тоже, наверное, его увидят), она получила гораздо раньше, после своего первого боевого похода летом 1961 года.

Тогда на переходе в район боевого патрулирования в Норвежском море разразилась первая, но, увы, не последняя атомная авария на нашем флоте. Произошел раз-

рыв первого контура одного из реакторов, что в то время, по мнению специалистов, неминуемо вело к ядерной катастрофе. Ситуация осложнялась еще и тем, что авария произошла недалеко от острова, где располагалась военная база НАТО. Взрыв, вероятнее всего, приняли бы за нападение на американский военный объект, что, скорее всего, повлекло бы ответный удар. Предотвратить катастрофу можно было одним-единственным способом – вновь ввести в строй систему охлаждения. Для этого нужно было открыть изолированный отсек, в котором находился реактор, а значит подвергнуть радиоактивному облучению весь экипаж. Героическими усилиями моряков буквально из подручных материалов была изготовлена искусственная система охлаждения реактора, ставшая впоследствии штатной. Стихия атома была укрощена, но цена этого оказалась невероятно высокой: восемь человек, работавших в аварийном реакторе, умерли практически сразу, а еще двадцать два – спустя некоторое время.

Командованию ВМФ удалось замять инцидент, а капитана и команду заставили дать подписку о неразглашении тайны. Эта история более тридцати лет оставалась засекреченной, а когда о ней стало известно, многие сценаристы проявили к ней немалый интерес. В 1996 году была снята документальная лента Национального геогра-

финского общества, которая и послужила одним из источников для создания художественного фильма. Кэтрин Бигелу, ставшая его режиссером, известная по таким лентам, как «Голубая сталь» и «Вес воды», имеет репутацию единственной женщины Голливуда, специализирующейся на «фильмах действия». «Когда я шесть лет назад услышала историю о русской подлодке, я была потрясена героизмом моряков. Я мало знала об СССР времен «холодной войны», но понимала, что война эта инициировалась обеими сторонами, мы здесь похожи, и мне это тоже важно показать в фильме».

Бигелу уже работала над сценарием, когда им заинтересовался Форд, который тоже раньше ничего не знал об этом событии. История К-19 заинтриговала его, и он решил принять участие в работе над сценарием: «Я согласился сниматься в этом фильме еще до того, как он обрел конкретные очертания. Обычно я не соглашаюсь сниматься в проектах, которые еще не доработаны. И раз уж я решил дать согласие на съемки, мне захотелось принять участие в подготовке проекта к запуску». Форд не только сыграл главную роль в эпосе, съемки которого обошлись в сто миллионов долларов, но и впервые выступил как продюсер. Актера прежде всего заинтересовали самоотверженность и героизм моряков. «Может быть, это поможет объяснить людям, что такое

самопожертвование, – сказал он, – что особенно актуально после 11 сентября 2002 года».

Фильм снимался в России, Канаде и США. На протяжении восьмидесяти пяти съемочных дней кинематографисты побывали в таких местах, куда раньше они наверняка не смогли бы попасть, в том числе в государственных правительственных учреждениях России, которые западные зрители еще никогда в жизни не видели. Не менее уникальные кадры были сняты на замерзшем озере Виннипег, которое «сыграло роль» Северного Ледовитого океана. Но если в фильме «Самолет президента» Форд сражался с русскими террористами, то пять лет спустя его героем стал русский моряк – капитан Востриков, чей образ практически списан с реального командира Николая Затеева, благодаря умению которого и мужеству экипажа легендарная субмарина до сих пор остается в строю.

Алексей Востриков, верный своей стране офицер, получает приказ отобрать бразды правления у своего предшественника Михаила Поленина и в спешном порядке решить все проблемы перед выходом судна в море. В обстановке растущего напряжения между США и СССР нужно обеспечить выполнение приказа любой ценой. И он делает всё возможное и невозможное, чтобы предотвратить беду, не обращаясь

С актером
Лиамом Нисоном
(фильм «К-19»)

за помощью к находящемуся неподалеку американскому эсминцу – нельзя выдавать секретную информацию о подлодке. Жесткие меры Вострикова экипаж воспринимает с трудом, тем более что Поленин, к которому все относятся с большой симпатией, оставлен при новом капитане в качестве помощника. Естественно, отношения между ними напряжены и взрывоопасны.

Сам Форд представляет своего героя следующим образом: «Востриков – человек, который считает, что главное для него – долг перед государством. Но благодаря пережитому, он начинает понимать и чувствовать, что у него есть еще и долг перед товарищами. Этому он учится у своего помощника. Востриков и Поленин находятся в состоянии скрытого конфликта, и по мере того, как

этот конфликт развивается, они многое узнают друг о друге, об остальных членах экипажа и о том, что такое взаимопочтение».

Было много опасений, что фильм окажется голливудской поделкой из разряда «водка, балалайка, калинка-малинка». Без этого, конечно, не обошлось, однако несмотря на исторические неточности, создатели, в общем, справились с поставленной перед собой задачей: художественными средствами воссоздать дух товарищества, достоинства и патриотизма, который царил на судне в то время.

По мнению большинства наших офицеров-подводников, непосредственных участников событий, главная особенность американского фильма в том, что кинематографисты всё-таки не представили моряков «Хиросимы» «полными дубарями и идио-

тами», как это было раньше почти всегда.

Нашим морякам фильм всё же не понравился, хотя они и отдали должное мастерству американских актеров. «Несмотря на очевидный талант большинства актеров, — считает капитан первого ранга Сергей Апрелев, один из консультантов фильма, — очередной «киношедевр» «фабрики грез» — чистой воды спекуляция на «горячей» тематике российского подводного флота. В бережном отношении к истории их нельзя даже заподозрить. Фильм, провозглашенный прорывом в закостенелом изображении русских периода «холодной войны», остается набором клише, составленных Голливудом именно в тот период. Это и традиционный конфликт между командиром и старшим помощником, без которого не обходится ни одна американская картина подлодного жанра, и нарочитая «роль партии», где замполит — он же сотрудник госбезопасности... Ни от каких канонов времен противостояния сверхдержав никто и не собирался отходить. Экранный русский должен выглядеть недалеким и агрессивным, то есть по-прежнему опасным. И с какой стати нужно воспевать русский героизм, когда истинным героем может быть только американец типа Харрисона Форда.

А как смехотворно выглядит дурища в нелепом наряде, которой поручили изображать комсомолку, бьющая бу-

тылку шампанского о форштеньев К-19, и статистики, изображающие русских женщин, перепоясанных платками и медными котелками в районе «между спиной и обратной стороной колена», или дурацкая клетка, в которую поместили командира корабля в зале суда. Ведь у нас это появилось только с началом движения по «демократическому пути», а в шестидесятые годы и даже при царе таких клеток не было и в помине.

По сценарию, а отнюдь не в реальной истории, возле аварийной подлодки появляется американский эсминец, предлагающий помощь, от которой русские с негодованием отказались. Но часть неустойчивых юношеских сердец все же дрогнула. То матрос Женя пытается бежать через аварийный люк, то кок Андриуша в странной шапке из меха пожелтевшего белька сигает за борт и плывет «навстречу свободе» в студеной волне Норвежского моря, изрекая главные символы «демократии» — бейсбол, Мэрилин Монро, жвачка — и подтверждая тем самым мысль о том, что свобода существует лишь в Америке, куда и надо бежать».

Совершенно дико воспринимается сцена, когда над верхней палубой, где жмутся друг к другу сорок продрогших облученных матросов, зависает вертолет, вызывающий воодушевление: «Наверное, наш!» Но, распознав опознавательные знаки «вероятного противника», все как по ко-

манде начинают демонстрировать экипажу голый зад, что говорит об утрате создателями фильма чувства меры.

Пожалуй, российским консультантам от режиссера чаще всего приходилось слышать: «Мы не делаем документальное кино, наш фильм художественный и адресован главным образом тупой подростковой аудитории, приносящей, тем не менее, восемьдесят процентов кассового сбора». Цинично, но – правда. Только вот жаль, что многие наши зрители до сих пор не поняли, для кого создается большинство голливудских шедевров.

Конечно, досадные ляпы могут снизить впечатление от фильма, но в то же время можно понять и его создателей. Ведь если два часа показывать на экране, как люди строят искусственную систему охлаждения, – это вряд ли заинтересует зрителя. По большому счету для искусства важны людские судьбы, характеры, взаимоотношения между людьми и не так уж важно, что строят и как. «Мы – шайка голливудских халтурщиков, которые ничего не знают о настоящих экстремальных ситуациях», – признается Форд. И это признание достойно уважения. Однако он прав и в другом: «Домысел неизбежен, ведь в игровом кино необходим драматический эффект. Главное здесь то, что это не тот фильм, где русские – враги. В нем нет противостояния. Главный враг – ядерная утечка».

Надо сказать, что Форд не только на экране проявляет заботу об охране окружающей среды. Недавно ему вручили награду за вклад в защиту исчезающих видов растений и животных, а одну из редких бабочек назвали в честь его дочери. Папаше повезло меньше: имя *Calponia harrisonford* носит какой-то уникальный паук. А в планах актера один из самых грандиозных проектов по спасению фауны и флоры – создание уникального «живого коридора», состоящего из лесопарков, протяженностью от Арктики через Америку вплоть до экватора.

Шестидесятилетнего Харрисона Форда прозвали в Голливуде «новым Джеком Николсоном» за то, что он увел тридцатилетнюю подружку у этого шестидесятичетырехлетнего «старичка», и «серийным Ромео» – за многочисленные романы с юными кинодивами. Вообще для звезд это обычное дело. Тем более что звезда – в зените. Во всяком случае, сегодня трудно представить Голливуд без Форда. «Я – как старые надежные башмаки, – говорит актер. – Мне кажется, что я всё еще здесь лишь потому, что никогда не был достаточно модным, чтобы меня сменили на что-нибудь более модное». А его и не собираются менять, потому что он прошел испытание временем.

Ал. БРОДНИКОВ

ЗАГАДКИ ВЕКА

Серия зверских преступлений, совершенных в течение нескольких недель в лондонском районе Уайтчепел осенью 1888 года, буквально потрясших Англию, так и не была раскрыта. Скорее всего, мы никогда не узнаем фамилию самого легендарного преступника всех времен и народов, вошедшего в историю под именем «Джек Потрошитель». За сто с лишним лет о нем и его многочисленных последователях написаны тысячи книг и статей, сняты два десятка фильмов, поставлены спектакли. В Лондоне у туристов неизменным успехом пользуется экскурсия «По любимым местам Джека Потрошителя». И до сих пор эта тайна не дает покоя криминалистам: так кто же он,

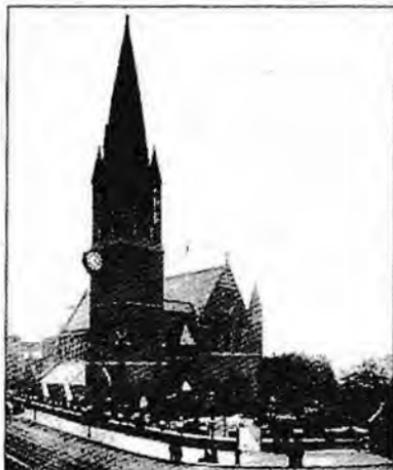
НЕУЛОВИМЫЙ ДЖЕК - ЧУДОВИЩЕ ИСТ-ЭНДА

Лондон и по сей день потрясен дикими зверствами, совершенными убийцей, прозванным Джеком Потрошителем – за характер убийств, или Уайтчепелским зверем – из-за района, в котором он их совершал. Конечно, его преступления не сравнимы с теми массовыми ужасами, которые преподнес человечеству двадцатый век. Он убил, правда, с изуверской жестокостью, пять женщин, по его «слава» не дает покоя многим маньякам вот уже целое столетие. Вот и в наши дни неподалеку от города Манзини, промышленного центра королевства Свазиленд – небольшой горной страны на юге Африки, – были обнаружены тайные захоронения трех десятков женщин и детей. Эти преступления, ставшие здесь национальной катастрофой, совершил серийный убийца, так сказать, прямой наследник лондонского Джека. Но сам Джек стоит особняком прежде всего потому, что до него история европейской цивилизации практически не знала серийных преступлений.

В те времена Британская империя переживала период наивысшего расцвета. Но в центре этой империи было место, куда, как писали журналисты, никогда не заглядывает солнце, – лондонский Ист-Энд, где расположены кварталы Уайтчепела. В конце восьмидесятых годов девятнадцатого столетия здесь проживало около девяти тысяч человек, в основном поляки и польские евреи. Лишь менее трети трудоспособного населения имело постоянную работу, люди ютились в страшной тесноте и нищете в домах без канализации и водоснабжения по соседству со скотобойнями и скорняжными мастерскими, занятыми выделкой кожи и наполнявши-

ми воздух невыносимым смрадом. По оценкам полиции, в районе было около тысячи двухсот женщин, добывавших пропитание платной любовью, и это не считая тысячи других, подрабатывавших на панели от случая к случаю.

Сердцем района был строгий и мрачный храм Святой Девы Марии, неподалеку от которого и совершал все свои преступления пресловутый Джек. Возможно, именно его первой жертвой стала одна из жриц любви Эмма Смит, которая по счастливой случайности выжила, несмотря на тяжелейшие травмы, получение в результате нападения на нее. Конечно, эта новость никого не оставила равнодушным, поскольку многие женщины зарабатывали на жизнь точно таким же способом, а значит любая из них могла стать жертвой грабителя. Тем более что по району поползли мрачные слухи о появлении некоего безумца, который нападал на одиноких путан и, угрожая ножом, отбирал у них всё более или менее ценное. Преступник неизменно облачался в перед-

ник, которыми обычно пользовались рабочие скотобоен. Понятно, что местные жители тут же дали ему соответствующую кличку – «Красный Передник».

Сообщения о нападениях Красного Передника на женщин продолжали поступать одно за другим: неизвестный нападал на «ночных бабочек», отнимал деньги и всё, что попадет под руку. Но всё это были мелочи по сравнению с новой жертвой, которой стала Марта Тэбрем: на теле погибшей медики насчитали тридцать девять ударов, нанесенных колюще-режущим орудием. Жестокость убийства казалась до того демонстративной и малообъяснимой, что полиция заподозрила: местная банда решила расправиться с дамой, не пожелавшей платить ей «дань». Увы, полиция ошиблась: рэкетеры были ни при чем. Оставалось предположить, что в Уайтчепеле появился какой-то ненормальный охотник за дамами легкого поведения. Надо сказать, что в то время еще просто не существовало понятия «маньяк», или «серийный убийца».

Тем не менее вскоре была жестоко убита Мэри-Энн Николз, сорокадвухлетняя «красотка Полли», известная как запойная пьяница и завсегдатай всех местных забегаловок. Можно предположить, что, скорее всего, события развивались следующим образом. «Красотка Полли» обратилась к одному из прохожих с обычным в таких случаях вопросом: «Ищите развлечений, мистер?» При этом она попросила за свои услуги четыре пенса – обычную в подобных случаях таксу, которую любители острых ощущений знали и так, без всякого преискуранта. Этой ничтожной суммы хватало на то, чтобы заплатить за место в ночлежке и получить несколько

глотков дешевого джина. Как только мужчина увлек ее в темное место, судьба Полли была решена. К ее горлу протянулась рука, сжимающая тесак, а через пару секунд оно было разрезано от уха до уха, после чего убийца вспорол ей живот. Это преступление – на календаре было 31 августа 1888 года – считается официальным началом зловещей «карьеры» Джека.

Поскольку убийства в нищем и опасном районе Ист-Энда были явлением обычным, полиция не придавала этому случаю особого значения. Однако через неделю «Смуглянка Энни» Чалмен, сорокасемилетняя представительница древнейшей профессии, тяжело больная туберкулезом, была найдена зарезанной неподалеку от мрачного собора. И хотя не было никаких признаков изнасилования, характер убийства, как и в первом случае, свидетельствовал: преступник резал и потрошил жертву под влиянием сильнейшего возбуждения. Кроме того, расчленение тела «Смуглянки» говорило о знании убийцей анатомии и хирургии. Так что это был явно не обычный уголовник.

Второе убийство имело неожиданное продолжение – в агентство новостей пришло издевательское письмо. В нем говорилось: «Со всех сторон до меня доходят слухи, что полиция меня поймала. А они до сих пор даже не вычислили меня. Я охочусь на женщин определенного типа и не перестану их резать до тех пор, пока меня не повяжут. Последнее дело было великолепной работой. Леди не успела даже вскрикнуть. Я люблю такую работу и готов ее повторить. Скоро вы вновь узнаете обо мне по забавной проделке. Закончив последнее дело, я прихватил с собой чернила в бутылочке из-под имбирного лимонада, чтобы напи-

сать письмо, но они вскоре загустели, как клей, и я не смог ими воспользоваться. Вот я и решил, что взамен подойдут красные чернила. В следующий раз я отрежу уши и отошлю их в полицию просто так, ради шутки».

Письмо было подписано: «Джек Потрошитель. Не возражаю, если мне присвоят это имя».

Редактор агентства новостей, получивший письмо, поначалу не придавал ему особого значения. В этом нет ничего удивительного: английские газеты и полицию захлестнул поток анонимных писем, посланных якобы от лица преступника. Причем все авторы утверждали, что именно они являются неуловимыми убийцами из Уайтчепела. Между тем 99 процентов всех посланий были настоящей макулатурой, написанной психически неполноценными людьми. Однако второе письмо, написанное тем же почерком, что и первое, сотрудники агентства передали в полицию, которая принялась разыскивать анонима. Были изготовлены фотокопии обоих посланий, которыми снабдили все полицейские участки в надежде на то, что кто-нибудь опознает почерк их автора. С тех пор аноним больше никого не беспокоил, видимо, опасался, что на него могут выйти стражи порядка. Хотя автора клички «Джек Потрошитель» найти не удалось, это имя закрепилось за убийцей из Уайтчепела, став, по сути дела, его официальным именем и частью английского городского фольклора.

Очень многие должностные лица в полиции Лондона считали, что, выловив Красного Передника, они поймают и убийцу. По общему мнению детективов, им должен быть человек, привлекавшийся ра-

Лондонский двор, где нашли тело второй жертвы Джека Потрошителя – Энни Чепмен

не к уголовной ответственности. Правда, таковых в районе было немало – почти треть всего населения. Полиция хватала всех известных ей уголовников и доставляла на опознание в полицейский участок. И безрезультатно: вскоре официально было объявлено об аресте человека, опознанного как Красный Передник. Им оказался Джон Пизер, отбывавший в свое время тюремное заключение за удар женщины ножом.

Сообщение об аресте Пизера было воспринято всеми – и полицейскими, и местными жителями – с облегчением. Полиция спасла честь мундира, люди обрели спокойствие. Однако сенсации не получилось. Пизер признался в нападении на женщин, когда он отнимал у них деньги, но при этом доказал свою полную непричастность к убийствам, что было подтверждено не только свидетелями, но и полицейским осведомителем.

К сожалению, время ставить точку в этой истории еще не пришло. Особый ужас вызвало знаменитое двойное убийство в ночь на 30 сентября, когда в течение получаса маньяк прикончил двух жен-

щин. Самая отталкивающая черта его преступлений – изощренность, с которой он расправлялся со своими жертвами. Причем он не оставлял никаких следов, никто не слышал ни звука, хотя убийства были совершены на вечерних улицах очень оживленного района. Это превратило Потрошителя в полумистическую фигуру.

К тому времени Лондон охватила волна страха. Многие женщины стали носить с собой ножи и свистки для вызова полиции. Одна из лондонских газет шуточно предлагала знатным леди обзавестись пистолетами с рукоятками, украшенными жемчугом, на случай, если Потрошитель захочет сменить контингент своих «клиентов». Магазины начали даже рекламировать стальные корсеты для дам. Стоит ли удивляться, что напуганные путаны объединились в Комитет защиты от Джека Потрошителя?

Владельцы фешенебельных особняков и обитатели бедных кварталов с наступлением сумерек замирали в страхе. Каждый глава семьи старался отправить свою супругу и любимую дочь из Лондона, подальше от криминального местечка. Жители готовы были видеть ненормального Джека в любом мяснике в окровавленном фартуке, одином хирурге, замкнуто живущем в своем доме, или эксцентричном аристократе. Кроме того, читающая публика разогревала свою фантазию с помощью рассказа Эдгара По «Убийство на улице Морг». Газетчики тоже «вплеснули» свой вклад в волну домыслов, пустив слух, что улице разгуливает дрессированная обезьяна с огромным ножом. И сразу же было прикрито несколько цирков-шалито и зоопарк. Не мог остаться в стороне и сэр Артур Конан

Дойл, отец Шерлока Холмса, выдавший предположение, что убийцей была женщина – русская акушерка Ольга Черкофф, чья сестра Вера, брошенная судьбой на панель, умерла от неудачного аборта. Ольга поклялась отомстить, и многие под маской Потрошителя видели эту повредившуюся в уме женщину.

После двойного убийства эти преступления перестали быть только сенсацией одного Ист-Энда, они стали новостями общегосударственного масштаба, обсуждались в парламенте, кабинете министров, в газетных передовицах, в ресторанах... Начальника полиции обвинили в некомпетентности, и сама королева высказала премьер-министру недовольство работой лондонской полиции.

Но Скотланд-Ярд и без того сбился с ног, проявляя небывалую по тем временам изобретательность в работе. По всему Лондону полиция распространила более восьмидесяти тысяч листовок, обращенных к населению, с просьбой

Площадь Майтр-сквер. Здесь была убита Кэтрин Эддоус – четвертая жертва

сообщать о любом лице, вызывающем подозрения, в полицейский участок. Подобная мера была, по сути дела, новинкой в практике сыска, к тому же не единственной. Тогда же впервые была апробирована практика «манка» – ложной жертвы, призванной спровоцировать нападение преступника и произвести его задержание. Женщины-полицейские стали одеваться и гримироваться под путан в расчете на то, что преступник клюнет на приманку. На улицы выпустили «подставную жертву» – полицейского-мужчину, к тому же боксера, наряженного в женское платье. Правда, первый блин оказался комом: жители быстро сообразили, что в их районе появился полицейский, ряженный женщиной, и подняли полицию на смех. Подобный прием расценили как неудачный фарс и признание полицией собственного бессилия. Однако время показало, что «манок» – дело весьма перспективное. Позднее он стал одним из эффективных приемов в работе спецслужб всего мира, конечно, практика подобных операций претерпела с той поры значительные усовершенствования. Кстати, тогда же в состав полицейских патрулей впервые в истории Англии, да и, пожалуй, всего мира, были включены кинологи с собаками.

Казалось, были приняты все меры, чтобы положить конец безумиям Джека, однако очередное убийство двадцатитрехлетней Мэри Келли, произошедшее 10 ноября, прозвучало как гром среди ясного неба. Она была хорошо известна в определенной среде: поработала в публичном доме, имела дружка, с которого исправно получала деньги, но не гнушалась и дополнительного «приработка», за что ее любили все окрестные платежеспособ-

«Из ада...» Письмо, считающееся единственным подлинным письмом Джека Потрошителя. В него была вложена человеческая почка...

ные мужчины. Как и во всех других случаях, насильник действовал с особой жестокостью, прихватив с места преступления сердце своей жертвы. Королева Виктория, получив доклад об очередном инциденте, с негодованием воскликнула: «Все наши суды должны быть сожжены, а детективы – заменены лучшими». Неожиданно это убийство стало последним из числа тех, что приписывают Джеку Потрошителю. А спустя четыре года дело было закрыто за недостатком улик.

В то время было выдвинуто немало версий о личности убийцы и мотивах преступлений. По одной из них, он был сумасшедшим, решившим отомстить продажным деви-

цам за то, что они заразила его венерической болезнью, а когда он обнаружил женщину, сделавшую его несчастным, то убил ее, а затем покончил с собой. Этим и объяснялось прекращение преступлений.

Кстати сказать, одним их первых, кто написал о сексуальной подоплеке преступлений, стал английский журналист Уильям Стэд, который, кроме всего прочего, опирался в своих предположениях на роман Роберта Стивенсона (автора «Острова сокровищ») «Странная история доктора Джекиля и мистера Хайда». Этот роман мгновенно превратился в бестселлер, открыв дорогу новому течению в английской литературе: за ним последовали «Дракула», «Портрет Дориана Грея» и «Остров Моро», в которых прослеживался намек на нетрадиционную сексуальную ориентацию героев. В 1888 году в Лондоне состоялась театральная премьера по стивенсоновскому триллеру, однако через месяц пьеса была запрещена, а последний благотворительный спектакль состоялся в заведении для бездомных женщин.

Энтузиасты, сыщики-любители и профессионалы, историки и литераторы, криминалисты и психологи возвращаются к делу Потрошителя и поныне. Люди, увлеченные этой тайной, называют себя рипперологами (от английского слова «потрошитель»). Они проводят ежегодные международные конференции и выпускают специализированные журналы, последний из которых начал выходить два года назад в Австралии.

За десятилетия, миновавшие с тех пор, появилось множество новых, неожиданных, парадоксальных и скандальных версий. В число по-

дозреваемых попал даже Чарльз Латуидж Доджсон, он же Льюис Кэрролл, автор «Алисы в Стране чудес». Хитроумный автор версии, зная страсть писателя к игре слов, построил свое обвинение на анаграммах. Переставляя буквы в одном из отрывков повести, он превратил его в довольно связный текст, заключающий в себе признание Джека Потрошителя. При этом, правда, обвинителю пришлось заменить в нем три буквы. Оппоненты подняли его на смех и, дабы продемонстрировать абсурдность доказательств, поступили точно таким же манером с начальной фразой «Винни Пуха».

Наконец, детективы, врачи и психологи, исследуя различные версии, пришли к выводу: инициатором преступлений, а, возможно, их исполнителем был представитель высших слоев общества – следы ведут в Букингемский дворец, резиденцию королевы Виктории. Этой же версии придерживается и историк Филипп Джулиен в своей книге «Эдуард Седьмой», вышедшей в 1962 году. Одним из подозреваемых считается внук королевы Англии, принц Альберт Виктор Эдуард, герцог Кларенский, старший сын принца Уэльского (будущего короля Эдуарда VI), известный своими похождениями в злочных местах и трущобах Лондона. Конечно, принц посещал эти места инкогнито. «Жрица любви» он зачастую представлялся живописцем, и действительно, наиболее привлекательные из них позировали ему в квартире, снятой под студию. Однажды лейб-медик Букингемского дворца Уильям Гелл вынужден был с прискорбием сообщить своей королеве, что ее внук болен сифилисом. Боль и ненависть доводили наследника престола до безумия.

Наследник английского престола герцог Кларенский, внук королевы Виктории

И в такие дни он отправлялся на прогулку по темным переулкам, сжимая под плащом нож.

По второй версии, герцог Кларенский, страдавший заболеванием рук, не мог искусно действовать смертельным оружием, а «мстителем» за его поруганную честь выступил не сумевший оправдать доверия королевы и сохранить здоровье принца сам Уильям Гелл. Есть и такой вариант: принц Уэльский, влюбившись в одну из «ночных бабочек», женился на ней. Венчание состоялось в маленькой церквушке, а единственными свидетельницами были подруги невесты. Несмотря на

строгую секретность, свадьба не осталась тайной для сотрудников Особого отдела Скотланд-Ярда, основной задачей которого была разведка и обеспечение безопасности глав государства. В результате на рабочий стол королевы легли рапорты о похождениях принца. Конечно же, брак необходимо было немедленно разорвать и заставить замолчать свидетельниц. Эта деликатная миссия якобы и была поручена Особому отделу, агенты которого, работая «под маньяка», убрали свидетельниц.

Впрочем, документального подтверждения ни одной из версий не существует. В то время, когда жертвами маньяка стали две из пяти убитых женщин, принц охотился в Шотландии. Кроме того, ему никогда не присвоили бы титул герцога, если бы у него были обнаружены признаки психического заболевания. Доктор Гелл никак не мог исполнять роль королевского киллера, поскольку за год до указанных событий перенес инсульт. Вдобавок ко всему принц, отличавшийся нетрадиционной сексуальной ориентацией, вряд ли отважился бы на серьезные отношения, тем более на брак с одной из уличных дам. Но даже если подобное и могло бы случиться, то это никак не повлияло бы на решение вопроса о престолонаследии. Дело в том, что «Акт о браках», принятый королем Генрихом Третьим, считал юридически несостоявшимся всякое бракосочетание наследника престола, заключенное им до двадцати пяти лет без согласия правящего монарха. Так что если брака по английским законам не было, то и не было необходимости его скрывать. А версия о том, что некий молодой человек по имени Джеймс Стивен, который некоторое

Джеймс Стивен

время был любовником принца, стал заниматься убийствами, чтобы отомстить своему другу после ссоры с ним, вообще не выдерживает критики. Тем не менее гипотеза о причастности принца к убийствам оказалась весьма живучей в силу ее скандальности. Но она была весьма выгодна для того, чтобы объяснить, почему власти не добились успеха в раскрытии преступлений. А обычному человеку легко поверить, что королевская семья способна прекратить расследование любого дела. Тем не менее в 2001 году вышел фильм «Из ада» с Джонни Деппом в главной роли, в основу которого положена версия «королевского заговора».

Совсем недавно в Англии опубликована книга «По следам уайтчепельских убийств». Когда после тридцати лет службы в Скотланд-Ярде Джон Плиммер ушел на пенсию, ему, как одному из самых опытных следователей, поручили написать инструкцию по современ-

ным методам раскрытия убийств. В поисках громких нашумевших историй он обратился к делу Потрошителя и в результате вместо инструкции написал эту самую книгу. По его мнению, все улики указывают на фельдшера из России, который практиковал под несколькими фамилиями – Острог, Коновалов, Педаченко. Английская же полиция именовала его Майклом. Это был профессиональный вор-рецидивист, просидевший большую часть своей жизни в тюрьмах. Последний свой срок – десять лет – он получил за кражу книг. В тюрьме Майкл прикинулся сумасшедшим, а когда вышел и устроился жить в Ист-Энде, полиция арестовала его одним из первых. Скорее всего, она стремилась изолировать всех лиц с плохой репутацией, и Майкла загребли так, на всякий случай. Острог явно не соответствовал образу монстра: был гораздо выше ростом, да к тому же едва ли не в два раза старше –

Русский подозреваемый – Михаил Острог-Коновалов-Педаченко

тому, по описанию свидетелей, было где-то около тридцати пяти лет.

В 1995 году появилась еще одна сенсация – книга американских писателей Эванса и Гейни «Джек Потрошитель – первый американский серийный убийца». Речь идет о Френсисе Тамблито, который в шестнадцать лет сбежал от родителей, исколесил всю Америку и, наконец, обосновался в Детройте. Молодой человек промышлял мошенничеством, выдавал себя за врача-гомеопата, но в основном жил на средства мужчин, обладающих, как и он, нетрадиционной сексуальной ориентацией. Он презирал женщин, что видно хотя бы из его писем, обнародованных в книге, называя их не иначе как «поваленными на спину». В 1874 году Френсис приехал в Ливерпуль, где обосновался в доме своего любовника сэра Генри Кейна, что, кстати, способствовало укреплению его финансового благополучия.

Вернувшись в США, Тамблито успешно играл на бирже, давал деньги в рост и, заметно разбогатев, предпринял новый вояж в Англию в поисках свежих впечатлений и молодых людей, готовых на «большую и чистую любовь» за деньги. Именно за это он и был арестован. Британские законы были в ту пору очень строги, что испытал на себе даже великий писатель Оскар Уайльд, которому сто лет спустя англичане решили, наконец, воздвигнуть памятник. В связи с серией убийств американца еще раз арестовали, дабы проверить его причастность к преступлениям, однако через три дня отпустили под залог. Выйдя из полиции, тот немедленно удрал во Францию, а оттуда перебрался в Штаты. В Англии же существует неписанное правило, согласно

которому подобные действия приравниваются к признанию собственной вины. Но американцы не выдали своего гражданина английскому правосудию, сочтя доводы коллег неубедительными. Возможно, в чем-то они были правы: Тамблито тогда было уже под шестьдесят, к тому же никаких документальных подтверждений его агрессивных действий против женщин не существовало.

Начальник же лондонской полиции считал наиболее серьезным кандидатом в преступники некоего Монтегю Джона Друитта. Этот молодой человек из аристократической семьи несмотря на плохую наследственность (в его роду на протяжении нескольких поколений отмечались случаи самоубийств) сделал прекрасную карьеру. Работая преподавателем в интернате, он заслужил блестящую репутацию, смог экстерном сдать на адвоката, после самоубийства психически больной матери стал обладателем хорошего состояния, а затем вдруг

Монтегю Джон Друитт

исчез, оставив записку: «Я чувствую, что собираюсь уподобиться матери, и лучшая вещь для меня – умереть». Его тело было выловлено из Темзы через несколько недель после гибели последней жертвы Потрошителя – Мэри Келли. В частной беседе с руководством полиции его родственники высказали предположение о возможной причастности Монтегю к преступлениям, однако не было никаких прямых улик, которые могли бы связывать Друитта по месту и времени с Уайтчепелем.

После Друитта под подозрение попал Аарон Козьмински, польский еврей, люто ненавидевший всех женщин и особенно проституток. В 1889 году его поместили в лечебницу для умалишенных, где он вскоре и умер. Джека Потрошителя в нем заподозрили потому, что его вроде бы опознал один из свидетелей. Но это опознание состоялось лишь спустя полтора года после того, как свидетель видел таинственного незнакомца.

Северин Клозовски и отравленная им жена Бесси

Был еще один поляк – некий Северин Клозовски, выдававший себя за Джорджа Чепмена. Он закончил медицинский факультет Варшавского университета. Когда у него умер ребенок, он попытался убить жену, которой чудом удалось спастись. Трем же другим его женам не повезло: всех их Джордж отравил одним и тем же ядом. Сам же Клозовски-Чепмен закончил свой жизненный путь на виселице. Наверное, он мог бы быть Джеком Потрошителем, однако в ту пору ему было всего лишь двадцать три года, кроме того, Чепмен убивал не ножом, а ядом. Так что место претендента на роль преступника вновь осталось вакантным.

На Западе сложилась целая мифология, связанная с именем Джека Потрошителя. Память о нем оказалась прочнее, чем о многих других выдающихся событиях той эпохи, и сделала его прозвище нарицательным. По количеству книг и исследовательских работ – более семи тысяч за сто пятнадцать лет! – он далеко опережает все криминальные сенсации, даже такие, как убийство Кеннеди и Мартина Лютера Кинга. И это при всем том, что серийная преступность во всем мире растет сейчас с необычайной быстротой.

В прошлом году, когда на прилавках американских магазинов появилась книга «Портрет убийцы: дело Джека Потрошителя закрыто» писательницы Патрисии Корнуэлл, разразилась еще одна сенсация. Эта американская Маринина – одна из самых высокооплачиваемых авторов криминального чтива в США – безапелляционно заявила, что под именем Джека Потрошителя действовал Уолтер Сиккерт – выда-

ющийся художник-импрессионист, которого искусствоведы считают лучшим английским живописцем после Тернера.

Сиккерт родился в Мюнхене, но еще ребенком вместе с родителями переехал в Англию. У него и в самом деле есть серия картин, которая носит общее название «Камдентаунское убийство». Корнуэлл обнаружила поразительное сходство фотографий из следственного дела Потрошителя, сделанных в 1888 году, с картинами художника. В ее книге фотографии жертв расположены рядом с репродукциями его работ, и сходство действительно впечатляет. Сцена на всех полотнах одна и та же: бедный интерьер, кровать, на ней нагая женщина, рядом с ней стоит полуодетый – в жилете, но без пиджака – мужчина. Поза убитой на одной из картин полностью совпадает с расположением тела самой последней жертвы маньяка. Сиккерт жил в Лондоне в период совершавшихся убийств, и у него была студия в Уайтчепеле. Зверства прекратились после того,

Уолтер Сиккерт

как художник надолго уехал во Францию и Италию.

Писательница так объясняет мотивы преступления: когда Сиккерт был еще ребенком, ему сделали операцию, в результате которой он стал импотентом. Художник был трижды женат, но остался бездетным. Кстати, версия о том, что убийца – импотент, рассматривалась уже тогда, когда шло расследование преступлений. В общем, маньяк мстил за свою мужскую несостоятельность.

Но кроме версии и догадок, нужны были веские доказательства. И писательница привезла в Лондон целую команду американских криминалистов, скупила тридцать две картины Сиккерта и стол, на котором художник смешивал краски, в надежде найти на них отпечатки пальцев или даже частицы ДНК. В общей сложности она потратила на свой проект шесть миллионов долларов из собственного кармана. Ценители изящных искусств пришли в ужас, узнав, что Корнуэлл изуродовала некоторые холсты в поисках вещественных доказательств и объявили ее действия актом вандализма.

Однако главной уликой, обнаруженной в ходе расследования, писательница считает анализ образцов ДНК Потрошителя, которые ей удалось получить с писем, отправленных им в полицию. Генетических образцов Сиккерта ей получить не удалось, поскольку художник был кремирован. Однако она достала образцы ДНК родственников художника, и они, по ее мнению, позволяют говорить о том, что Сиккерт и Потрошитель – одно лицо.

Выводы Корнуэлл привели многих британских искусствоведов в бешенство. Ричард Шоун, куратор

Картина Уолтера Сиккерта, изображающая лондонскую проститутку, и посмертное фото одной из жертв Джека Потрошителя

последней выставки художника, прямо назвал ее выводы «чудовищной глупостью». Да, некоторые картины как будто на самом деле списаны с натуры. Но первые такие работы появились в творчестве художника в начале двадцатого века, то есть спустя десять-пятнадцать лет после совершения преступлений. Сиккерт жил тогда во Франции, а именно здесь в 1899 году в одной из книг впервые были опубликованы фотографии жертв Джека Потрошителя, сделанные в свое время лондонской полицией. Вполне возможно, что Сиккерт видел эти фотографии. Фотографии – а не самих жертв.

И вот, наконец, нынешний, самый последний претендент. Недавно рабочие, проводившие капитальную реконструкцию одной из старинных лондонских хлебопекарен, нашли под полом потайную комнату, в которой находились

превратившиеся в мумии труп мужчины и останки двух женщин. Здесь же лежал пустой пузырек, что позволяло предположить самоубийство с помощью яда. В мужчине опознали доктора Найджела Торма, бывшего хозяина дома, который в 1900 году переоборудовал под пекарню. Рядом с трупом доктора лежали окровавленные скальпели и хирургические ножи, а раны на женских телах напоминали те, которые были у несчастных жертв Потрошителя.

Однако главным доказательством того, что именно доктор Торм был неуловимым маньяком, считается сюртук, надетый им перед смертью. Специалисты пришли к выводу, что сделано это не случайно: он как бы признавался в том, что он и есть тот самый маньяк.

Дело в том, что Джек Потрошитель оставил на месте одного из своих преступлений лоскут материи, как две капли воды похожий на ткань, из которой был сшит сюртук доктора Торма. Полную идентичность подтвердил и химический анализ. Сюртук, в котором нашли Торма, был на Джеке Потрошителя во время одного из убийств. Не исключено, что доктор Торм построил под домом тайное убежище и, мучаясь угрызениями совести, скрылся от людей в потайной комнате, где прожил несколько лет и потом свел счеты с жизнью.

Криминалисты считают, что современные исследователи довольно близко подошли к разгадке имени претендента на звание первого в мире серийного убийцы. Однако их успех во многом будет зависеть от того, сколь сохранными окажутся архивы Скотланд-Ярда.

Сергей ЧАЙКИН

НА МАЛОМ ЭКРАНЕ

Подошел к концу 2003 год, и киножурналы наперебой стали выяснять, кто в уходящем году был самый-самый. Естественно – кто бы сомневался! – разнокалиберные окуляры заокеанских и европейских изданий были устремлены на голливудских звезд. Как бы ни ругали мы Америку (а именно эта тенденция все увереннее укореняется в нашем сознании – мол, они там придурки, не чета нам, умным!), Голливуд оказывается вне конкуренции, а его мегасветила – недостижимыми образчиками успеха, популярности, лоска, богатства, короче, осуществленной уже в этой жизни мечты. Единодушные киножурналистов проявляется и в том порядке, в котором расставлены звезды по их популярности.

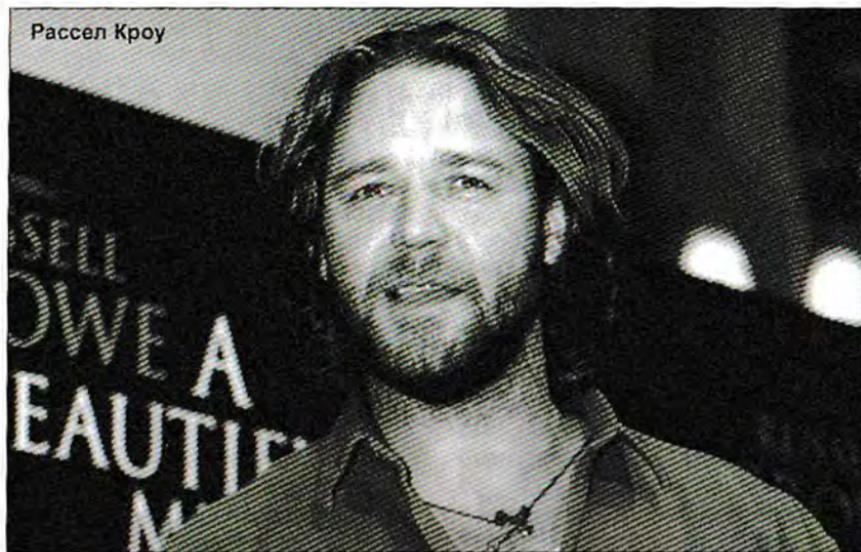
Самой яркой и талантливой звездой признана 36-летняя Николь Кидман. Ее в равной степени любят зрители и критики. За фильм «Часы» она получила «Оскара» в 2003 году, она снимается у европейцев за ничтожно малые по сравнению с голливудскими гонорары, руководствуясь своими исключительно профессиональными амбициями. На сегодняшний день Николь Кидман самая востребованная актриса – семь фильмов в запуске только у нее. При этом она ведет себя в высшей степени достойно, не предпринимая дешевых уловок, чтобы расположить к себе среднестатистического зри-

теля. Пережив трудный развод с Томом Крузом, она сумела остаться прекрасной матерью для своих приемных детей и использовать печальный женский опыт себе во благо. «Если хочешь добиться чего-нибудь стоящего, – говорит Кидман, – будь честной с собой».

Среди мужчин первое место, и опять-таки без разночтений, по обе стороны Атлантики получил Рассел Кроу, он же гладиатор, он же восхитительный ум, он же хозяин и командир. 39-летний актер из Новой Зеландии сегодня самая популярная личность в американском кино, и ему вновь прочат «Оскара». Хотя

Николь Кидман

к награде сам Рассел относится весьма пренебрежительно: «Фигурка «Оскара» стоит у меня в мастерской, всякий раз, когда друзья начинают просить: «Покажи да покажи», – я его вынимаю и после этого слышу только одно: «Ну и тяжелый, паршивец!»» В минувшем году у Кроу родился сын, которым он очень гордится и которого, в отличие от «Оскара», возит с собой по всем съемочным площадкам. «Думаю, – говорит актер, – что в этом возрасте дети не понимают географии, но зато они чувствуют заботу и любовь родителей. Поэтому мой сын всегда будет со мной, пока не придет время идти в школу. Ну а там посмотрим».

Другой, не менее интересный топ-лист составляют звездные гонорары. И что интересно, гонорары Кидман меньше, чем гонорары красотки Джулии Робертс. Со времен фильма «Эрин Брокович», принесшего ей «Ос-

кара», она остается самой высокооплачиваемой дивой, гонорар которой 25 миллионов долларов. Это, правда, не помешало ей сняться в режиссерском дебюте ее доброго приятеля Джорджа Клуни «Признание опасного ума» всего за 250 тысяч «зеленых». Гонорары Тома Хэнкса тоже давно уже перевалили отметку в 25 миллионов. А ведь всего-то двадцать лет назад этот безвестный новичок получал 70 тысяч за фильм. Спустя десять лет за картину «Форрест Гамп» он получил уже 70 миллионов. С тех пор его обычный гонорар – 25 миллионов долларов.

Последние две «Матрицы» прибавили к банковскому счету Киану Ривза 30 миллионов долларов, что позволило ему новый контракт в фильме «Константин» заключить на 20 миллионов. 25 миллионами за картину могут похвастаться Уилл Смит и Мел Гибсон, мускулистый губерна-

тор Калифорнии Арнольд Шварценеггер, а также комики Адам Сэндлер и Майк Майерс, он же идиотичный, но архи-популярный в Америке Остин Пауэрс. Впрочем, за роль в третьем «Терминаторе» Арни выпросил побольше – 30 миллионов, как говорится, припер студию к стенке, и студии пришлось раскошелиться: а что делать, ведь без него никакой Терминатор невозможен. Еще один комик, Джим Керри, вплотную подошел к 25-миллионной черте, подписав в этом году первый контракт за эту сумму.

Следующая планка в 20 миллионов преодолена вышеупомянутым Расселом Кроу. «Оскар», который стоит в гараже, сделал свое дело, и ставки актера стали расти. Леонардо Ди Каприо, несмотря на долгий перерыв в съемках, за картину «Поймай меня, если сможешь» смог получить 20 миллионов. Этой же суммой выражаются гонорары Харрисона Форда, Роберта Де Ниро, Брюса Уиллиса, Джона Траволты, Николаса Кейджа и Дензела Вашингтона. Эдди Мерфи, проложивший путь черным комикам на киноэкран, давно уже сам перестал быть по-настоящему смешным, но тем не менее его гонорар не становится меньше – 20 миллионов, хоть смеется зритель, хоть плачет. Кэмерон Диаз единственная из женщин зарабатывает 20 миллионов за фильм – этот гонорар помогла ей установить ее героиня по имени Мэри из фильма «Ох, уж эта Мэри». Таким образом, в женском топе она идет сразу же за Джулией Робертс. Это по части заработков, но не талантов и популярности.

Далее списком актеры, зарабатывающие не меньше 15-ти миллионов долларов за фильм, и среди них – то наша номер первая – Николь Кидман. Правда, наверное, ее утешает то, что она в приличной компании: Брэд Питт, Джордж Клуни, Джеки Чан, Шон Коннери, Бен Аффлек, Тоби Магуайер, Робин Уильямс и не снимающийся Сильвестр Сталлоне, Джек Николсон и Джоди Фостер, Дрю Бэрримор, Энтони Хопкинс, Томми Ли Джонс, Ричард Гир, Хью Грант, Риз Уизерспун, Сандра Буллок и агент 007 Пирс Бронсан. О тех, кто ниже 15-ти миллионов долларов, даже говорить не хочется. Мелочевка! Хотя именно там модница Дженнифер Лопес, латинский любовник Антонио Бандерас, Мишель Пфайффер и Мэг Райан.

Зато среди актеров, получающих не более 10 миллионов долларов за фильм, можно увидеть по-настоящему великие имена классиков. Здесь Аль Пачино, Роберт Редфорд, Стив Мартин, Сигурни Уивер, Сьюзан Сарандон, Мерил Стрип, Джонни Депп, Рене Зеллвегер.

Так что вывод, как всегда, один и тот же: не все то золото, что блестит. Впрочем, доживут ли наши звезды, Машковы да Мироновы, до таких сумм? Как говорится в одной пессимистической рекламе: «Не в этой жизни».

Посчитав чужие денюжки, давайте посмотрим чужие фильмы. Для начала рождественские, хотя понимаю, что в момент чтения вами журнала в пору будет прекрасных дам поздравлять с 8 марта. Но ничего,

обещаю, мелодрамы поближе к финалу.

Рождественский фильм **«Кот в шляпе»** критики одарили весьма не праздничными эпитетами: бессмысленный, абсолютно глупый, кретинский, ужасный, тошнотворный, безвкусный, вулгарный... Некоторым этого показалось мало, и они послали фильм на... помойку! При этом все они согласились с тем, что, учитывая Рождество и Новый год, «Кот без сапог» (так его окрестили некоторые особо злые журналисты), несомненно, соберет приличную кассу. Таким образом, стомиллионный бюджет, отпущенный на идиотизм, окупится, хвала детям и каникулам. Брат и сестра, девяти и шести лет соответственно, в дождливый день вышли погулять и встретили на улице странного человека-кота. Что тут началось! Собственно, это и есть сюжет.

Далее не важно «что», важно «как». Но «как» — мы уже знаем из уст критиков. Кто видел «Остина Пауэрса», тот да согласится с ними. Пестро, абсолютно глупо, дурновато — этим и завораживает. Фильм снят по книге писателя Доктора Цейсса, которой, в отличие от фильма, в свое время досталось немало похвал: ее называли полной очарования, восхитительных чудес, грации и красоты. Обозреватель одной из газет в своей рецензии заявил, что «если бы продюсеры фильма выкопали тело писателя из могилы и подвесили его на дереве вверх тормашками, это было бы меньшим надругательством, чем снятый ими фильм». Дружному хору порицателей противостоит лишь один критик, поющий фильм осанну: «Забудьте о почитительности: тут все из области "порочной клеветности" и "получения удовольствия с чувством вины"». Судя по кассовым сборам фильма за первый уикэнд, «порочная клеветность» — это то, что надо для современного зрителя накануне самого веселого праздника в году.

Еще одна рождественская комедия и еще один сюрприз для зрителей. Приятный или неприятный — это как посмотреть. Фильм **«Плохой Санта»** признан разрушающим традиционные семейные ценности и награжден рейтинговым значком «R», предупреждающим родителей, что сказка про Деда Мороза не для нежного детского возраста. Честно сказать, одно лишь упоминание Билли Боба Торнтона в титрах должно было бы вызвать дрожь в пуританских

Билли Боб Торнтон - кому, как не ему, быть плохим Сантой?

коленках ханжей, бдительно защищающих семейные ценности. А уж если Билли Боб, известный своими эпатажными выходками, восьмью браками и извращенным сознанием состарившегося тинэйджера, играет Санта Клауса, то единственное, что можно тут сказать, так это «Bad Santa». Именно так – честно – и поступили авторы, в числе которых исполнительные продюсеры Джоэл и Этан Козны, а также сам Торнтон. При таком наборе авторов рождественская комедия из украшенной бело-розовым кремом естественно превратилась в «черную», болезненную, с червоточинкой. Следовательно, для взрослых со склонностью к черному юмору «Плохой Санта» – это лучший подарок на праздник, безумный, причудливый, при этом необъяснимо смешной

фильм. А Билли Боб Торнтон самоубийственно комичен в необычной роли Санты, который на самом-то деле алкаш, заядлый курильщик и вор, вышедший на «сезонную работу» в красном кафтане святого. Вместе со своим придурочным Эльфом (Тони Кокс) он, воспользовавшись предпраздничной суетой и толкотней, обворовывает супермаркеты. В фильме много смешных реплик, в массе своей нецензурных. Один американский критик назвал в этой связи картину «раем для матерщинника» и добавил, что в фильме есть множество забавных фраз, ни одну из которых нельзя напечатать в приличной газете.

«Эльф» в пике «Плохому Санте» – традиционный, просчитанный коммерчески, сверенный с приличиями рождественский фильм. И результат, между прочим, вполне милый, приятный для детей и взрослых. Я ничуть не шучу, потому что твердо уверена, что семейный «рождественский заказ» выполнен авторами со вкусом и умением. Забавно, конечно, то, что американские цензоры даже в этой невинной ленте что-то этакое усмотрели и рекомендовали взрослым непременно сопровождать своих деток во время просмотра. Мальчик Бадди, которого когда-то Дед Мороз забрал с собой на Северный полюс, вырос среди эльфов в без малого двухметрового детину. И вот однажды, в канун Нового года он принял решение вернуться в мир людей, чтобы найти своего отца, который достоин любых эпитетов, кроме одного – «хороший человек». В роли папаши Джеймс Каан.

Тридцатишестилетний Уилл Феррел, ростом 1 метр 95 сантиметров, – настоящее открытие этого фильма. Рождественские плакаты с его изображением в желтых трико и островерхом колпаке украшали Манхэттен, робкая же и хитрая улыбка обещала детям стать со-участниками веселых походов чловеко-эльфа, эдакого взрослого ребенка, в поисках любящего родителя. Уиллу Феррелу, уже восемь лет работающему в программе «Субботняя ночная жизнь», в которой в разное время стартовали нынешние звезды кинокомедии Джеймс Белуши, Стив Мартин, Билл Мюррей и Бен Стиллер, и получающему самые высокие гонорары за всю историю ее существования, прочат звездный взлет и место пластилинового комика Джима Керри. Хотя лично мне показалось, что Феррел, в отличие от Керри, не злоупотребляет своей

способностью корчить рожи и творить с лицом черт-те что. Он более традиционен и совершенно не чужд ностальгической ноты, которая свойственна всякому Рождеству и Новому году. Время-то идет, годы-то летят.

Продолжая обзор предновогоднего кинорепертуара, посмотрим и другие комедии, пусть не рождественские, но оттого только выигрывающие. Режиссер Нэнси Майерс, известная своей картиной «Чего хотят женщины», собравшей 183 миллиона долларов и ставшей самым крупным хитом проката в жанре житейской истории, снятой женщиной, сняла новый фильм «**За всё надо платить**» (в другом переводе – «Любовь по правилам и без»), в котором номинально в главной роли мужчина, а фактически героинями и победительницами оказываются женщины. Это потому, что Нэнси, видимо, не чужд здоровый

американский феминизм, когда мужчина вас ни в дверь не пропустит, ни пальто вам не подаст. И не потому, что он не воспитан, а потому, что бабами запуган и страшно боится их обидеть, подчеркнув, таким образом, неравенство полов. Могут ведь и в суд потащить! Вот поэтому-то и получилось, что в главной роли сам Джек Николсон, которого критики впервые назвали «вторым». Можете такое себе представить? И я не могу. Не знаю, считает ли Николсон, что все это «бабские козни», или просто не вникает в восторженные дифирамбы, адресованные на этот раз не ему. Критики же наперебой пишут о «непревзойденном комическом даре Дайаны Китон», о ее мастерском, «цельном и головокружительно непредсказуемом», исполнении, а также о том, что она «украдала» фильм у Николсона. С другой стороны, справедливости ради заметим, что в сюжете картины роль Китон более вы-

игрышная. Стареющий ловелас (догадываетесь, кто бы это мог быть?!), ухлестывающий за юными красотками, неожиданно для себя влюбился в мамашу (Дайана Китон) своей очередной подружки (Аманда Пит). Чтобы справиться с проблемой любовного треугольника, герои фильма отправляются – догадываетесь, к кому?! – правильно, к психоаналитику, которого играет Киану Ривз. Победивший Матрицу Киану, конечно, справился бы с такой мелочью, как простой треугольник, если бы... если бы он сам не был влюблен в мамашу, которая к тому же еще и писательница, автор женских романов. На самом деле Николсон и Китон превосходно взаимодействующая пара, они прекрасно подходят друг другу для романа «позднего среднего возраста». Очень просто представить их в подобной ситуации и в реальной жизни, а это залог успеха. Так что непременно посмотрите

Охальники-режиссеры братья Фаррелли

этот фильм, он веселый и трогательный, хотя и возрастной.

Еще одна комедия с совершенно необычным героем. Думаю, не ошибусь, если скажу, что такого героя в кино еще не было. Фильм «**Застрял в тебе**» снят режиссерами Питером и Бобби Фаррелли. Эту историю охальники братишки Фаррелли придумали еще до своего дебюта «Ох,

уж эта Мэри». Студии им дружно отказали, несмотря на то, что в разное время проявляли готовность войти в проект Джим Керри, Вуди Аллен и Уилл Смит. Наверное, история о сиамских близнецах была навеяна собственным богатым «братским» опытом неразлучных дома и на работе Питера и Бобби, но доведена до скабрёзного абсур-

Кадр из фильма «Застрял в тебе»

да. Итак, два близнеца (Мэтт Дэймон и Грег Киннейр) решают отправиться из своего родного Массачусетса в Голливуд, потому что один из них очень хочет стать артистом. Второй, естественно, отправляется за компанию, поскольку у него и выбора нет. По выходе комедия сразу же окрестили «антиполиткорректной», что говорит о верности братьев себе и своим представлениям о «юморе без границ» как в физиологическом, так и в политическом, и в социальном, и в расовом отношении. Но вместе с тем нельзя не признать, что, взрослея, братья Фаррелли стали дрейфовать от эпатажа к сентиментальности. Впрочем, повторюсь, возможно, это связано с тем, что фильм для них носит личный, в некотором смысле автобиографический характер. Они, конечно, не сиапцы, но завязаны друг на друга в жизни и в творчестве. Вчерашние критики их грубого, шокирующего, скотоложеского юмора нынче

сокрушаются по поводу того, что братья Фаррелли помягчали, ослабили свой натиск и занялись банальными «слезовыжималками». Не станем загадывать, тем более что фильм, напомним, был задуман еще до «Мэри», так что на деле все еще может вернуться на круги своя. Вот только вопрос: что тогда скажут эти вечно неудовлетворенные и такие непоследовательные критики?!

Не знаю, как переведут прокатчики название следующей комедии, когда она достигнет России, – «Настоящая любовь», или «Всамделишная любовь», или, может быть, «Актуальность любви» (перевели как **«Реальная любовь»**. – Ред.), во всяком случае, по-английски название складывается из двух простых слов «Love Actually», так что можете сами пофантазировать. А вот по сути картина о том, что «любовь вокруг нас». Режиссер Ричард Кертис дебютант, но не новичок в кино. Он сценарист, написавший сцена-

Кадр из фильма
«Реальная любовь»

рии таких известных фильмов, как «Четыре свадьбы и одни похороны», «Дневник Бриджет Джонс» и «Ноттинг Хилл». В свой фильм-дебют Кертис пригласил феноменальный состав звезд: Хью Гранта, Лайама Нисона, Колина Ферта, Лору Линни, Эмму Томпсон, Роузана Аткинсона, он же мистер Бин, чтобы рассказать пять любовных историй, в которых задействовано десять человек, не знакомых друг с другом и случайно очутившихся в одном месте в одно время, а именно – в аэропорту Хитроу накануне Нового года. Писатель (Колин Ферт), покинутый женой и пытающийся обольстить иностранку; английский премьер-министр (Хью Грант), влюбленный в свою служанку; супружеская чета со стажем (Эмма Томпсон и Алан Рикман); вдовец (Лайам Нисон) со своим приемным сыном; двадцатилетний юнец, мечтающий найти сексуальный рай в Висконсине; рок-стар, выпускающий альбом с симптоматичным названием «Любовь вокруг нас», – и это еще не все персонажи, которых представит нам большой выдумщик и последователь Олтмена сценарист и режиссер Ричард Кертис. Эту комедию долго и с особым нетерпением ждали, она снята в английском духе, поэтому на оценки американских критиков, щедро отваливших ей две звезды из пяти, я бы не полагалась. Посмотрите лучше сами, не обманула ли она возложенных на нее ожиданий и надежд.

«Большая рыба» тоже комедия, снятая режиссером Тимом Бартоном. Тим Бартон

Кинорежиссер Тим Бартон

верен себе и своему излюбленному жанру гротеска. Чтобы он ни снимал – «Эдварда руки-ножницы» или «Легенду о сонной лощине», «Эда Вуда» или двух Бетманов, он бесстрашно смешивает ужас и фантастику, приправляя сие блюдо юмором и гротеском. Он, как и его герой-следователь из «Сонной лощины», вооружился кривым увеличительным стеклом и сквозь него смотрит на создаваемый им, далекий от реальности мир. На этот раз его история – о цирке-шапито и о людях цирка, ярких, странных, напоминающих скорее маски, чем обычных людей из толпы. Среди персонажей фильма женщина, ведьма болотная, в исполнении Хелен Бонэм Картер, подруги режиссера, родившей ему в сентябре прошлого года сына; директор цирка, великий коротышка Денни Де Вито; и гигантский человек – пожиратель кораблей, которого играет человек по имени Мэттью МакГрори, двухметро-

Кадр из фильма «Большая рыба»

вого с лишним роста и неизвестного веса, потому что нет таких весов, которые могли бы указать его массу. Все они участники фантазмагорических историй, которые роятся в спутанном воображении умирающего от рака коммивояжера (Элберт Финни). Его сын-журналист (Билли Крадап), с большой неохотой приехавший домой, вынужден выслушивать бред больного и пребывает в страшном смущении от юношеских проказ отца. Как и все фильмы Бартона, «Большая рыба» безупречна с кинематографической точки зрения. Но к такому кино надо иметь вкус.

Пожалуй, пора пресечь поток комедий и перейти к фильмам, которые являются полной им противоположностью, — к триллерам и ужасикам. Хотя и те и те, в конечном счете, выпол-

няют одну миссию — развлекают. Серьезный детектив «Сбежавший присяжный» представляет собой еще одно заковыристое судебное разбирательство, в свое время вышедшее из-под пера мастера толстого детектива Джона Гришэма. У кинематографистов есть только один способ экранизировать многостраничные пространственные подробности, делающие честь Гришэму как литератору и знатоку права, — это снимать длинные трехчасовые фильмы, в которых «реализм, реализм и только реализм», как в суде «правда, правда и только правда»... В фильме заняты превосходные актеры, Хэкмен и Хоффман, впервые снимающиеся вместе, а все сцены в суде выполнены виртуозно. Джон Кьюсак играет присяжного, который должен осудить мультинациональную табачную корпорацию, вредящую «нашему здоровью»

своим товаром. Оказывается, виноваты не курильщики, самостоятельно разрушившие свои легкие, что повлекло сами понимаете что, а производители табака. Во всяком случае, в Америке так. Главное – вовремя подать на табакопроизводителей в суд и назвать сумму ущерба, якобы способную вернуть вам утраченное здоровье. Еще в фильме есть красотка Рейчел Уайц, которая должна скомпрометировать и коррумпировать присяжного Кьюсака, – это «глоток свежего воздуха». Ведь в зале кинотеатра можно сидеть безвылазно. А из зала суда периодически хочется на волю выйти. Тот, кто любит жанр «судебных хроник», получит удовольствие от высокого исполнительского мастерства режиссера и актеров, которые достойны «Оскар», но едва ли его получают, потому что, по заведенной американскими кино-

академиками традиции, оценивается не столько мастерство, сколько меткое попадание в популизм.

В этом отношении криминальный триллер **«Вне времени»** ближе к искомой цели. Я думаю, многим поклонникам триллера приходилось попадать на фильмы, в которых все приемы видены, все ситуации перевидены, но, несмотря на «бэушные» стереотипы жанра, в какой-то момент вы вдруг начинали понимать, что такого в вашей зрительской практике еще не было. Как говорится, «новое вино (или кино?) в старые мехи». Именно так и произошло с фильмом «Вне времени». Разве не банальна история о том, как черного полицейского (Вашингтон) из заштатного городишки во Флориде обвинили в двойном убийстве! Разве не зауряден сюжетный ход, когда у подозреваемого есть один только шанс оправ-

Дастин Хоффман (фильм
«Сбежавший присяжный»)

Кадр из
фильма
«Вне
времени»

даться – самому найти настоящего убийцу или убийц. Вспомните хотя бы «Беглеца» с Харрисоном Фордом или «Врага государства» с Уиллом Смитом. Но отправляясь по этой проторенной кинематографистами тропе, вы с удовольствием обнаружите, что в картине есть нечто неуловимое, то, что называется «магией кино» и что сообщает фильму «легкое дыхание», очарование игры. В этом и состоит главный парадокс и сюрприз фильма. Впрочем, насчет «Оскара» я, пожалуй, погорячилась.

Настоящие, истовые поклонники триллера хорошо знают не только американских спецов в этой области, но и европейских. Среди них первым номером идет Дарио Ардженто, автор «Темно-красного», «Синдрома Стендаля», «Призрака Оперы», которого фанаты давно возвели в ранг культового режиссера и классика жанра. Новый психотриллер Дарио Ардженто «**Картежник**» ожидается на итальянских экранах в январе и расскажет

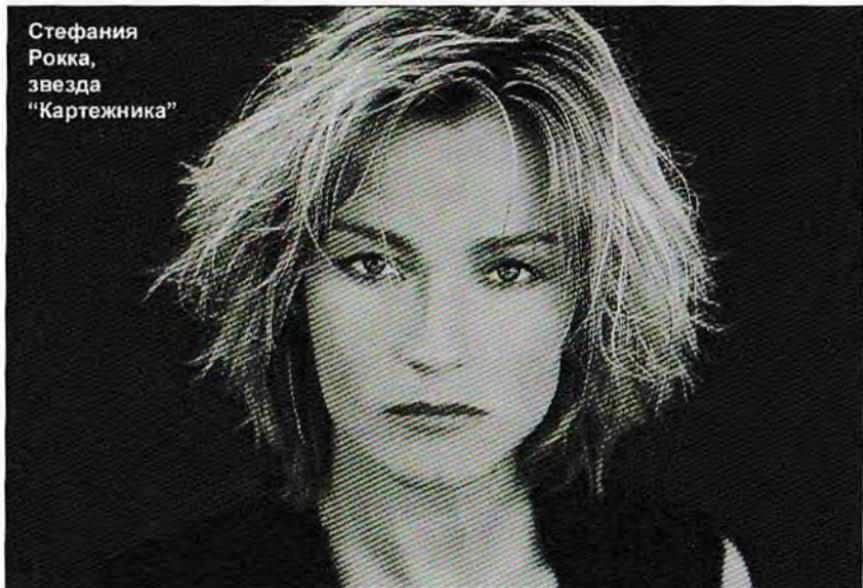
о серийном убийце, который находит свои жертвы среди игроков в покер, сражаясь с ними на веб-сайтах. Таким образом, и в Италии хоррор перебрался из реальной жизни в пространство Интернета. Впрочем, убивают в фильме не виртуально, а абсолютно реально, с изощренной фантазией, отличающей почерк всех убийц, которых наплодил Дарио Ардженто. Преследует маньяка женщина-полицейский, великолепно сыгранная молодой актрисой Стефанией Рокка. Дарио Ардженто признается, что, задействовав Интернет, он все равно сохранил приверженность максимально реальному ужасу. В фильме практически полностью отсутствуют компьютерные спецэффекты, жестокость реальна, страх смерти реален, убийство реально. Ардженто не оставил зрителю ни малейшей возможности спрятаться за спасительную мыслишку – мол, в жизни такого не бывает. Нет, бывает, говорит фильм Ардженто. «Чтобы спастись, – полагает

Ардженто, – надо уметь рисковать. Риск – область, пограничная со страхом. Когда играешь, боишься проиграть, то есть потерять. Этот страх трансформируется в эйфорию. Для тех, кто не знает вкуса риска, страх потерять сильнее, чем удовольствие испытать этот страх. Покер – игра для тех, кто любит рисковать». И еще Ардженто любит женщин-полицейских. В «Синдроме Стендаля» снялась его дочь Асия Ардженто, в новом фильме Стефания Рокка. Режиссер уверен, что женщины более впечатлительны и более чувствительны, поэтому они способны выходить на психологический контакт с преступником, взаимодействовать с ним не в реальном, а в идеальном мире. Поэтому режиссер с легкостью подставляет маньяку красивых героинь: если они его и не победят, то уж непременно изведут. Да и зрителям

сопереживать красивой и молодой женщине легче, чем вооруженному до зубов, накаченному молодцу без единой мысли под бейсболкой.

Ну и наконец, мелодрамы, жанр спокойный, трепетный, слезливый. Очищающий. «Холодная гора» – одна из последних работ Николь Кидман, с которой мы начали нынешний обзор. Снял фильм Энтони Мингелла, прославившийся «Английским пациентом» и подтвердивший свою режиссерскую даровитость «Талантливым мистером Рипли». Поклонник хорошей современной литературы, Мингелла на этот раз взялся за одноименный роман Чарлза Фрейзера, получившего в 1997 году Национальную премию «Книга года». Действие романа и фильма происходит в конце Гражданской войны. Раненый солдат (Джэд

Стефания
Рокка,
звезда
«Картежника»

Рене
Зеллвегер
в фильме
«Холодная
гора»

Лоу) возвращается домой в Северную Каролину после того, как войска Конфедератов дезертировали в Вирджинии. В это же самое время его возлюбленная, абсолютно городская молодая женщина (Николь Кидман), пытается научиться вести хозяйство на ферме, расположенной в горах. Ей помогает местная жительница (Рене Зеллвегер). Как всякий исторический фильм, «Холодная гора» потребовал от его создателей довольно внушительных бюджетных вливаний, поэтому сумма в 80 миллионов долларов, отпущенная компанией «Мирамакс», не должна казаться огромной. Костюмы, декорации – в Румынии был построен целый город начала девятнадцатого века, повозки и проч., все это выглядит вполне достоверно. Но вот прозвучит ли любовная история столь же пронзительно и искренне? Думаю, на этот вопрос каждая зрительница будет давать ответ самостоятельно.

И под финал вестерн «Пропавший без вести», поставлен-

ный режиссером Роном Хоуардом, прошлогодним оscarовским лауреатом за фильм «Великолепный ум». Вестерн – значит, история и обязательно, хоть немного, хоть чуть-чуть любовь. Действие происходит в 1800 году в Нью-Мексико, так что история налицо. Вообще Рон Хоуард впервые пробовал свои силы в классическом жанре. И хотя режиссер уверяет, что следовал заветам Джона Уэйна, создавая фильм в традиционных канонах, но даже непосвященный скажет, что это не так. Кроме исторического фона, в фильме нет ничего типичного для вестерна. Во-первых, в центре образ женщины, что, скорее, относится к разряду исключений, чем к правилу. Во-вторых, сюжет строится вокруг похищения ребенка с целью выкупа, что для вестерна тоже весьма нетипично. И даже скорее экзотично. В главной роли Кейт Бланшетт, которая играет женщину с двумя дочерьми на руках. У нее есть возлюбленный (Аарон Экхарт) и отец-алкоголик (Томми Ли Джонс), который бросил ее на территории, принадлежащей апачам, и вернулся через десять лет с желанием примириться. Вместе они пытаются вернуть ребенка. Скачки, стрельба, поиски преступника, – все это делает фильм отличным приключением. Собственно, таким и должен быть коммерческий кинематограф в отличие от авторского или, как сейчас стало принято говорить, арт-хаузовского. О нем мы рассказываем редко, но в новом году обещаем исправиться.

Елена НИКОЛАЕВА

НОВОСТИ ВИРТУАЛЬНОГО МИРА,

или

ВО ЧТО БЫ НАМ СЫГРАТЬ?

СФЕРА

Требования к оборудованию:

Процессор Pentium PII-800
 Оперативная память 128 Мб
 2-скоростной CD-ROM
 Свободное пространство на диске 700 Мб
 Совместимый с Direct X 3D-ускоритель, уровня не ниже GeForce2 с 32 Мб видеопамяти
 Модем со скоростью не менее 19200 кБит/сек
 Выход в Интернет
 Windows 95/98/ME/2000/XP
Внимание! Для нормальной работы игры на вашем компьютере должны быть открыты для доступа следующие порты:

Порт	Протокол
1900	TCP/IP
2234	TCP/IP
25858	UDP

В конце 2003 года произошло событие, которое, несомненно, войдет в историю отечественной

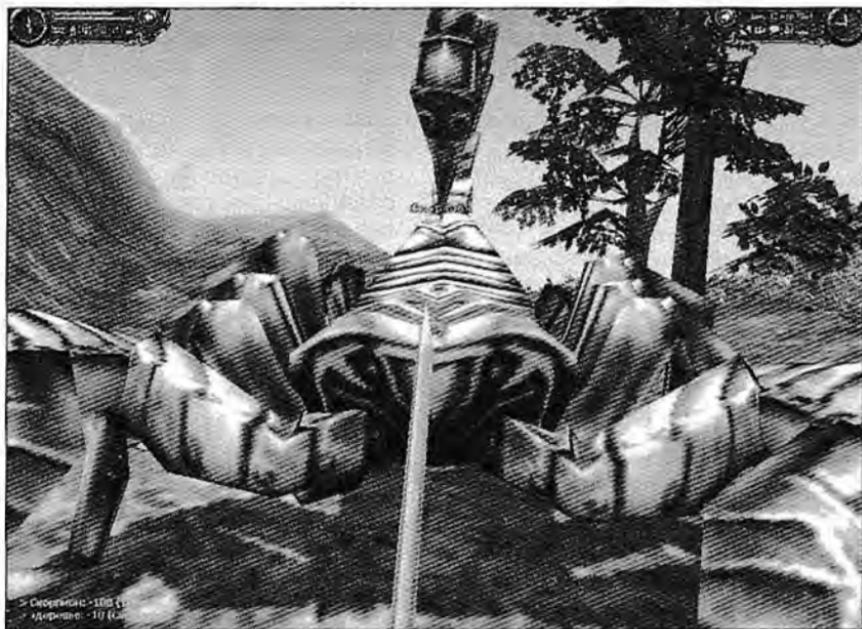
игровой индустрии: компания «Nikita» и фирма «1С» при участии компании «Yandex» отправили в свободное путешествие по всемирной паутине первую российскую сетевую игру «Сфера».

Жанр этой игры носит название MMORPG (massively multi-player online role-playing game – массовая многопользовательская онлайн ролевая игра). Главной ее особенностью стала изначально заложённая разработчиками онлайн-природа игры. То есть игра размещается на сетевом ресурсе, а все игроки подключаются к этому ресурсу через Интернет. Вся техническая поддержка обеспечивается компанией «Yandex». Это и выделение серверов для размещения игры, и предоставление возможности оплаты игрового времени с помощью своих ресурсов. «Сфера» – это новый для России вид компьютерно-игрового бизнеса. Доход приносит не только продажа дистрибутивов, но и абонентская плата пользователей, желающих играть в виртуальном пространстве. Право подключения к игровому серверу в течение месяца стоит \$5.

Онлайн-игры имеют почти десятилетнюю историю (первая коммерческая MMORPG появилась в середине девяностых

годов), однако для наших игроков они были малодоступны в силу разных обстоятельств. При создании «Сферы» разработчики постарались учесть российскую специфику. Так, отсутствие практического опыта у игроков в онлайн-мирах привело к упрощению интерфейса и управления и ролевой системой. Коммутируемые модемные соединения зачастую ограничены скоростью 19000-28000 кбит/сек, а реально и того меньше, а потому «Сфера» оптимизирована настолько, чтобы любой российский пользователь чувствовал себя в ее игровой среде комфортно. Кроме того, успешно решена еще одна немаловажная проблема – оплата ежемесячных взносов. На сайте «Сферы» созданы все условия для работы с учетной записью и оплаты игрового времени. Прос-

тая оплата и небольшая розничная цена делают «Сферу» доступной в любой точке России. И, кроме того, отсутствует языковой барьер, являвшийся для большинства рядовых пользователей серьезным препятствием на пути освоения виртуальных миров «EverQuest», «Asheron's Call», «Star Wars Galaxies» и десятков других. Таким образом, было убито сразу несколько зайцев: языковые преграды больше не мешают массовому распространению игры, учтена небольшая пропускная способность российских «последних миль» и решена проблема с оплатой игры. Стоимость абонентской платы за месяц игры в 5\$ кажется вполне приемлемой (для сравнения – за удовольствие гулять по просторам «Ultima Online» и «Anarchy Online» придется выложить 10\$,

а мир «Star Wars» и того дороже – 15\$).

Игровой мир «Сферы» – это огромный трехмерный мир с несколькими отличными друг от друга порталами, количество которых постоянно увеличивается (не без участия разработчиков игры, разумеется). Это возможность создания собственных кланов или – при желании – вступления в уже существующий клан и совместного выполнения заданий. А также разнообразная флора и фауна и десятки самых разных монстров на выбор для персонажей всех уровней.

Действие игры происходит в некоей Сфере – древнем магическом мире, существующем параллельно с нашим. К сожалению, мирным соседство двух пространств не получилось, и все происходящее в Сфере негативные события самым пагубным образом отражаются на том мире, в котором мы живем. Именно поэтому вам необходимо срочно вмешаться и сделать все возможное для предотвращения всеобщей катастрофы.

Ну и, конечно же, существует предыстория.

Сфера была создана в 1348 году по нашему летоисчислению. Средневековый монах, назвавший себя Ткачом, «соткал» Сферу с помощью чтения мантр из случайно попавшего к нему древнеиндийского манускрипта. А история самого манускрипта еще более древняя и очень запутанная.

Давным-давно в далёкой Индии жили монахи. Уже не никто не вспомнит, чем они занимались, но создали в итоге очень интересное заклинание. Суть его

в том, что тот, у кого хватит сил несколько дней подряд читать определенные мантры, сможет создать свой собственный мир, дабы укрыться в нем от всяческих проблем. Как это часто случается с заклинаниями огромной силы, записано все это было на свиток, о котором благополучно забыли, когда умер тот, кто его написал. Свиток этот передавался из рук в руки, никто не представлял, для чего он нужен, пока он не попал к одному хитрому монаху по имени Теофил.

На пути в Грецию, где он собирался в тиши монастыря «поработать с документами», Теофил оказался в Константинополе, где его (очевидно, в качестве наказания за кражу свитка) сразила лихорадка, от которой он, претерпевший в пути много лишений, не смог оправиться. Бумага в то время была большой ценностью. Пергамент могли использовать несколько раз, стирая ненужные записи. Перед смертью, понимая, что драгоценный манускрипт может постигнуть та же участь, Теофил решил пойти на обман. Он сообщил исповедовавшему его священнику, что на пергаменте записан перевод нескольких глав Священного Писания на санскрите. В итоге пергамент оказался в библиотеке константинопольского патриарха. В 1204 году в результате четвертого крестового похода после долгой осады был разрушен Константинополь. В качестве одного из трофеев папе Иннокентию III доставили оправленный золотом пергамент. В 1244 году другой папа, Иннокентий IV, спасаясь от императора Фридриха II, бежал во Францию, в мо-

настерь Сен-Жюст. Вместе с частью папской библиотеки в монастырь попала и «Локашастра» – так назывался свиток. Через какое то-время он был обнаружен там монахом Батистом (кроме монахов в то дремучее время не было полиглотов), который скуки ради перевел его на латынь с санскрита. И вот что удалось ему узнать. Для создания другого, параллельного мира требуется кропотливое и точное чтение мантр на протяжении нескольких дней. Читающий может менять порядок следования мантр и, таким образом, создавать тот или иной мантровой узор. Из-за схожести процесса чтения мантр и процесса тканья ковра человек, создающий мир, назывался Ткачом.

От узора мантр зависит, каким будет мир. Важна также сос-

редоточенность Ткача и его эмоциональное состояние. Читая мантры без волнения и гнева, Ткач создает иллюзорный Мир Счастья, в котором можно укрыться на случай природных катаклизмов. Связанный с Внешним Миром Пуповиной, Мир Счастья не только служит убежищем, но и сглаживает катаклизмы Внешнего Мира. Ход времени в здесь замедляется в двенадцать раз: пока здесь проходит год, там проходит месяц. Через месяц-два внутреннего времени Мир Счастья растворяется во Внешнем Мире, и все населяющие его существа безболезненно возвращаются домой. Совсем иная картина получается, если Ткач, создавая иллюзорный мир, пребывает в волнении или ошибается при чтении мантр. В этом случае лучшее, что он может сде-

лать, – это «распустить» ткань неудачного мира путем обратного чтения мантр. Иначе созданный мир становится Миром Страданий. Мир Страданий обманчив. В нем можно найти убежище от катаклизмов Внешнего Мира, но это убежище постепенно само превращается в источник бедствий. Также связанный с Внешним Миром Пуповиной, Мир Страданий тянет из него соки и постепенно разрастается. Время в Мире Страданий ускоряется в двенадцать раз: за месяц по нашему времени там проходит год. Правда, срок жизни населяющих его людей и животных значительно увеличивается, но они незаметно для себя теряют память, изменяют внешний облик и лишаются возможности вернуться во Внешний Мир.

Через 8000 лет по внутреннему счету (что соответствует примерно 666 годам по счету Внешнего Мира) Пуповина рвется, и все населяющие Мир Страданий существа гибнут. Перед разрывом Пуповины во Внешнем Мире происходят различные бедствия.

Таковы были тайны, которые брат Батист почерпнул из манускрипта, рассчитывая в будущем подыскать себе преемника и передать тому тайные знания. Сам брат Батист опасался применять эти знания на практике, так как, во-первых, никаких страшных бедствий в его мире не происходило, а во-вторых, его пугало зловещее число 666, упомянутое в тексте.

Однако через три года, в 1348 году, в Европу из пустыни Гоби пришла чума, уносившая миллионы жизней и особенно свирепствовавшая во Франции. Брат Ба-

тист решил стать Ткачом и создать иллюзорный мир в качестве убежища от чумы. Два дня он, никем не замеченный, читал мантры в своей келье, однако на третий день один из монахов подслушал, как Ткач читает колдовские заклинания. Брата Батиста немедленно обвинили в колдовстве и заточили в подземелье, чтобы сжечь его в очистительном огне. Во время чумы суд был недолгим.

Брат Батист сумел сохранить самообладание и безупречно шептал по памяти мантры вплоть до того момента, когда в его легкие проник дым костра. В этот миг он увидел появившуюся над монастырем Пуповину, уходившую в небо; оставалось прошептать всего несколько слов, и брат Батист произнес их, но предательский дым в легких исказил магические звуки. Пуповина стала неустойчивой. Проглотив брата Батиста и еще нескольких людей, она хаотично и с огромной скоростью стала плясать над городами Европы и Англии, поглощая случайных людей, животных, растения и даже постройки. Затем Пуповина совершила свой последний, огромный скачок в Атлантический океан, там замедлила свой ход и провалилась где-то в районе Бермудских островов. Поэтому в созданном иллюзорном мире выход во Внешний Мир оказался затоплен водой. Но кроме всех этих неприятностей, оказалось, что монахи, решившие сжечь брата Батиста, не позволили ему завершить формирование Мира Счастья, и созданный мир оказался Миром Страданий.

Что же увидели люди, попавшие в иллюзорный мир? Несколько озер с пресной водой,

обилие еды – овощей и фруктов, равномерное движение Солнца, дающее всегда одинаковую продолжительность дня и ночи и, как следствие, вечное лето. Земля иллюзорного мира являла собой огромный диск, висящий в бесконечной пустоте; диск позднее назвали Гиперионом. Люди были чрезвычайно напуганы. Некоторые считали, что они попали в чистилище или даже в ад, другие полагали, что они оказались на одной из небесных сфер. Некоторые сошли с ума.

Через несколько месяцев жизнь стала постепенно налаживаться. Попавшие в новый мир домашние животные облегчали жизнь переселенцев. Для нового мира постепенно сложилось название Сфера. Общее количество населения в Сфере было около двадцати тысяч.

На сегодняшний день мир Сферы населяет довольно многочисленное и разнообразное население, заселяющее четыре континента. В дальнейшем разработчики обещают увеличить их количество. В перспективе вас ждет шесть континентов общей площадью около двухсот квадратных километров. Материки располагаются в пустоте ступенчато. Ниже всех – мрачный Харон, средний – Гиперион, выше всех – царственный Леон. Местонахождение каждого персонажа в «Сфере» определяется его кармой. Карма – это своеобразный баланс твоих добрых и злых дел. Совершая различные действия, вы накапливаете карму. Карма может быть нейтральной, положительной и отрицательной. После смерти каждый персонаж появляется в ближай-

шем портале, который соответствует его карме. Для положительной кармы портал расположен в благоприятном, спокойном месте с отсутствием монстров. Для нейтральной кармы портал располагается в не очень опасном месте. Портал для персонажей с «дурной» кармой располагается в местах скопления опасных монстров. Портал соответствует одному из материков. Чем хуже карма, тем хуже расположение материка.

Убийство других игроков в целом не запрещено, если оно происходит вне безопасных зон (городов). Однако это ухудшает карму. Если ваша карма очень низка, то после второго рождения вам предстоит прожить новую жизнь на материке Харон. Это особое место со своими обитателями, своей стилистикой и с вечно красноватым небом. Там нет безопасных мест, и смерть подстерегает вас на каждом шагу. Там живут те, кто не признает законов верхнего мира: там царят свои законы. Выйти с Харона можно, только выполняя специальные миссии для улучшения кармы. Но можно и продолжать творить беззаконие. Наиболее преуспевший во зле сможет стать герцогом Харонским. Если вам удастся получить такой титул – вы сможете покинуть Харон и появиться на верхних материках, где будете сеять ужас среди мирных жителей.

Мир Сферы был создан, чтобы спасти в нем от свирепствовавшей в то время чумы, но убежище получилось с дефектом. Мирные жители стали трансформироваться в мифологических существ, далеко не всегда дру-

желубных. С точки зрения развития мир Сферы является полной противоположностью нашему – в то время как у нас развивалась наука, потомки магов, в которых переродились жители Сферы, наращивали свои магические возможности и волшебство. Сфера населена благородными рыцарями и безжалостными некромантами, величественными драконами и отвратительными зомби. Местность, напоминающая Европу Средних веков, густо заселена разнообразным зверьем, в городах нетерпеливо топчутся пузатые торговцы, старушечки отвратительной наружности вразнос торгуют травами и приготовленными из них зельями разного назначения.

В мире Сферы действует иерархическая система, во многом сходная со средневековой. Существуют сословия и титулы – от простолюдинов до герцогов. Земли и квесты также разделены по сословному признаку, какие амулеты на себя ни навешивай, пока бароном не станешь, серьезно с тобой разговаривать не будут. Вступая в игру на второй ступени, игрок может заслужить аристократический титул и подняться до вершин. Можно продвигаться также в иерархии магов – от ученика до Великого Магистра. Но выше всех стоит Король Сферы, и поэтому цель любого игрока – стать королем.

Звание короля дается не навечно, другие игроки смогут его отвоювать. Это невозможно сделать в одиночку, поэтому любой претендент на корону должен собрать сильный клан преданных себе воинов и вместе с кланом завоевать власть. Власть нужна

игроку не просто сама по себе: у стоящего на более высокой ступени иерархии значительно больше возможностей, чем у простого нуба. Ведь только обладая такими возможностями, можно выполнить последнее пожелание Ткача – найти Главный Узел ткани Сферы, чтобы распустить ткань иллюзорного мира. Именно для этого в Сферу дается вход всем желающим.

Впрочем, если у вас нет страсти к ратным подвигам, вам совершенно не обязательно быть воином-газонокосилкой или боевым магом. Если у вас в активе есть небольшой набор умений и навыков, то вы вполне можете вести абсолютно бескровное существование в Сфере. У вас нет никакой необходимости в экскурсиях по душным катакомбам в поисках опыта, кармы и

сокровищ. Вы совершенно спокойно можете мирно сидеть на рыночной площади и продавать мечи и заговоренные амулеты.

Не забывайте – время в Сфере летит стремительно, а оторваться от созерцания местных достопримечательностей непросто. Хочется заглянуть в каждый замок, пошарить мечом под каждым кустом. А несколько часов, проведенных в теплой компании трухлявых рыцарей, чудищ с песьими головами и каменноугольных големов, – не самый худший досуг. Вы убедитесь, что миры «Сферы» вполне пригодны для обитания. И все-таки никогда не забывайте, что это всего лишь игра, но такая игра, где все человеческие наклонности проявляются особенно ярко.

Наталья ЯКОВЛЕВА

ИЩУ ДРУГА

Знаете, друзья, бывает очень грустно открыть письмо и прочитать вот такое: «Respect! чувакам нашего обесбашенного мира. Ищу друга, реального freaka, по разуму, который не против тутуировок, железных цепочек и черного цвета. Вы, наверное, догадались, что мое призвание рок-музыка начиная поп-роком и заканчивая панк-роком. О себе: звать – Таня; лет – 16; ответ – 100%! Хой!» Мы, конечно, понимаем, что вы, наша любимая молодежь, любите общаться на своем сленге. Но зачем же так грубо уродовать родной русский (да и английский тоже), на котором «обесбашенная чувиха» Таня пишет с ошибками и бессвязно? Мы не стали ничего исправлять – так даже забавнее. И, на наш взгляд, не стоит обобщать: все «обесбашенные» или ты конкретно. Каждый отвечает за себя. Но если есть чуваки, которые заинтересовались этой конкретно чувихой, ее адрес: *Таня, ул. Шоссейная, д. 3, кв.15, п. Майский Краснокамского р-на Пермской обл., 617077. Хой, «обесбашенные»!*

С прикольными парнями и девчонками старше 15 лет хотела бы переписываться 15-летняя Дина, которая написала нам, что она – разносторонне развитая девушка, не лишенная чувства юмора. «Человек я отзывчивый, в меру гордая, никогда не падаю духом. Друзей у меня мало – мне кажется, что сейчас среди окружающих трудно найти того, кто станет тебе верным другом. Может быть, я найду хорошего друга по переписке?»

Орлова Дина, ул. Косогорная, д. 43, кв. 44, г. Похвистнево Самарской обл., 446450.

15-летнюю Марину почему-то очень привлекает Челябинская область. Она очень хотела бы получать письма от парней, живущих здесь, которых зовут Александр, Станислав, Камиль, Владислав, Константин или Алим. Такой вот список. «Я играю на пианино, пишу стихи, люблю учиться и читать серьезные книги (но я не заучка!). Обожаю все мистическое. Увлекаюсь изучением культур народов мира, религии, а также легенд, поверий, традиций, обрядов и праздников

древних славян. Я патриотка своей страны. Мечтаю побывать в Шотландии и научиться играть на волынке».

Марина, ул. Коммунистическая, д. 92, с. Залесово Алтайского края, 659220.

«Я – активная и жизнерадостная девочка-спортсменка. Занимаюсь каратэ, акробатикой, тяжелой атлетикой, а также осваиваю спортивное оружие. Слушаю музыку разных стилей и направлений. Жду писем от ребят-спортсменов и военнослужащих».

Осталчук Таня, ул. Машиностроителей, д. 2, кв. 66, г. Орск Оренбургской обл., 462428.

17-летний Паша по знаку Зодиака Стрелец. «Люблю тихие веселые компании, люблю звездное небо, песни под гитару. Из музыки предпочитаю «Scooter», Бритни Спирс и медяки. Увлекаюсь компьютером. В душе романтик. Хочу переписываться с девушками 16-18 лет, которые любят поговорить по душам. Жду фото!»

Средников Павел, пос. Килимск Таштагольского р-на Кемеровской обл., 652982.

16-летнюю Ирину друзья зовут RiRiKa (непонятно, правда, почему латинскими буквами?). Она общительная девушка, по знаку Зодиака Лев, уважающая музыку изготовления «Рук вверх!», «Раммштайна» и «Короля и Шута». «Пишите зеленоглазой брюнетке, и вы не пожалеете!»

Ирина, ул. Труфанова, д. 17, кв. 1, пос. Двинской Верхнетоемского р-на Архангельской обл., 165502.

«Я симпатичная девушка с развитым чувством юмора. У меня много друзей, но мало кто понимает мой истинный характер. Я, будучи совсем молодой, а вернее совсем молоденькой, имею достаточно жизненного опыта и могу поделиться с другими. Я хочу помочь людям найти себя, решить с ними вместе их проблемы. И просто быть хорошей подружкой. Пишите, девушки и парни любого возраста, сексуальной ориентации и внешности!»

Лена, ул. Приморская, д. 10, кв. 33, пос. Росляково-1 Мурманской обл., 184635.

«Мне 18 лет. В людях ценю открытость, целенаправленность, эрудированность. Увлекаюсь поэзией, читать предпочитаю классическую и философскую литературу. Слушаю инструментальную и классическую музыку. Уважаю песни Филиппа Киркорова. Очень хотела бы переписываться с разносторонне развитым парнем, имеющим чувство юмора».

Виктория, ул. Гагарина, д. 31, г. Белореченск Краснодарского края, 352630.

«Меня зовут Саша, мне 19 лет, рост 185 см, глаза карие. По знаку Зодиака – Стрелец. Из музыки предпочитаю классику. Люблю спорт. Я веселый, с чувством юмо-

ра. Хотел бы переписываться с девушками 18-20 лет. Жду писем, прикольных и смешных».

Акимов Александр, ул. Красная Площадь, д. 9, с. Астрадамовка Сурского р-на Ульяновской обл., 433260.

16-летняя Наташа увлекается музыкой, сочиняет стихи, рассказы и сказки, учится в педагогическом колледже. «Посещаю театральный кружок. Иногда мы выступаем всей труппой. Люблю животных и не люблю шумные тусовки, хотя я и веселая, общительная девчонка. Хочу найти друзей по переписке, тех, кому сейчас трудно и нужен хороший совет, и тех, кому, наоборот, весело и хочется обменяться приколами. Пусть мне напишут ребята-фантазеры – будем обмениваться бредовыми фантазиями!»

Ишкова Наташа, ул. Губкина, д. 445, кв. 22, г. Белгород, 308036.

Сашенька, которой исполнилось 16 лет, прислала в конверте всей нашей редакции большой привет и горячий поцелуй, за что ей большое спасибо. Она по знаку Зодиака Козерог, заканчивает десятый класс, увлекается рэпом. Любит футбол. «Я зажигаю и могу погасить пламя в любом сердце! Пишите, пацаны 16-20 лет».

Петрова Саша, д. Грядцы, п/о Грядцы, Торопецкий р-н, Тверская обл., 172853.

И еще одна Санька (так она назвалась): 15 лет, спортивная, любит рок и мотоциклы.

Санька, ул. Ленина, д. 11, кв. 22, г. Глазов, Удмуртия, 427620.

**ЖЕЛАЕМ УСПЕХОВ!
ЖДЕМ НОВЫХ ПИСЕМ!**

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Начнем этой рейд нашей Телеги, как ни странно, со стихов. Их написал юморист Александр Соколов, видимо, приученный в армии выражаться кратко и ясно:

*Мне кажется порою, что солдаты
Не получают заработной платы...*

Чувствуете, друзья, о чем думает бывший служащий срочной службы, когда вспоминает о своих армейских буднях? Но еще более оригинальные воспоминания высказал известный юморист Георгий Конн: «Знаете ли вы, что... 98 процентов солдат стремятся попасть на гражданку и только 2 процента – на гражданина?» Мысль, ничего не скажешь, мудрая, знающий, видно, человек, но только в цифрах писатель, похоже, немного ошибается...

Но не будем о грустном. Номер журнала у нас – февральский, а стало быть, надо всем напомнить, что Красная Армия – всех сильней! А для этого пригласили мы высказаться об армии других юмористов. Алексей Котов – давний поклонник армейской темы, знает ее, видимо, не понаслышке. С его рассказов и начнем.

СОЛДАТСКОЕ БРАТСТВО

От рядового Иванова невеста ушла. То есть за другого она замуж вышла. Подумал немного рядовой Иванов, подумал, а потом повеситься с горя решил. Взял он веревку и в гарнизонный туалет пошел.

Минут пять прошло, в туалет прапорщик Птичкин заглянул. Смотрит, значит, прапорщик, а там, прямо над «лунками», рядовой Иванов на веревке висит!

Прапорщик кричит:

– Ах, твою мать!..

И бегом к Иванову. Схватил его за ноги и держит.

Рядовой Иванов кричит:

– Пустите меня! Всё равно без невесты жить не буду!

Прапорщик кричит:

– Ну, гад! Мне бы тебя только из петли вытащить!

Тут вдруг веревка лопнула.

Прапорщик оступился и головой прямо в «лунку» – нырь! Только сапоги в воздухе мелькнули.

Иванов немного отдышался, потом к «лунке» припал и спрашивает:

– Товарищ прапорщик, вы где?!

А прапорщик уже в сторону выгребного лаза ушел.

Иванов думает:

«Все, блин, утонул! И теперь, мол, мне если не из-за невесты, то из-за прапорщика точно повеситься нужно».

Полез рядовой Иванов снова в петлю.

Тут в туалет майор Мышкин заглянул. Смотрит он, а там, оказывается, рядовой Иванов на веревке висит!

Мышкин бегом к Иванову. Схватил его за ноги и кричит:

– А-а-а, сволочь, дезертируешь?!

Как раз в это время прапорщик Птичкин из ямы вылез и бегом в туалет. Майор Мышкин перепачканного с ног до головы прапорщика увидел, оступился и тоже в «лунку» – нырь!

Тут мимо туалета генерал Кошкин шел. Смотрит генерал, рядовой Иванов с веревкой на шее во всю прыть от туалета удирает, а за ним следом прапорщик Птичкин и майор Мышкин бегут. Грязные, ну прямо как после учений.

Прапорщик кричит:

– Товарищ генерал, ловите его!

Толстый генерал руки расставил и кричит Иванову:

– Ага, попался!

Сцапали Иванова. Прапорщик про его безобразия рассказал, а генерал немного подумал и говорит:

– Сейчас мы его вешать отучим. Потаскили рядового Иванова в туалет!

Иванов в туалете кричит:

– Не надо, не буду больше вешаться! Честное слово!

Генерал командует:

– Ну кто так в «лунку» засовывается?! Головой вперед совать надо!

Иванов кричит:

– Ма-а-амочка-а-а!!

Майор Мышкин кричит:

– Упирается еще, зараза!

Генерал кричит:

– Навалились! Все разом давай!

Наконец-то Иванов в туалетную жижу – плюх! Секунды не прошло, рядом с ним генерал Кошкин тоже – плюх!

Вынырнул генерал и кричит:
– А меня на хрена в спину толкать?

Майор Мышкин сверху кричит:
– Вы же сами говорили, разом давай!

Генерал кричит:

– Ты что, бля, до двух считать не умеешь? Рядовой Иванов – это раз, а я – это уже два!

Рядовой Иванов говорит:

– Товарищ генерал, руку дайте.

Встали оба. Генерал говорит:

– Нет, а вот вообще-то за что я армию уважаю? За братство, если все – значит, все!.. Ну пошли, что ли, к выходу, сынок?

Кстати, с того самого раза рядовой Иванов больше не вешался. Ни разу!..

ТАКИЕ, КАК ЛЕНКА

Вообще-то прапорщик Птичкин человек хороший, а гад он, потому что служба у него такая. И вообще никто, кроме прапорщика Птичкина, так хорошо не знает, что казарма – это такой большой домик, в котором невозможно найти даже одной пары домашних тапочек.

Вот потому-то Птичкин и не пустил рядового Сидорова на свидание с супругой. Сидоров, конечно, возмущаться стал.

Кричит:

– Не имеете права!

Прапорщик ему говорит:

– Ты, сынок, не переживай так уж. Ну, посуди сам, что есть за баба твоя жена: талия у нее осиная, грудь большая и личико, как наливное яблочко. Какая же солдатская служба может быть после встречи с такой женщиной?

Сидоров кричит:

– Моя жена, что хочу, то с ней и делаю!..

Прапорщик говорит:

– Ты вот что, сынок, лучше сходи-ка пару раз в наряд вне очереди. Может быть, тебе и легче станет.

А еще прапорщик Птичкин ночью по солдатской казарме прогуливаться любит. Как увидит, значит, прапорщик, что какой-нибудь

рядовой начинает во сне улыбаться и подушку тискать, так подойдет к нему и шепчет:

– А вот враг, сынок, не дремлет!.. Так что не до женщин нам с тобой. Ну-ка, по-пластунски в атаку шагом марш!

Солдат сквозь сон отвечает:

– Так точно, товарищ прапорщик!..

А потом перевернется солдат на живот, упрется головой в кроватную гридушку и вроде как в атаку ползет.

Прапорщик дальше шепчет:

– Враг справа!.. Длинными очередями – пли!..

Солдат сквозь сон бормочет:

– Тра-та-та!.. Тра-та-та-та!..

Прапорщик шепчет:

– Враг слева!.. Занять оборону в окопе!

Шмякнется рядовой с кровати на пол, откроет глаза, а прапорщик его по плечу похлопает и говорит:

– Есть такая профессия, сынок, Родину защищать. Понял, да?..

Однажды прапорщик Птичкин рядового Сидорова с женой в казарме застукал. Нет, не на самом деле, конечно, а во сне.

Лежит, значит, рядовой Сидоров на своей койке, тискает лапи-

щами подушку и улыбается самым наглым образом.

Прапорщик шепотом командует:

– По-пластунски, в атаку шагом марш!..

Сидоров в гридушку головой уперся и пополз. Потом оглянулся и говорит:

– Ленка, за мной!..

Прапорщик шепчет:

– По врагу длинными очередями – огонь!

Сидоров сквозь сон говорит:

– Ленка, давай патроны.

Прапорщик кричит:

– Какая Ленка?.. Вы что это, рядовой Сидоров, на фронте партизанщину развели?!

Сидоров сквозь сон говорит:

– Враги сожгли родную хату. Теперь, товарищ прапорщик, Ленка врагам за эту хату тоже мстить будет.

Прапорщик кричит:

– Нету на фронте жен и быть их не может! Прапорщики есть, а жен нету.

Сидоров говорит:

– Это вас нету, товарищ прапорщик. Вас еще утром бомбой убило. Только вы не переживайте так уж, мы с Ленкой и без вас Родину защитить сумеем.

Задумался прапорщик. Всю ночь он думал, а утром разрешил рядовому Сидорову свидание с женой.

Против правил своих прапорщик, конечно, пошел, но если уж у солдата такая жена... Короче говоря, такая, как Ленка, солдатской службе не повредит. Тем более что уж очень симпатичная у нее талия. Нет, ну если бы вы только видели, какая у этой Ленки талия!..

Но всё хорошее когда-то, увы, кончается. Заканчивается и военная служба, молодые люди, повзрослевшие и возмужавшие, возвращаются к мирной жизни. И нет для них больше радости, чем в красный день календаря 23 февраля, выпив свои боевые сто грамм, вспомнить те замечательные годы, когда носили они кирзачи и военную форму. Много там, в армии, было замечательного. Об этом и рассказали читателям сотрудники юмористического журнала «Красная бурда», что выходит в Екатеринбурге. Да, как говорится, – всюду жизнь...

**«ЛЮБИМЫМ
РАЗВЛЕ-
ЧЕНИЕМ
У НАС
БЫЛО –
СТОЯТЬ
ВОЛЬНО!..»**

– Служил я на подлодке «Петр Чайковский». Тогда это престижно было, мы по полгода из заграники не вылазили. Но девки к нам почему-то не липли... Ну, ладно. Так вот, получаем мы приказ: ядерной ракетой поразить Вашингтон. Кинулись искать ядерную ракету. Туда, сюда – нету ракеты, дома забыли! Приказ не выполнили! Ох и наказало нас тогда командование! Неделю с нами не разговаривало! Дулось...

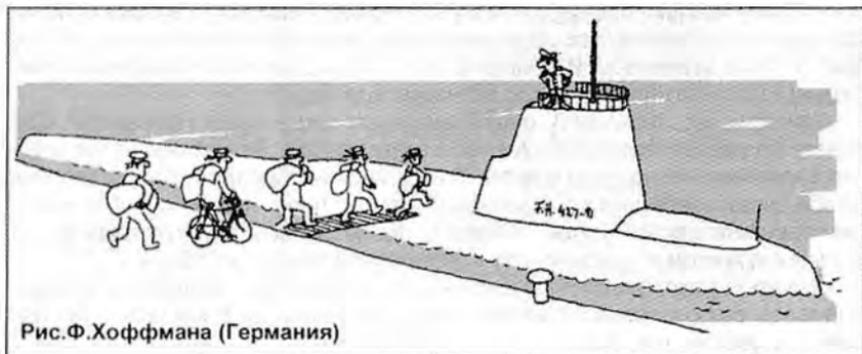

Рис. Ф. Хоффмана (Германия)

– Послали нас как-то в караул, склад охранять, а водку-то дать и забыли! Нам обычно водку с собой в караул давали, чтобы мы с поста никуда не отлучались... Ну, делать нечего, постояли мы на посту часок и побежали в сельпо, в соседнюю деревню... Там уж всё знали, и тем, кто с поста, без очереди отпускали! Но всё равно – пока бегали, пока покупали, пока возвращались – уж и смена идет! С водкой, как положено. Да у нас с собой. Мы разводящему говорим: «Не устали, мол, стоять на страже социалистического достояния Отечества! Можешь нас еще несколько часов не менять!» И остались на посту стоять. Как говорится, до последней капли...

– А у нас в части грузин был, он очень бром любил!.. Ну, который солдатам в чай добавляют, чтобы по утрам на зарядку не стыдно выбегать было... Вот этот грузин договорился с поваром, пришел к нему ночью в столовую и весь бром, который на завтра на весь полк выдали, сожрал!.. Нас потом неделю на зарядку не выводили!..

– Наш полк стоял под Саратовом, а в соседях у нас был женский батальон связи. Знаете, как в армии не хватает женщины? Вот так, чтобы рядом была?

Мы с этих связисток просто глаз не сводили! Они повесят портянки сушить, мы – раз! – их чистые портянки себе, а на веревку – свои! Да что портянки, у нас через полгода весь полк в шелковом белье ходил! Нет, хорошо, когда женщина рядом!

– В каждом полку, как правило, есть свой дурачок, который вместо того, чтобы служить, цветные стеклышки собирает, рот у него слюнявый, постоянно открыт, кричит всегда что-то невнятное... У нас в полку таким дурачком был замполит...

– Пошли мы как-то с дружкой в увольнение. Наша часть в тайге стояла, так мы в тайгу пошли. Час идем, два идем, хорошо! Еще полчаса прошли, бац! – тайга кончилась! И прямо на нас патруль идет из соседней части. Звери! Видно по ним, что часов двенадцать уж идут!

Увидели нас, окружили, давай увольнительные наши проверять! «Где печати на увольнительных?!» А у нас откуда печати? Людей вокруг части на сто верст нету, не то, что печатей! Командир пьет беспробудно, начальник штаба шишки собирает круглый год. «Нету печатей, – говорим. – Вот крестик старшины и всё!» «Тогда, – говорят, – идем в комендатуру разбираться!» Тут мы с дружкой и присели – до комендатуры дней пять пёхом!

Делать нечего, пошли! Пришли к концу недели, они с нашей частью созвонились, за полчаса всё выяснили, и нас отпустили!.. И мы пять дней обратно из увольнения шли.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Идя навстречу вашим просьбам, мы решили организовать подписку на наш журнал непосредственно в редакции. Подписчикам журнал будет высылаться бандеролью.

КАК ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ?

Решите, на какие номера журнала вы хотите подписаться. Мы гарантируем высылку номера, если получим ваш заказ не позднее 5-го числа подписного месяца.

Стоимость одного номера с пересылкой – 45 рублей.

Оплатите подписку в любом отделении Сбербанка. В стоимость подписки не входит оплата услуг Сбербанка. Вышлите нам квитанцию (или ее ксерокопию) с отметкой банка. Разборчиво заполните бланк заказа на обороте и вышлите его в редакцию вместе с квитанцией.

Извещение

Форма № ПД-4

ООО "Литературно-художественный журнал "Мы"

(наименование получателя платежа)

7701234320

(ИНН получателя платежа)

№ 40702810400000003232

(номер счета получателя платежа)

В АКБ "ОБПИ" (ОАО), г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810800000000776 БИК 044579776

(Ф.И.О. плательщика)

(Индикс и почтовый адрес плательщика)

Подписка на журнал "Мы" _____ месяцев

(назначении платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Кассир _____

ООО "Литературно-художественный журнал "Мы"

(наименование получателя платежа)

7701234320

(ИНН получателя платежа)

№ 40702810400000003232

(номер счета получателя платежа)

В АКБ "ОБПИ" (ОАО), г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810800000000776 БИК 044579776

(Ф.И.О. плательщика)

(Индикс и почтовый адрес плательщика)

Подписка на журнал "Мы" _____ месяцев

(назначении платежа)

Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп.

Плательщик (подпись) _____

Квитанция

Кассир _____

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «МЫ»

Я подписываюсь на журнал «МЫ» на 2004 год на следующие номера:

3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

и плачу _____ рублей

Фамилия, инициалы _____

Адрес _____

_____ индекс _____

Сведения о плательщике

Фамилия, инициалы _____

Адрес _____

Сведения о плательщике

Фамилия, инициалы _____

Адрес _____

КОМПАКТ-ИЗВЕСТИЯ

АНИТА ЦОЙ
«1 000 000 МИНУТ»
Iceberg music, 2003

Черный лебедь, неукротимая астронавтка и по совместительству кореянка с русской душой Анита Цой утверждает, что над своим третьим номерным альбомом работала аж «1 000 000 минут». Утомилась. Правда, судя по результату, скорее не работала, а горе мыкала. Потому как на выходе получилась преснятина. Записанный материал очень посредствен. В основном это вялые опусы в стиле диско и кое-где с элементами модного нынче r'n'b. Однако веселиться и танцевать не хочется. Другие желания тоже не просыпаются. У певицы явный творческий кризис. Что случилось, Аня? Куда улетучился твой природный кураж, задиристость и девичья прыть?

Вспоминается необычная презентация этой пластинки.

Эlevator крупного сельскохозяйственного предприятия был наскоро переоборудован в подобие фешенебельного ночного клуба. В воздухе висела плотная цементная пыль, публика чихала и ахала, а Анита, выряжаясь в дорогие наряды и непрерывно улыбаясь, с удовольствием встречала гостей и даже... каталась под потолком на цирковой трапеции, как на фуникулере. Думаю, только за такое подвижничество артистка достойна самых звонких похвал, но все же позволю себе быть честным до конца.

Анита поет: «Миллион минут для нас так мало с тобой, всего лишь миллион минут, когда ты рядом», но судя по интонации, этого срока ей даже много. Что она будет делать в этом длинном отрезке, если даже за три с половиной минуты (время звучания песни) певице не удалось убедить своего лирического героя (а задно и слушателя) в истинной любви к нему? Ну не считать же пламенным объяснением в оной какое-то безыскусное, стертное пение вполголоса и совсем уж легонький аранжжмент?

Вполне понятно желание Ани попеть, как она пишет, «легкую, динамичную танцевальную музыку». Только вот где материал брать? Авторы море, и каждый, естественно, норовит ненавязчиво уверить артистку в своей «крутизне» и «продвинутости». Где тут устоять перед обаятельным натиском очередного д'Ар-

таньяна от музыки! Но верить, думается, надо все же не цинично-розовскому красноречию и испепеляющей бойкости, а вполне конкретной вещи – умению изящно сочинять небанальные (и по возможности талантливые) опусы. Как говорится, дружба дружбой, а за совместную работу не должно быть стыдно (тем паче, что за нее приходится выкладывать очень кругленькую копеечку). Щепетильнее нужно быть и строже. Не прельщаться первыми попавшимися сочетаниями нот малоизвестных авторов, а требовать от них более интересной мелодической и гармонической разработки тем в русле задушевной шлягерности и актуальных компьютерных технологий. В этом смысле хороша уже раскрученная композиция Александра Дулова и Константина Арсенева «Это ли любовь?». В ней блестяще сочетаются динамичный рефрен и красивая лиричность запевов. Да и певица в ней ощущает себя вполне комфортно и органично.

Кстати, если автор написал одну хорошую песню, вовсе не обязательно, что и все последующие вышедшие из-под его пера опусы будут столь же успешны. Эту простую истину почему-то никак не могут понять наши певцы. Спят на одну удачную вещьцу пяток музыкальных пустышек и довольны. Такое впечатление, что они покупают второсортные песни в нагрузку к хитам. Композитор А. Дулов наваял Аните целых пять трэков из одиннадцати, а внимания, как я уже отметил, достоин лишь один. Зачем надо было исполнять его «Немой вопрос», «Не со

мной» или «Одному тебе»? Очень плохой выбор как в музыкальном, так и в текстовом плане. «Обними меня, не отпускай, если между нами все серьезно, обними меня, но не бросай в эти ночи звездные». Вам это ничего не напоминает? Ну как же: «Девочкой своею ты меня назови...» Только вместо игровой запоминающейся мелодии – какой-то невнятный полусшепот на фоне монотонного ритма и... скука.

«Одному тебе все, что на душе, все, что хочешь знать, – знай, Эти дни с тобой настоящие, только ты не исчезай». А это что за бред? Песня посвящена нашим солдатам, и Аня утверждает, что «Одному тебе» завела «половину российской армии». Забавно, чем же? Неопределенностью темы, скудостью музыкальной мысли, полным отсутствием драйва и ложной забубенностью припева? А ведь солдату, помимо всего прочего, нужны и определенного рода фантазии... Правда, легкий флер сексапильности сквозит в старенькой надоевшей «Влюбленке» (она же «чертовка» и «мышеловка»), которая на диске представлена аж в двух вариантах – электрическом и более камерном. Второй получился гораздо тоньше и задушевнее первого. Хотя песня явно испытывает хронический дефицит слов.

К сожалению, несколько разочаровала новая работа композитора Кима Брейтбурга. Его постоянно уносящийся ввысь «Цветок на льду» напомнил почему-то саунд-трэк к какой-нибудь нудной кинозарисовке на зимнюю тему, коими буквально кишело строгое советское телеви-

дение. Только фраза «Ты за призраком любви к рассвету, ты летишь, как гончий пес по следу» порадовала уместным упоминанием доброго животного. Мало впечатлили и знаменитые миленькие «Новогодние игрушки» Аркадия Хоралова (помните: «Новогодние игрушки, свечи и хлопушки днем, а веселые зверушки мой перевернули дом»?) Несмотря на деланную непринужденность, наигранность и нарочитую «руссконародность» иных пассажей, в Анином исполнении не ощущается дыхания любимого праздника. Какой-то дешевый звуковой плюмаж. Зато абсолютно удалась ей композиция собственного сочинения «Здравствуй» – веселая, бодрячковая, с интересной ритмикой. И хотя говорится в ней о встрече с близким человеком, мне эта работа мнится песней о мире. А в словах «здравствуй, мой» слышится почему-то «здравствуй, мир». Хотя, возможно, это просто-напросто глюки.

Несомненно, самой большой творческой удачей и новой визитной карточкой Аниты стала блистательная работа Владимира Матецкого на стихи Саши Шаганова «Поздно». Эта композиция сделала бы честь любой, даже самой большой певице. Счастье, что она оказалась в руках (и устах) эффектной кореянки. Это крупный хит, который будет сопровождать Цой на протяжении всей карьеры. Аня исполняет его абсолютно безупречно, демонстрируя и прекрасное ощущение романтики камерного ноктурна, и умелое владение интонацией, и нежность, и женственность. Здесь

вы уже не услышите рваных «пацанских» слогов а ля «Влюбленка-печенка» или что-то в этом роде. Так что «1 000 000 минут», вероятно, стоило бы издать только ради одной этой вещи.

МИХАИЛ ШУФУТИНСКИЙ
«БУМ-БУМ»
«Квадро Диск», 2003

Седина в бороду, бес – в ребро. Именно этой, старой как мир, поговоркой, можно эпиграфировать новый альбом мастера шансона, лирической блатной песни и по совместительству дамского угодника Михаила Шуфутинского.

Дело в том, что его очередной, двадцатый по счету, диск носит провокационное название «Бум-Бум» – по вошедшей туда игривой песенке композитора Лоры Квинт и поэта Николая Денисова. А поется там о том, как некий «сексапильно-сексуальный гигант» сводит с ума всех своих «бэби», а они, в свою очередь, всегда готовы расплатиться с ним своей невинностью, то есть сделать «бум-бум» и автоматически стать «миссис» или

«фрау» (кстати, в немецком языке есть понятие «бумзер», которое переводится почти как «любовник», только нецензурным русским словом на букву «ё»).

В альбоме есть еще одна озорная вещица на «неприличную» тему – «Вежливый» того же композитора на стихи Любви Воропаевой. Эта поэтесса всегда отличалась рискованной будуарностью и даже интимностью своих текстов – достаточно вспомнить песни из репертуара Жени Белоусова или недавнюю скандальную «Музыку тела» для Лолиты. На этот раз Воропаева написала... как бы это помягче выразиться... от имени мужчины. Но мысль завуалирована: «У меня есть друган, он веселый пацан, кое-кто его знает из вас... Он забавный такой, он всегда под рукой, и ему просто нету цены». Вы еще не поняли? «Мимо девушка идет – он встает, и вторая идет – он встает... Вот он какой, вежливый такой!» Что ж, вот вам и свежачок: эту тему в песенном творчестве, думается, не поднимал еще никто. Молодец, старичок Михал Захарыч, всем молодым да ранним нос утер!

Однако главным хитом альбома явилась, несомненно, «Марджанджа» Игоря Зубкова и Константина Арсенева. Эта вещь уже активно раскручивается на радиостанциях, звучала она и по ТВ, ее хорошо знают таксисты, дворники и официанты. Забойный мотив, легко ложящийся на ухо, простые слова и солнечное настроение счастливого лета, морского пляжа со скалами, галькой и знойной красоткой с экзотическим именем

надолго останутся и в вашей душе. «Марджанджа, Марджанджа, где же ты, где? Волны ласкают усталые скалы...» Мурлычьте на здоровье на досуге.

Есть и еще один симпатичный шлягер тех же авторов – «Золотой иероглиф», сделанный в классической блюзовой стилистике. Правда, красивая мелодическая линия припева требует от исполнителя красивой баритональной вокализации, глубокого грудного «бархата», чем уважаемый Михаил Захарович, к сожалению, не владеет. Его голос звучит почти отрывисто, речитативно и непевуче, хотя артист (и это очень заметно) старается скрыть свои несовершенства за нарочитой эмоциональностью и чувством. Обидно, но и это ему не слишком удастся. «Золотой иероглиф», вероятно, подошел бы больше Фрэнку Синатре или Барри Уайту. Из наших его вряд ли кто хорошо спел бы.

Остальные композиции «Бум-Бума» представляют куда меньший интерес. Странно, что начальная «Эх, цыганка» заявлена в буклете как «цыганская народная». Судя по невыразительной, банальной мелодии и явно провальному тексту, такое вряд ли могли написать сообщая безвестные цыганские кочевники. Здесь отдает жгучим графоманством какого-то современного автора (а может, просто подписываться под такой ерундой стыдно).

Большинство других работ написаны Игорем Зубковым на стихи некоего Александра Полярника, простого самородка, вкусившего лиха и знающего жизнь, что называется, не понас-

лышке. Правда, блатную жизнь. Его стихи вполне профессиональны и «конкретны»: «Мне мечталось – в тайгу, да уйти бы подальше к Уралу, от надежды такой напоследок январски знобит, Но за «решкой» рассвет, и доложит майор генералу, что еще здесь один при попытке побега убит». Да, драматично, жизненно, пронимает, но... как-то уж слишком «под Танича». Пусть бы подобных песен было одна-две, но когда их пять-шесть из пятнадцати – это, согласитесь, многовато. И потом Шуфутинский – это все-таки не «Лесоповал», где, казалось, та же самая тематика звучит в более обобщенном контексте – судьба одного героя олицетворяет судьбы миллионов. У Танича так получается, у Полярника – нет.

Несомненное достоинство диска – множество живых инструментов, блистательные аранжировки многих песен, прекрасные музыканты. Все это эффектно оживляет сюжетное и певческое однообразие проекта.

Кстати, с одной строчкой из финальной композиции произошел смехотворный (но весьма характерный для наших современных нравов!) казус. В буклете альбома есть ее текст: «Русь далекая, Русь глубинная, вся овражная, вся рябинная... Да отцовская, окаянная, голубая тоска баянная». Так у поэта Полярника. Шуфутинского, видать, смутило слово «голубая» (хотя уж кому-кому опасаться за возможные скабрзные обвинения, но никак не ему – имидж не тот!), и он заменил его на «золотая». Но не бывает, Михаил Захарович, золотой тоски, не тот это эпитет!

Тоска бывает зеленая, серая, даже черная, но не золотая. Золотую бывает клетка (иногда даже тюремная), но это явно не ваш случай. Мне в этой связи вспоминается шуточный римейк известной пугачевской симфонической баллады «Балет», сделанный группой «Манго-манго» по случаю дня рождения Примадонны, где из фразы «Я снова вижу голубой далекий свет» было убрано... угадайте какое определение. Оно было заменено на не совсем тут подходящее «неземной».

Тенденция, как видим. Вот и подумаешь: какой же убойной силой может обладать самое простое слово. Только оно, к счастью, ни в чем не виновато.

**АННА РЕЗНИКОВА
«С НАМИ БОГ»
2003**

Вы помните, друзья, замечательную певицу Анну Резникову? Ту самую, на которую аккурат два года назад печатная пресса и особенно ТВ возлагали большие надежды: ее постеры красова-

лись на обложках модных журналов, на музыкальных каналах крутились клипы, а композитор Крутой даже выписал ей входной билет на «Песню года» – в виде визитного шлягера «Прощальные слова»... Аня красовалась, блистала. Выпустила прекрасный альбом «Навсегда». А потом вдруг.. исчезла. Неужели в заглавии крутовой песни был скрыт роковой смысл? Но ведь Виктор Пеленягрэ (поэт) имел в виду совсем другое: «Прощальных слов не говори, я в каждом слове слышу ложь...»

Оказалось, все лукавили. Только Аня не лгала. Она честно хотела доказать, что способна покорить эстрадный олимп. При этом карьере собиралась строить не на скандалах будuarно-семейного свойства, выторговывая жалость и сочувствие сердобольной публики, обожающей страдальцев и юродивых, а – на хорошем репертуаре, красивого тембра голосе и... финансовых возможностях своего любимого

супруга-бизнесмена (потому что без денежных проплат ни на радио, ни на ТВ не пропустят сегодня, наверно, даже самого Орфея). Но... звезды не сошлись, и Аню в небесной канцелярии решили несколько пригасить. И если о первом после ее возвращения в Россию альбоме («Навсегда») трубили повсюду, то второй («С нами Бог») прошел почти незамеченным: он, в отличие от предыдущего, оказался, к сожалению, довольно слабым. Песни собраны буквально с миру по нитке, а ярких и запоминающихся мелодий почти нет. Не удивляйтесь, но лучшей композицией диска засветилось драматически талантливое «Право последней ночи» вездесущего Игоря Крутого и модного ныне поэта-песенника Евгения Муравьева (вспомним хотя бы его «Речной трамвайчик»).

Спокойные напевные мелодии вообще словно созданы для голоса Резниковой. Очень проникновенны в ее подаче «Скром-

ный ужин» Виктора Чайки, «Песочный замок» Вадима Лоткина и «Колыбельная» Александра Клевицкого и Ильи Резника. Композиция «Мама» Аркадия Хоралова чем-то напомнила давний и гораздо более сильный «сыновний» шедевр Олега Газманова: «Мама, я без тебя всегда скучаю, мама, хожу и поезда встречаю, мама...» Забавно, что Резникова, как и ее тезка Анита Цой, польстилась на давнишний хит А. Хоралова и А. Дементьева «Новогодние игрушки». Справедливости ради стоит отметить, что у нее этот римейк вышел несколько удачнее. Правда, как ни крути, сам композитор исполняет свое творение веселее и куражнее.

А вот зачем надо было перепевать старый роскошный «Мамин блюз» А. Клевицкого на стихи М. Пушкиной – непонятно. Может быть, стоило включить в альбом прежнюю версию этого шлягера? Тем паче что первой его исполнительницей была... тоже Резникова. В этот же раз вышла осечка. Дивный по своей красоте и праздничности рефрен («Словно река без берегов и без дна, словно река в меркнувшем золоте дня, это твой блюз, мама») у певицы не получился совершенно. Ей не удалось передать голосом ни его страстной силы, ни поэтического «воздуха», ни этой завораживающей беспредельности разливающейся где-то в вышине мелодии. «Мамин блюз», думается, великолепно подошел бы Ларисе Долиной. Кстати, интонации этой блистательной джаз-вумен, как и возникающие местами досадные аналогии

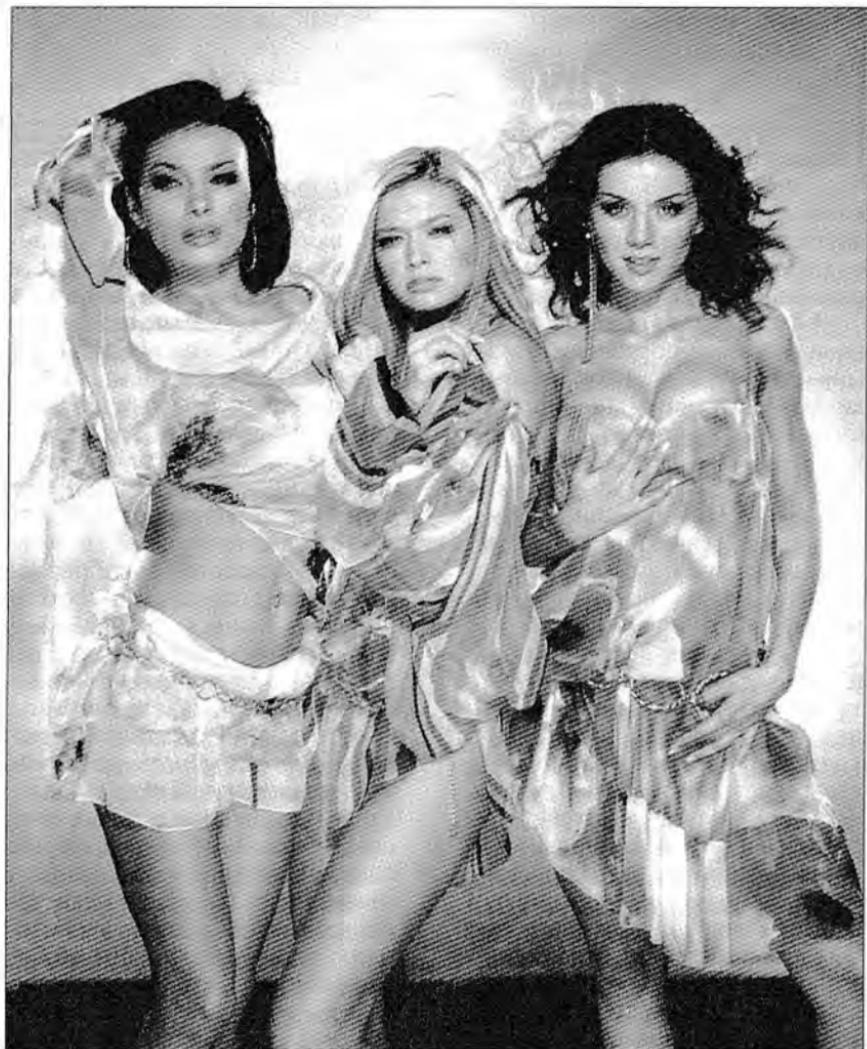
с голосами (не удивляйтесь!) Ирины Аллегровой, Маши Распутиной (и даже забытой ныне Ксении Георгиади) являются, пожалуй, обидным недостатком певческой природы голоса Резниковой.

Впрочем, обидное однообразие опусов диска развеяла миленькая жанровая зарисовка А. Гарнизова и Ю. Гарина «Поцелуй» (вот уж Аллегрова с Распутиной обзавидуются!) Она навевает отчего-то классическую миниатюру Высоцкого «Послушай, Зин!» Сравните сами: «Вот как-то я купила платье, а у него в глазах вопрос: «Зачем, – говорит, – так много денег тратишь?», почти довел меня до слез». Здесь проявилась не раскрывшаяся в прежнем диске гротесковая и буфонадно-эксцентрическая сторона таланта певицы.

Последняя композиция альбома – «С нами Бог» Олега Гусева (известный хитмейкер оказался еще и мелодистом). Она очень возвышенная, гимническая. Однако записана (а вернее сведена) просто безобразно. Вокал солистки звучит далеко на втором плане, забываемый инструменталом и даже... бэквокалом. Кстати, этим грешат почти все трэки пластинки. Такое впечатление, будто звукорежиссеры решили убрать масштабный голос певицы куда подальше. А в последнем повторе припева «С нами Бог» Резникову не слышно почти совсем. Представьте себе, что будет, если подобным же образом «утопить» голос Уитни Хьюстон? Что за Самоделкины работали?

Сергей БАТУСОВ

**ГРУППА «ВИА ГРА»:
НЕПРИСТОЙНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
ДО НАС НЕ ДОХОДЯТ!**

Группа «ВИА ГРА», солистками которой являются блондинка Вера Брежнева, «рыженькая» Аня Седакова и знойная брюнетка Надя Грановская, на сегодняшний день является одним из самых сексуальных проектов на эстраде – украино-российской эстраде. Девушки они не конфликтные и на заявления типа «вы – просто красивая картинка и ничего больше» реагируют абсолютно спокойно. Пристальное внимание и собственная популярность девушек из «ВИА ГРА» ничуть не утомляют. От излишне и «не по делу» назойливых мужчин Аня, Вера и Надя защищены «бетонной стеной» охраны, но для большой и чистой любви их сердца открыты. Впрочем, они и сами готовы обо всем этом рассказать...

Анекдот в тему:

Разговор двух карапузов в детском саду:

– Тебе сколько лет?

– Не знаю... Навелное, сетыле.

– А тебе глупа «ВИА Гла» нлавится?

– Не-а.

– Знасит, не сетыле, а тли!

Анна Седакова, улыбаясь:

– Я сомневаюсь, что маленькие дети, которые знают наши песни наизусть (есть такие дети, и немало!), видят в нас каких-то сексуальных

женщин. Все-таки, я думаю, в первую очередь их внимание привлекает наше творчество.

Надежда Грановская:

– А в том, что мужчины видят в нас прежде всего женщин, нет абсолютно ничего удивительного!

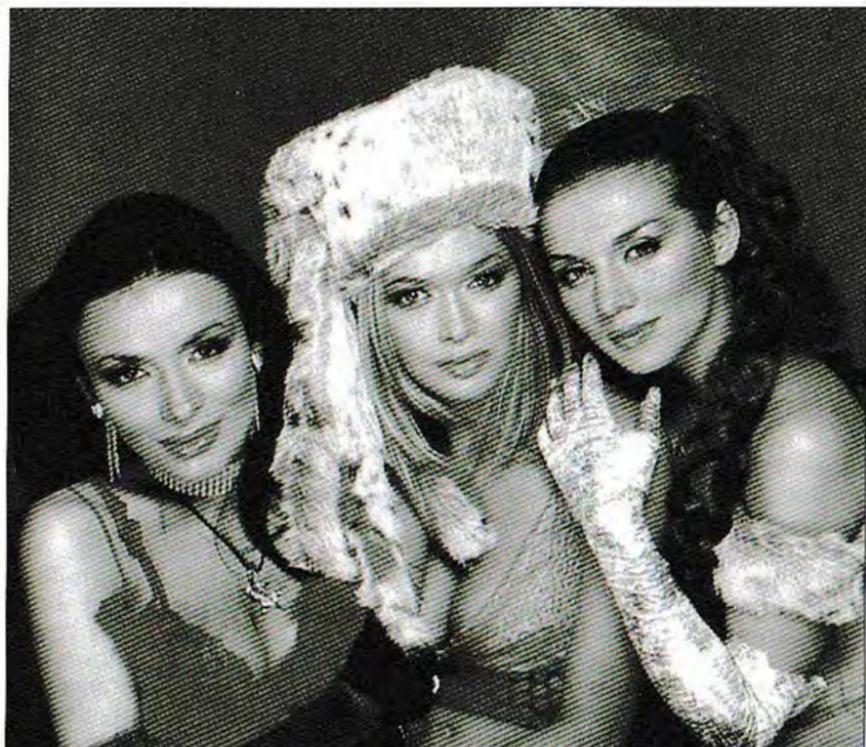
Аня: Если бы мы были мужчинами, а в нас мужчины видели бы женщин – вот это была бы суматоха большая! Но мы же действительно красивые женщины. И, не скроем, мы очень хотели бы, чтобы многие артистки на нашей эстраде были бы сексуальные, красивые, ухоженные.

Вера Брежнева:

– От природы никуда не уйдешь. Но многим мужчинам нравятся наши песни, именно песни! Да и женщинам тоже. Особенно часто взрослые женщины с удовольствием слушают такие наши композиции, как, например, «Не оставляй меня...», «Я не вернусь», потому что, когда у них случаются какие-то проблемы в жизни, эти песни соответствуют настроению.

– Но ведь изначально, видимо, у создателей вашего коллектива установка была все-таки на внешность, чтобы каким-то образом заявить о себе, привлечь внимание?

Аня: Успешность нашей группы заключается в совокупности многих факторов. Ведь по-настоящему успех приходит, когда у тебя есть не только картинка, но и когда хочется еще и слушать этого человека, когда хочется купить билет на его концерт.

Ведь между тем, что ты посмотрел клип, и тем, что попал на концерт, большая разница – клип ты смотришь бесплатно, а за концерт платишь деньги. Когда на выступлении полный зал – вот настоящий профессионализм! А по-другому мы не можем работать.

Вера: Об успехе нашего коллектива свидетельствует также и то, что мы стали примером для подражания. Конкретных имен называть не хочется, да и не зачем – народ сам определит, что оригинал, а что подделка.

– Еще один из показателей профессионализма ар-

тиста – это умение работать на концертах «вживую»...

Надя: Многих удивляет: вот, мол, группа из Украины, к тому же не какая-то рок-группа, которая принципиально никогда не поет под фанеру, а попса, – и они живьем поют! Как это? И «ВИА Гра» начинает их интересоваться, потому что интригует тот факт, что поп-коллектив поет не под фанеру.

Аня: На самом деле, это нонсенс какой-то. Не понимаю, чему здесь можно удивляться... Любой артист должен работать вживую.

– То есть, группа «ВИА Гра» не поет под «фанеру»?

Надя: Гастролируя с концертами, мы почти никогда не работаем под фонограмму. Поем сами. Исключение составляют только сборные концерты в огромных залах, например, в Кремле – когда идет телевизионная запись, и поэтому всем артистам просто запрещают выступать без фонограммы.

Вера: Тем более что на таких концертах, где поешь всего одну-две песни, настраиваться для живого выступления как-то особого смысла нет.

– **А вы на Украине чаще выступаете в клубах или для большой аудитории – в концертных залах?**

Надя: Когда как получится. Мы не ставим перед собой задачу отработать, скажем, половину концертов в ночных клубах, а половину – на «большой сцене».

Вера: Мы и в клубах работаем, и в больших концертных залах работаем, причем не только на Украине, но и за границей.

– **За границей в каком смысле? Россия, например, для украинцев тоже за граница.**

Вера: Россия – это само собой! Я имела в виду страны СНГ, Прибалтику. В Европе тоже гастролируем иногда, в Японии были, в Израиле.

Надя: Мы широкомасштабны!

– **А как вы относитесь к выступлениям на каких-нибудь частных, заказных мероприятиях?**

Аня: Иногда мы выступаем на заказных мероприятиях: когда сидит, скажем, десять человек, и мы поем для них. Нас такая работа несколько не обижает. Иногда на днях рождения даже больше ждуют, чем на других мероприятиях. Люди выходят танцевать с первой песни, и ты забываешь, заказное это выступление или какое-то другое, это перестает иметь значение.

Вера: Кроме того, честно говоря, наш менеджмент всегда тщательно проверяет, куда мы едем, к какому человеку, что у него за день рождения, какая будет охрана.

Надя: У нас замечательная охрана, которая прекрасно делает свое дело! Эти люди – профессионалы: порой мы даже и не знаем, что кто-то что-то предлагал, чего-то хотел. Мы просто ограждены от этого, перед нами бетонная стена, мы абсолютно недоступны! Тем более что мы девушки дисциплинированные, никогда повода для каких-то там приставаний и вытекающих из них слухов не давали.

– **С чем связаны не раз имевшие место изменения в составе группы?**

Надя: Причина моего временного отсутствия в коллективе никогда не скрывалась – мой уход был связан с рождением ребенка. Но я вернулась. А вообще, понимаете, время показывает, кто должен остаться, а кто уйти. Все решает что-то свыше. У каждого человека своя судьба. Если ему не дано остаться

в том или ином деле, он в конце концов под влиянием тех или иных обстоятельств уйдет из него. Поэтому если кто-то и покинул «ВИА Гру», то такова его дорога, удачи ему и всего наилучшего. «ВИА Гра» становится только лучше, и, я думаю, именно этот состав станет золотым!

– Девушки, а как вы считаете, почему многие артисты из Украины в первую очередь стремятся покорить Россию?

Надя: Как бы, может быть, громко это ни было сказано, но Россия, я думаю, на сегодняшний день нами уже покорена. Наши песни в горячей ротации на многих радиостанциях, клипы часто по телевидению показывают. А то, что Украина уже давно покорена, это мы можем вообще точно сказать. Просто многие нас, так сказать, специально не признают, из-за какой-то чисто человеческой зависти, может быть. Я имею в виду тех, кто так или иначе относится к шоу-бизнесу. И журналистов в том числе. А в России, кстати, наоборот, отношение журналистов к нам очень хорошее. Даже те, кто сначала относился к коллективу «ВИА Гра» настороженно, с предубеждением, потом меняли свое мнение о нас.

Вера: Даже самые агрессивные критики после общения с нами смягчаются! И сами этому удивляются!

– То есть вы, видимо, располагаете к себе?

Надя: Просто мы не конфликтные люди.

– Так почему все-таки именно из Украины очень много популярных артистов в России, а не из, скажем, Казахстана, Армении или других бывших союзных республик?

Вера: В каждой стране есть таланты. Может быть, просто у украинцев характер более пробивной, есть желание себя показать. Кстати, на Украине одни из самых красивых женщин – это бесспорно! И мы гордимся своей страной в частности и потому, что женщины у нас действительно потрясающе красивые.

Аня: Да абсолютно не важно, откуда артист приехал! Если он привнес что-то новое на российскую сцену, если в нем есть что-то особенное, то он непременно заинтересует публику. Главное – это личность артиста, а не его национальность. Если у человека яркая индивидуальность – не имеет значения, откуда он. Музыка интернациональна!

– В ваших альбомах есть песни на украинском языке?

Аня: Нет, мы поем на русском.

Надя: Иногда мы включаем украинские песни в концертную программу. Например, когда мы выступали во Львове, спели и на украинском – там народ в основном украиноязычный, пришедшим на концерт было очень приятно услышать песню и на родном языке, и мы с удовольствием доставили им эту радость.

В России мы тоже иногда поем на украинском, но не часто, по настроению. Слушатели это приветствуют, и, кстати, в России знают много украинских песен. Это приятно.

– В 2003 году вы выпустили два альбома – «Стоп! Стоп! Стоп!» в апреле и «Биология» в ноябре. «Перерыву» между пластинками всего в полгода может позавидовать не один исполнитель!

Вера: Людям нравятся наши песни, они покупают альбомы, слушают их. И им пос-

тоянно хочется новых песен. Как говорится, спрос рождает предложение. Хотя я бы не сказала, что «ВИА Гра» выпускает пластинки так уж часто.

Надя: Просто качество для нас гораздо важнее, чем количество. Лишь бы что выпустить – каждый может. Напишут какую-нибудь, извините, фигню – и давай штамповать. Мы же хотим, чтобы альбомы «ВИА Гры» представляли собой действительно качественную музыку, чтобы в песнях был глубокий смысл. Чтобы к нашему коллективу относились не просто как

к девушкам-картинкам, на которых приятно посмотреть, а чтобы песни наши слушали. И поэтому мы стараемся в первую очередь делать хорошую, фирменную музыку. Хотим, чтобы наш альбом был, как крепкая настойка.

Аня: Периодически мы выпускаем новые песни, это слегка заинтриговывает слушателя. Люди ждут выхода очередного альбома, и нам это очень приятно.

– Вы еще не устали от своей популярности?

Вера: Попробуйте назвать хоть одного человека, который устал бы от того, что его любят и проявляют к нему интерес тысячи человек. Нет такого! Кому может надоест популярность?

– Некоторые исполнители говорят, что поют для себя, для души, а до «общественного мнения» им особого дела нет.

Аня: Для души поют дома на кухне, знаете!

Надя: Сейчас много чего на нашей эстраде бывает. Действительно, есть такие группы, солисты, которые занимаются творчеством как бы для себя, это их хобби, увлечение. Но такие проекты, как правило, недолговременны, они максимум год в шоу-бизнесе продержатся. Еще сейчас вошло в моду петь, когда просто некуда деньги девать. Но слушатель ведь тоже не дурак, рано или поздно он поймет, что к чему. Когда ты добиваешься чего-то своим трудом, своим умом, в конце концов обяза-

тельно будешь вознагражден. Мы стремились к тому, что сейчас с нами происходит, всю свою сознательную жизнь, с детства было желание стать артистом. Мы шли к этому, чего-то добивались, росли. Поэтому нам просто стыдно было бы говорить, что наша популярность нам надоедает!

– У многих молодых людей возникает вопрос о вашей личной жизни – есть ли шанс завоевать ваше сердце?

Надя: Шанс всегда есть!

Аня: Конечно. Мы все независимые и свободные женщины! Наши сердца открыты для самого замечательного мужчины на свете. Правда, конечно, завоевать наше сердце будет очень нелегко, но... пробуйте! Может быть, получится.

Надя: У нас жизнь нелегкая, мы часто гастролируем. Мало кто сможет выдержать это.

Вера: Бывают случаи, когда молодые люди просто подходят к нам где-нибудь, например, в аэропорту, дарят букеты роз, пишут письма. Причем не как фанаты, а просто как люди, влюбленные в женщину. Хотелось бы отблагодарить их за то, что они чувствуют, это же прекрасно! Спасибо им за их отношение к нам!

Аня: И оно взаимно! «ВИА Гра» любит вас!

**Беседу вела
Ядвига ДМУХОВСКАЯ**

Фото предоставлено «Sony Music», Россия

Группа
"ВИА ГРА"

Индексы 70554,
72385 (годовая подписка)